

ЛИТЕРАТУРА

8

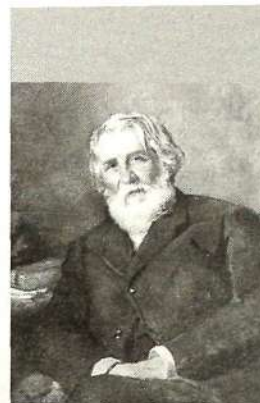
КЛАСС
часть

1

М. В. Нестеров
«Видение отроку
Варфоломею»

ЛИТЕРАТУРА

8

КЛАСС

УЧЕБНИК

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

часть

1

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации*

10-е издание, стереотипное

Москва 2010

БИБЛИОТЕКА
Средняя школа № 2
г. Рыбинск, Ярославской обл.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721
Л64

К юным читателям

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106—5215/9 от 31.10.2007)
и Российской академии образования (№ 01—675/5/7д от 29.10.2007)

Автор-составитель Г. И. БЕЛЕНЬКИЙ

В учебнике использованы иллюстрации художников *И. Астапова* (с. 369), *С. Герасимова* (с. 95, 113), *В. Горячева* (с. 16), *К. Клементьевой* (с. 320, 353), *Б. Кустодиева* (с. 15), *Д. Шаринова* (с. 173).

На обложке: *Неизвестный художник. Портрет И. С. Тургенева*
М. В. Нестеров. Труды Преподобного Сергия

На первом форзаце: *М. В. Нестеров. Видение отроку Варфоломею*
На втором форзаце: *В. И. Суриков. Боярыня Морозова*

Литература. 8 класс : учебник для общеобразоват.
Л64 учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. Г. И. Беленький. —
10-е изд., стер. — М. : Мнемозина, 2010. — 383 с. : ил.

ISBN 978-5-346-01449-2

Учебник для 8-го класса является составной частью системы учебных книг по литературе, выпускаемых издательством «Мнемозина». В это издание включены — в соответствии с учебной программой — и ставшие уже традиционными для школы, и не изучавшиеся ранее произведения. Учащимся предлагаются для самостоятельного чтения и разбора стихи, рассказы, в том числе произведения зарубежной литературы. Дидактический материал учебника включает как сведения по теории литературы, так и разделы с вопросами и заданиями повышенной трудности, которые могут вызвать интерес у восьмиклассников, а также проектные задания для коллективной работы.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721

© «Мнемозина», 2000
© «Мнемозина», 2008,
с изменениями
© «Мнемозина», 2010
© Оформление. «Мнемозина», 2010
Все права защищены

ISBN 978-5-346-01448-5 (общ.)
ISBN 978-5-346-01449-2 (ч. 1)

Дорогие ребята!

В прошлые годы вы совершили своеобразное путешествие по многим странам, векам и десятилетиям: познакомились с устным творчеством русского и других народов мира, изучали и просто читали выдающиеся произведения русской литературы — древней, XIX и XX веков, античной, английской, американской, французской, немецкой, итальянской, датской...

В 8-м классе вы продолжите это путешествие. Как и прежде, вы обратитесь сначала к устному народному творчеству: представляя огромную художественную ценность само по себе, оно, по словам М. Горького, непрерывно и определённо влияло на создание крупнейших произведений книжной литературы. На этот раз вы познакомитесь с наиболее распространённым, бессмертным жанром фольклора — народной песней.

Почти в каждом классе вы читали произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого. Творчество великих русских писателей-классиков настолько богато и многогранно, что люди разного возраста находят в нём интересные и доступные для себя произведения. Предметом вашего внимания станет прежде всего знаменитая повесть Пушкина «Капитанская дочка». Известный русский поэт А. Твардовский считал её совершеннейшим произведением искусства и если кого хотел укорить, то всегда говорил: «Да он “Капитанской дочки” не читал!»

Не оставят вас равнодушными строки героической поэмы Лермонтова «Мцыри», смешная и грустная комедия Гоголя «Ревизор», повесть Тургенева о чистой любви «Ася», рассказы Л. Толстого, М. Горького, Короленко, Бунина, Паустовского, Шукшина, поэма Твардовского «Василий Тёркин», стихи Заболоцкого, Рубцова, других русских поэтов.

Учебный год вы завершите чтением и разбором великих произведений эпохи Возрождения — «Ромео и Джульетты» Шекспира и «Дон Кихота» Сервантеса.

Вам предстоит обобщить и расширить свои знания о художественной литературе — о том, чем она отличается от литературы научной, какую роль в ней играет правда жизни и художественный вымысел, как создаётся и строится художественное произведение.

Именно такой обобщающей статьёй о литературе как искусстве слова мы и открываем нашу книгу.

Словесность (литература) не есть сумма всех познаний человеческих. <...> Она есть только образ, которым передаёт человек человеку всё им узнанное, найденное, почувствованное и открытое как в мире внешних явлений, так и в мире явлений внутренних, происходящих в собственной душе его. Её дело в том, чтобы передать это в виде яснейшем, живейшем, способном навеки остаться в памяти.

Н. В. Гоголь

В современном мире нет, пожалуй, человека, так или иначе не причастного к искусству. Книга, кино, телевидение, радио, театр, музыка, живопись прочно вошли в нашу жизнь. Среди различных видов искусства неопределима по своему влиянию художественная литература.

Вспомним обычное. Вы открыли незнакомую книгу и словно остались один на один с большим и умным другом — писателем. Прочитали одну страницу, другую — и вдруг совершилось «чудо». Перед вами разворачиваются неповторимые картины: герои отправляются в межпланетные путешествия, сражаются с врагами, спасают друзей, открывают тайны природы. И вы вместе с ними путешествуете, ведёте бои, участвуете в спорах, боретесь, терпите поражения и побеждаете. Вы видите этих людей, слышите их голоса, и волнение за их судьбу охватывает ваше сердце. Вы покорены силой художественного слова, музыкой стиха, выразительностью авторской речи.

Много десятилетий назад Алёша Пешков, будущий великий писатель Максим Горький, живя «в людях», впервые прочитал пушкинские поэмы.

«Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданное красивое место, — всегда стремишься обегать его сразу, — вспоминал он позднее. — Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернётся перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на неё очарованный, а потом счастливо бежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радуется... Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично всё, о чём говорили они, это делало меня счастливым,

жизнь мою — лёгкой и приятной, стихи звучали, как благовест¹ новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!»

Соприкосновение с миром искусства доставляет нам радость и бескорыстное наслаждение. «Поэзия, — говорил Л. Н. Толстой, — есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжёт, греет и освещает». Но нельзя согласиться с теми, кто видит в произведениях писателей, композиторов, художников только средство приятного времяпрепровождения и получения удовольствия. Конечно, мы нередко идём в кинотеатр, садимся к телевизору, берём в руки роман или повесть, чтобы отдохнуть, а то и поразвлечься. Да и сами художники, писатели, композиторы так строят свои произведения, чтобы возбудить, поддержать и развить интерес и даже любопытство зрителей, читателей, слушателей. Но значение искусства в жизни человека несравненно серьёзнее и богаче. Оно помогает лучше увидеть — иногда с неожиданной стороны — и глубже понять и окружающий нас мир, и самих себя. Оно запечатлевает характерные черты эпохи, становясь своеобразным хранилищем памяти для последующих поколений, давая возможность людям общаться друг с другом через десятилетия и века. Оно исподволь, как будто незаметно формирует взгляды и чувства, характер, вкусы человека, пробуждает любовь к прекрасному и отрицательное отношение ко всему, что противоречит высоким идеалам нравственности и справедливости. Оно воспитывает готовность к борьбе за торжество добра и правды.

Нет, не забавлять публику стремились Гоголь и Некрасов, Глинка и Чайковский, Суриков и Репин, Эйзенштейн и Мейерхольд², избирая свой тернистый и многотрудный жизненный путь. Недаром реакционные правители преследовали, сажали в тюрьмы, ссылали, выбрасывали за пределы родной страны, казнили, доводили до самоубийства выдающихся писателей, театральных деятелей, музыкантов.

Учителями жизни, воспитателями чувств становились писатели и художники для многих и многих своих современников и потомков.

Известный артист и режиссёр С. Образцов писал: «Мы никогда не узнаем, о чём каждый читатель советовался с Пушки-

¹ *Благовест* — удары в церковный колокол перед началом богослужения; здесь: предвестие, предзнаменование.

² Глинка М. И. (1804—1857), Чайковский П. И. (1840—1893) — великие русские композиторы; Суриков В. И. (1848—1916), Репин И. Е. (1844—1930) — великие русские живописцы; Эйзенштейн С. М. (1898—1948) — режиссёр, теоретик киноискусства; Мейерхольд В. Э. (1874—1940) — режиссёр, преобразователь театра.

ным, Чеховым, Горьким, но советовались все, кто их любил. А таких миллионы. Сколько человеческих душ сформировали эти писатели, сколько людей уберегли от душевного растрепания, неверия в человека, от пошлости, кривлянья! Скольких заставили задуматься о смысле жизни и направили на поиск этого смысла!»

К. Паустовский считал, что «милый чудак и поэт», датский сказочник Андерсен, с произведениями которого он познакомился в семилетнем возрасте, научил его вере в победу солнца над мраком и доброты человеческого сердца над злом.

В трагических обстоятельствах и в переломные моменты жизни люди нередко обращаются к произведениям искусства как к источнику духовной силы и мужества.

Сосланные в далекую Сибирь декабристы переписывали и передавали из уст в уста послание Пушкина, призывавшее хранить «гордое терпенье» и верить в приход желанной свободы. В землянках и окопах Великой Отечественной войны солдаты читали листовки, содержавшие главы поэмы Твардовского «Василий Тёркин». Космонавты брали с собой в полёт стихи дагестанского поэта Расула Гамзатова и произведения Шолохова. А первый в истории человечества космонавт Юрий Гагарин говорил: «Я вспоминаю книги Островского и Толстого, Горького и Пушкина, Маяковского и Шолохова и говорю: спасибо вам, мои любимые писатели, первооткрыватели и учителя, наставники и товарищи за всё: за вдохновение, за школу, за уроки жизни!»

В чём же «секрет» такого воздействия искусства, и прежде всего литературы, на людей?

В предыдущих классах вы уже, хотя и бегло, познакомились с некоторыми свойствами художественной литературы. Вы узнали, что писатель с помощью слова рисует картины жизни, сплавления впечатления от действительности с вымыслом; что главный предмет изображения в литературе — человек; что возможности литературы безграничны в изображении пространства и времени.

Теперь можно основательнее поговорить о том, что же такое художественная литература, каковы её главные особенности, и ответить на сформулированный выше вопрос: в чём секрет её воздействия на читателей?

Сравним художественную литературу с научной¹.

¹ Слово *литература* происходит от латинского *littera* — «буква» и означает все произведения человеческой мысли, закреплённые с помощью письменности. Область художественной литературы — стихи, поэмы, повести, рассказы и т. д.

ОТЛИЧИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ НАУЧНОЙ

Из многочисленных отраслей знания наиболее близка художественной литературе история: в центре внимания той и другой — люди и события. Как же рассказывают о людях и событиях учёный и писатель?

Восстанавливая, например, ход Бородинской битвы 1812 года, авторы книг по истории перечисляют корпуса и дивизии, оценивают положение войск той и другой стороны, сообщают, что ночь на 7 сентября прошла в последних приготовлениях к бою, что вечером и на рассвете французским солдатам читали воззвание Наполеона и те отвечали восторженными криками на призыв императора к решающей схватке.

В стихотворении Лермонтова «Бородино» тоже есть строки о ночи накануне сражения. Но поэта интересует не положение и передвижение войск, не количество полков и орудий. Впечатлениями о последних часах перед боем делится солдат-артиллерист, свидетель и участник исторических событий. Утомлённый двухдневными стычками с врагом, он прикорнул у лафета. Сквозь дремоту он слышит крики ликующих французов, нет-нет да и взглянет на своих боевых товарищей, поглощённых думами о предстоящем дне и заботами военного быта:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И перед нами возникает картина русского лагеря, объёгнтого тишиной, но живущего напряжённой и деятельной жизнью. В этом грозном молчании, в этой сосредоточенности русских солдат чувствуется решимость победить или умереть, любой ценой защитить родину.

Историки рассматривают отдельные моменты битвы и её общие итоги, оборонительные и наступательные манёвры войск, высказывают суждения о приказах и распоряжениях военачальников. Они сообщают, что французы потеряли около 60 тысяч человек, в том числе 47 лучших генералов, а русские — около 40 тысяч. Поэт не приводит цифр убитых и раненых, зато создаёт лаконичную, западающую в душу, величественную и страшную картину:

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел.

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колотъ устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Точным подбором слов, короткими, быстро сменяющимися фразами, чеканным ритмом стиха поэт передаёт напряжение исторической битвы.

Учёные в строгой последовательности, в определённой системе излагают факты и, рассматривая их, стремятся установить и сформулировать закономерности, причины и следствия явлений; результаты своих исследований они выражают в цифрах, понятиях, выводах. Писатели рисуют действительность в живых картинах. И только благодаря этим картинам художественное произведение, если даже в него включены рассуждения на философские, политические, исторические темы, становится созданием искусства и оказывает ни с чем не сравнимое воздействие на чувства и мысли читателя.

Главная задача науки — открыть законы развития живой и неживой природы, человеческого общества и человека и поставить эти законы на службу человеку. Искусство же, в частности литература, как говорил Л. Н. Толстой, «есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передаёт испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их». В литературе такими «внешними знаками» являются написанные и напечатанные слова, с помощью которых писатель вызывает в сознании читателя картины жизни, то есть художественные образы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Понятие картины жизни — сложное понятие. Многие стихотворения, короткие рассказы, басни можно рассматривать как единую картину. Произведения более объёмные (повесть, роман, поэма, драма) представляют собой систему образов, то есть ряд или даже множество картин, объединённых замыслом, чувствами, мыслями писателя, его отношением к жизни. Воспринимая и сопоставляя эти картины, мы получаем представление о характерах и взаимоотношениях действующих лиц, об окружающей их обстановке, о времени и месте действия произведения, о своеобразии писателя как художника слова.

Картина — не точная копия действительности, не фотография. Писатель — творец. Он пишет не только о том, что было (воспроизводя пережитое и увиденное, например, в очерках, мемуарах¹, путевых записках), но и о том, что не имело точного соответствия в жизни или могло быть («Мороз, Красный нос»). Такие виды литературы, как басня и сказка, по-своему отражающие явления действительности, основаны на художественном вымысле. Но и рассказывая о том, что было, писатель оценивает факты, а нередко пересоздаёт их с помощью воображения.

Вы, наверное, помните историю глухонемого Андрея, которую И. С. Тургенев положил в основу рассказа «Муму». Но как преобразилась эта история под пером художника: преданный своей барыне раб превратился в человека, исполненного чувства гордости и собственного достоинства; тот, кто простил хозяйке несправедливость, в рассказе проявил непокорность, самовольно покинув город.

Списывая с натуры (с крестьянина Никиты Павлюхова) героя рассказа «Злоумышленник», Чехов силой творческого воображения создал сцену у судебного следователя, в которой обвиняемый, Денис Григорьев, никак не может понять, почему нельзя отвинчивать гайки на железнодорожном полотне, — ведь они так хороши для грузила: и тяжесть, и дыра есть...

В уже упомянутом выше стихотворении «Бородино» Лермонтов обрисовывает историческое событие словами вымышленного солдата-ветерана.

На следующих страницах учебника вы увидите, как писатели — Пушкин, Гоголь, Толстой, Твардовский — переплавляли материал действительности в чистое золото искусства.

«Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутильная мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — всё это крупинки золотой пыли, — писал К. Паустовский. — Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковышиваем из этого сплава свою “золотую розу” — повесть, роман или поэму».

Нельзя создать картину жизни, оставаясь равнодушным к тому, что изображаешь. Даже один и тот же предмет разные художники воспроизводят по-разному, потому что по-разному видят и оценивают его, по-разному думают и чув-

ствуют (сравните, например, стихотворение Пушкина «Кавказ» и стихотворение в прозе Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствую вас!...»). Писатель не может быть бесстрастным. Он всегда что-то утверждает, что-то отрицает. Его картины всегда одушевлены мыслью и чувством. Вот почему они вызывают в нас вихрь сложных и разнообразных переживаний. Чем сильнее чувство писателя, чем ярче он видит окружающий мир, чем больше знает о нём, чем искуснее и талантливее он как художник, тем более сильный отклик находят его творения в душе читателя.

Картина жизни, созданная писателем и проникнутая его мыслями, чувствами, переживаниями, называется *художественным образом*.

Образность (то есть воплощение представлений писателя о жизни в картинах) — разгадка того особого влияния, которое оказывает литература на читателя.

ОТЛИЧИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ДРУГИХ ВИДОВ ИСКУССТВА

Картины жизни, образы рисует и живописец. По-своему жизнь и характеры людей отражаются в музыке и скульптуре. Чем же отличается художественная литература от других видов искусства? Живописец воссоздаёт на холсте жизнь природы и человека с помощью линий и красок. Скульптор запечатлевает внешность и характеры людей в глине, мраморе, металле и других материалах. Композитор выражает самые тонкие оттенки душевной жизни человека с помощью звуков. Оружие писателя — слово. Художественная литература — это искусство слова.

Ни одно искусство не может так наглядно, «объёмно» изобразить человека и окружающие его предметы, как живопись и скульптура. Но и живописец, и скульптор «схватывают» лишь один момент жизни, и, рассматривая картину или скульптуру, мы только догадываемся о том, что предшествовало этому моменту, что последует за ним. Ни живописец, ни скульптор не могут показать своих героев в движении, в изменении, в развитии. Это под силу искусству кино, в котором чудесно сплавлены особенности искусства слова, сценического искусства, живописи, музыки, художественной фотографии. Но не забудем, что художественные кинокартины создаются на основе литературных сценариев. Нельзя перевести на «язык» кино лирические произведения. При всём необъятном могуществе киноискусства есть области общественной и внутренней

¹ Мемуары — воспоминания (от лат. *memoria* — «память»).

жизни человека, доступные только художественной литературе. Мы говорили о музыке, которая с помощью гармонически организованных звуков выражает самые сокровенные чувства человека. Но и она часто выступает в содружестве с искусством слова (песня, романс, опера, оперетта, кантата, оратория).

Образ в художественной литературе раскрывается во времени. Общее впечатление от скульптуры или от картины художника у нас складывается сразу, при первом взгляде на них (конечно, в дальнейшем потребуются время, чтобы внимательно их рассмотреть, понять и оценить). Не то в литературе: в ней образы разворачиваются от события к событию, от сцены к сцене, от страницы к странице. Чтобы получить даже самое беглое представление о них, иногда нужно затратить часы и часы. В этом отношении литература близка к музыке, театру, киноискусству. Но, тесно связанное со временем, искусство слова само властвует над временем и пространством. Писатель может показать одно мгновение из жизни героя и становление и развитие его характера на протяжении десятилетий. Действие его произведений может происходить в отдалённой глухой деревушке и в царских палатах, в условном фантастическом мире и на полях исторических сражений. Самые многогранные характеры, самые невероятные происшествия, самые сложные отношения между людьми подвластны художнику слова.

УСЛОВНОСТЬ ИСКУССТВА

Искусство (в частности, литература) условно. Уже одно то, что, глядя на значки, называемые буквами, складывая буквы в слова, а слова во фразы, мы представляем себе живых людей, определённые картины жизни, одно это убеждает в условности художественной литературы. Ведь те предметы, которые рисует писатель, нельзя потрогать руками; с теми людьми, которых он изображает, нельзя пообщаться, поговорить: они возникают в нашем сознании, создаются нашим воображением под воздействием художественного текста. А кто из нас обясняется в жизни стихами? Кто может точно воспроизвести самые сокровенные мысли и чувства своего собеседника, как это делает писатель по отношению к своим героям? Кто слышал животных и птиц, говорящих человеческим языком, как это бывает в сказках и баснях?

С помощью художественных образов писатель творит свой, особый мир, и похожий, и не похожий на тот, в котором мы живём или жили наши предки. И квалифицированный читатель должен понимать, что такое художественный образ,

чем он отличается от фактов и явлений действительности, чем связан с ними, каковы законы построения художественного произведения, чего можно ждать от произведения определённого жанра, а какие требования к нему предъявлять нельзя. Например, самые небывалые приключения могут быть изображены в сказке, в фантастическом романе. Но нельзя и предположить, что герои «Детства» Л. Толстого или «Мальчиков» Достоевского в моменты напряжённых раздумий поднимутся в воздух и улетят на другие планеты.

Каждый раз, раскрывая новую книгу, мы вступаем в негласный договор с писателем. Он, писатель, как бы берёт на себя обязанность — в рамках определённого литературного рода и жанра — познакомить нас с неизвестными нам областями жизни или открыть в знакомой нам повседневности то, что мы не увидели или не поняли, приобщить нас к своим думам и чувствам. Мы же, читатели, воспринимая художественное произведение, должны судить его по законам художественного творчества и по тем законам, которые, по словам Пушкина, поставил над собою писатель.

Обдумаем прочитанное

1. В Энциклопедическом словаре содержится следующее описание степи: «Степь (степная зона) — физико-географическая зона, расположенная в Северном полушарии, к югу от зоны лесостепи. Представляет собой безлесное пространство, покрытое травянистой, приспособленной к сухому климату растительностью. Почвы чернозёмные и каштановые. Характерны дерновинные злаки (ковыли, типчак)». Сравните это научное описание с художественным описанием степи в повести Гоголя «Тарас Бульба». В чём разница?

2. Вспомните «Песнь о вещем Олеге» Пушкина и рисунок В. Васнецова «Прощание Олега с конём». Что мы узнаём об Олеге из рисунка Васнецова, что — из баллады Пушкина? Какими средствами изобразил князя художник, какими — поэт?

3. Подтвердите примерами из прочитанных произведений мысль о безграничных возможностях литературы в изображении времени и пространства.

После всего сказанного обратимся к устному народному творчеству: художественный образ в нём имеет то же значение, что и в книжной литературе.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду её искать, как в русских песнях.

М. Ю. Лермонтов

❧ Вопросы ❧

1. Какие жанры устного народного творчества вам известны?
2. Вспомните произведения устного народного творчества, с которыми вы познакомились в предшествующие годы, и определите, к какому жанру они принадлежат.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Есть у Тургенева рассказ «Певцы». Писатель рисует своеобразное состязание любителей пения, проходившее в деревенском кабаке. Один из участников состязания — Яков Турок (он и оказался победителем) — пел самозабвенно, весь отдаваясь чувству. И постепенно вершилось чудо. «“Не одна во поле дороженька пролежала,” — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый: он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нём была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь распрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль».

О покоряющей силе народной песни рассказывал и М. Горький в повести «В людях». Поступив учеником в иконописную мастерскую, будущий писатель не раз слушал пение донского казака, своего товарища по работе. «Когда он пел, мастерская

признавала его своим владыкой; все тянулись к нему, следя за широкими взмахами его рук, — он разводил руками, точно собираясь лететь... У меня эти песни вызвали горячее чувство зависти к певцу, к его красивой власти над людьми; что-то жутко волнующее вливалось в сердце, расширяя его до боли, хотелось плакать и кричать поющим людям:

— Я люблю вас!»

В песне выражается душа народа.

Не случайно рядом с русскими народными песнями в веках сохранились украинские думы, литовские даины, молдавские дйны, карельские и эстонские руны. Это об украинских песнях Гоголь писал, что в них заключено всё: и поэзия, и история, и отцовская могила.

Среди народных песен большое место занимают исторические и лирические. Исторические выражают чувства безымянных авторов в связи с какими-либо историческими событиями (войнами, походами, народными восстаниями), а также случаями из жизни царей, государственных деятелей, предводителей бунтов и восстаний (с одной из таких песен — о Матрюке — вы познакомились в связи с изучением «Песни про царя Ивана Васильевича...» Лермонтова).

Песни лирические, как говорил В. Г. Белинский, — это простодушное излияние «горя или радости сердца в тесном

и ограниченном кругу общественных и семейных отношений. Это или жалоба женщины, разлучённой с милым сердцу и насильно выданной за немилого и постылого, тоска по родине, заключающейся в родном доме и родном селе, ропот на чужбину, на варварское отношение мужа и свекрови. Если герой песни

мужчина, тогда — воспоминание о милой, ненависть к жене, или ропот на горькую долю молодецкую, или звуки дикого, отчаянного веселия — насильственный мгновенный выход из рвущей душу тяжёлой тоски». К лирическим песням следует причислить и песни ямщицкие, воинские, разбойничьи (одну из них — «Не шуми, мати зелёная дубровушка...» включил Пушкин в текст «Капитанской дочки»), песни народных востанний.

Работники иконописной мастерской, о которых рассказывал М. Горький, пели как раз и лирические песни («Уж как под лесом-лесочком»), и исторические («Как поехал наш Лександра свою армию смотреть» — о смерти царя Александра I).

К народной песне обращались в своём творчестве Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой. Русскую песню обрабатывали поэты XX века — Анна Ахматова, Александр Блок, Марина Цветаева. Эпиграфом к роману «Ти-

хий Дон», повествующему о трагических годах гражданской войны, М. А. Шолохов взял старинную казачью песню.

Не сохами славная наша земля распахана...
 Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
 А засеяна славная землюшка казачьими головами,
 Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
 Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
 Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами.

Народно-поэтическое творчество обогащает и оплодотворяет литературу и другие искусства. Мотивы русской народной песни звучат в музыкальных произведениях Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Балакирева, Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, современных композиторов. Многие авторские песни (написанные композиторами и поэтами) основаны на ритмах, интонации, образах народных песен. Иногда песни, созданные поэтами и композиторами, в обработанном и переработанном виде становятся народными. Такова, например, судьба думы К. Ф. Рыльева «Смерть Ермака» («Ревела буря, дождь шумел»), стихов Н. А. Некрасова из поэмы «Коробейники» («Ой, полна, полна коробушка...»).

В наше время широкое распространение получила так называемая авторская песня, слова и мелодию которой сочиняют либо профессиональные поэты (Булат Окуджава, Новелла Матвеева), либо люди других профессий (известный актёр Владимир Высоцкий, бывший педагог Юлий Ким и др.). Они же выступают и как исполнители своих песен.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЕРМАК ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ НА СИБИРЬ

Как на Волге, да на Камышинке,
 Казаки живут, люди вольные,
 У казаков был атаманушка,
 Ермаком звали Тимофеичем.
 Не злата труба вострубила им,
 Не она громко взговорила речь —
 Взговорил Ермак Тимофеевич:
 «Казаки, братцы, вы послушайте,
 Да мне думушку попридумайте!
 Как проходит уж лето тёплое,

Наступает зима холодная,
 Куда ж, братцы, мы зимовать пойдём?
 Нам на Волге жить — всё ворами слыть,
 На Яик идти — переход велик,
 На Казань идти — Грозен царь стоит,
 Грозен царь Иван сын Васильевич.
 Он на нас послал рать великую,
 Рать великую — в сорок тысячей.
 Так подумайте ж, мы — да возьмём Сибирь.
 Покоримтесь мы царю белому,
 Царю белому православному,
 Мы снесём к нему свои головы,
 Свои головы все повинные!»

СБОРЫ ПЕТРА I ПРОТИВ ШВЕДОВ

Накануне было Петровá дня, царского ангела,
 Как не золотая трубонька вострубила,
 Не серебряная сипóвочка¹ возыграла.
 Как возговорит наш батюшка православный царь,
 Всей ли же России Пётр Алексеевич:
 «Ох вы гой еси, князья со боярами!
 Пьёте вы, едите всё готовое,
 Цветное платьице носите припасённое, —
 Ничего-то вы не знаете, не ведаете:
 Ещё пишет король шведский ко мне грамотку,
 Он будет, король шведский, ко мне кушати.
 Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
 Скатерти расстелим — полк Семёновский,
 Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
 Мы по́ильце медяное — полк драгунушек,
 Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
 Потчевать заставим — полк пехотушек».

О ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

Подымалась Полтавская баталья.
 Запалит шведская сила
 Из большого снаряда — из пушки;
 Запалит московская сила

¹ Сипóвка — дудка, свирель.

Из мелкого ружья — из мушкета.
 Не крупен чеснок рассыпался:
 Смешалася шведская сила.
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатской белой грудью;
 Орана¹ шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронёна шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посеяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

ПУГАЧЁВ В ТЕМНИЦЕ

Ты звезда ли моя, звёздочка,
 Высоко ты, звёздочка, восходила:
 Выше леса тёмного,
 Выше садика зелёного.
 Становилась та звёздочка
 Над воротами решётчатыми.
 Как во тёмнице, во тюремнице
 Сидел добрый молодец,
 Добрый молодец Емельян Пугачёв.
 Он по темнице похаживает.
 Кандалами побрякивает:
 «Кандалы мои, кандалики,
 Кандалы мои тяжёлые!
 По ком вы, кандалики, доставались?
 Доставались мне кандалики,
 Доставались мне тяжёлые
 Не по тятеньке, не по маменьке —
 За походы удалые, за житьё свободное!»

ПУГАЧЁВ КАЗНЁН

Нет больше народного заступника.
 Емельян ты наш родной батюшка!
 На кого ты нас покинул?

¹ Орана — вспахана (от глагола *орать*, *орывать* — пахать).

Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...

Обдумаем прочитанное

1. Чем, по-вашему, отличаются исторические песни от былин? А в чём их сходство (в частности, в особенностях стихотворной речи)? Если читали и помните историческую песню о Мазепе, используйте её материал в ответе.

2. В песнях о Ермаке и Петре I найдите общие образные выражения (такие устоявшиеся поэтические формулы — одна из особенностей устного народного творчества).

3. В песнях о Петре I и Полтавской битве раскройте смысл метафор. В каких случаях и почему метафоры носят иронический характер, в каких случаях и почему — характер трагический? Какие места в поэме Пушкина «Полтава» напоминают названные песни?

4. В приведённых выше песнях значительное место занимает прямая речь героев. Как вы думаете, в чём причина такого построения песен?

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Породила да меня матушка,
Породила да государыня,
В зелёном-то саду гуляючи,
Что под грушею зелёною,
Что под яблонью под кудрявою,
Что на травушке на муравушке,
На цветочках на лазоревых.
Пеленала да меня матушка
Во пелёночки камчатные,
Во свивальники во шелковые.
Берегла-то меня матушка
Что от ветру и от вихорю;
Что пустила меня матушка
На чужу дальню сторонушку.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая!
Что не сам-то я на тебя зашёл,
Что не добрый меня конь завёз, —

Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая —
Служба грозная государева,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая¹.

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали,
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чём бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершись,
Не глядела бы я в чисто поле.
И я батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
«Не давай меня, татюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не с хоромами жить, с человеком,
Не с богатством жить мне, с советом».
Я по сениям шла, я по новым шла,
Подняла шубушку соболиную,
Чтоб моя шубушка не прошумела,
Чтоб мои пуговицы не прозвякнули,
Не услышал бы свёкор-батюшка.
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

Не бушуйте, не бушуйте, ветры буйные,
Не тревожьте мои мысли скучные;
Уж и так мне жить тошнѣхонько:
Покидает любить меня сердечный друг,
Сама не знаю, не ведаю за что.
Чем я своего голубчика прогневала?
Или тем, что я верна была?
Или тем, что я люблю тебя?
Не лукава была, не насмешлива?
Знаю, батюшка, знаю, жизнь моя,

¹ Читая «Капитанскую дочку», обратите внимание на то, как Пушкин использовал эту песню.

Что можешь найти лучше меня, —
А верней меня не сыскать тебе.

Во лесах во дремучих
Тут брала девка ягоды,
Брамши-то, она в лесу заблудилась,
Заблудимши, она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный друг,
Мой любезный друг, жизнь душа моя».
— «Уж я рад бы тебе откликнулся.
За мной ходят трое сторожей:
Первый сторож — родной батюшка,
Второй сторож — мила матушка,
А третий сторож — молода жена!»

Песня записана А. С. Пушкиным

«Ты о чём, горькая кукушечка,
О чём ты кукуешь?» —
«Как же мне, горькой кукушечке,
Как мне не куковать?
Что один, один-то был зелёный сад,
И тот засыхает!
Что один-то во саду был соловьюшка,
И тот вылетает!»
«Ты о чём, красная девушка,
О чём тужишь, плачешь?» —
«Ну и как же мне, красной девушке,
Не тужить, не плакать?
Что один-то, один разлюбезный был,
И тот покидает!
Что со всеми, ах-да, разлюбезный друг
Со всеми простился,
Что со мной, молодой, с молодёшенькой,
Со мной постыдился!
С половины пути, со дороженьки
Назад воротился,
Со мной, с красной девушкой,
Со мной распростился:
«Ты прости, прощай, моя любезная,
Прощай, Бог с тобою!» —

«Если лучше найдёшь, разлюбезный друг,
Меня позабудешь;
Если хуже найдёшь, разлюбезный друг,
Меня вспомнешь!»

Вспомните об этой лирической песне, когда прочитаете эпиграф к главе V «Капитанской дочки» Пушкина.

Обдумаем прочитанное

1. Характерная особенность лирических народных песен — сопоставление душевных переживаний с явлениями природы. Найдите в приведённых выше песнях примеры такого параллелизма.

2. Задушевность лирическим песням придают слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами. Приведите примеры такого словоупотребления.

3. В исторических и лирических песнях найдите 3—4 примера повторений (повторов) слов и выражений (одну из характерных особенностей народных песен).

4. Какие старинные народные песни вам приходилось слышать? Какие можете исполнять сами?

5. Какие песни, написанные поэтами и композиторами и ставшие народными, вы знаете?

О собирателях и исполнителях народных песен написано немало рассказов, воспоминаний, научных трудов. В частности, в очерке «Вопленица» М. Горький изобразил крестьянку Ирину Андреевну Федосову — автора, хранительницу и исполнительницу так называемых народных плачей. Интересен рассказ писателя «Как сложили песню», в котором показан сам процесс создания народной лирической песни.

Прочтите написанный на близкую тему рассказ К. Паустовского «Колотый сахар».

Константин Георгиевич

ПАУСТОВСКИЙ

(1892—1968)

КОЛОТЫЙ САХАР

Северным летом я приехал в городок Вознесенье, на Онежском озере.

Пароход пришёл в полночь. Серебряная луна низко висела над озером. Она была ненужной здесь, на севере, потому что

уже давно стояли белые ночи, полные бесцветного блеска. Длинные дни почти ничем не отличались от недолгих ночей: и день и ночь весь этот лесной низкорослый край терялся в сумерках.

Северное лето всегда вызывает тревогу. Оно очень непрочно. Его небогатое тепло может внезапно иссякнуть. Поэтому на севере начинаешь ценить каждую едва ощутимую струю тёплого воздуха, ценить скромное солнце, что превращает озёра в зеркала, сияющие тихой водой. Солнце на севере не светит, а просвечивает как будто через толстое стекло. Кажется, что зима не ушла, а только спряталась в леса, на дно озёр, и всё ещё дышит оттуда запахом снега.

В садах отцветали берёзы. Белокрысы босые мальчишки сидели на дощатой пристани и удили корюшку. Всё вокруг казалось белым, кроме чёрных больших поплавок. Мальчишки не спускали с них прищуренных глаз и шёпотом просили друг у друга дать покурить.

Вместе с мальчишками удил рыбу вихрастый веснушчатый милиционер.

— А ну, давай не курить на пристани! Давай не безобразничать! — покрикивал он изредка, и тотчас же несколько махорочных огоньков падали в белую воду, шипели и гасли.

Я пошёл в город искать ночлег. За мной увязался толстый равнодушный человек, стриженный бобриком.

Он ехал на реку Ковжу по лесным делам. Он таскал с собой поседевший портфель со сводками и счетами. Говорил он косноязычно, как бесталанный хозяйственник: «лимитировать расходы на дорогу», «сделать засъёмку», «организовать закуску», «перекрыть нормы по линии лесосплава»...

Небо выцветало от скуки от одного присутствия этого человека.

Мы шли по дощатым тротуарам, черёмуха цвела в холодных ночных садах, за открытыми окнами горели неяркие лампы.

У калитки бревенчатого дома сидела на скамейке тихая светлоглазая девочка и баюкала тряпичную куклу. Я спросил её, можно ли переночевать в их доме. Она молча кивнула и провела меня по скрипучей крутой лестнице в чистую горницу. Человек, стриженный бобриком, упрямо шёл следом.

В горнице вязала за столом старуха в железных очках и сидел, прислонившись к стене, худой пыльный старик с закрытыми глазами.

— Бабушка, — сказала девочка и показала на меня куклой, — вот заезжий просится ночевать.

Старуха встала и поклонилась мне в пояс.

— Ночуй, желанный, — сказала она нараспев. — Ночуй, будь гостем дорогим. Только тесно у нас, не взыщи, — придётся на полу постелить.

— На низком уровне, значит, жизнь у вас организована, гражданка, — придирчиво сказал человек, стриженный бобриком.

Тогда старик открыл глаза — они были у него почти белые, как у слепого, — и медленно ответил:

— Такого, как ты, ни сон, ни ум не обогатят. Терпи — терпиться.

— Имей в виду, гражданин, — сказал человек, стриженный бобриком, — с кем разговариваешь! Должно в милиции не сидел!

Старик молчал.

— Ох, бабушка, — жалобно пропела старуха, — не обижайся на странника! Бездомный он, бродячий старик, чего с него спрашивать?

Человек, стриженный бобриком, оживился. Глаза его сделались сверлящими и свинцовыми. Он тяжело хлопнул портфелем по столу.

— Безусловно чуждый старик, — сказал он с торжеством. — Надо соображать, кого в дом пускаете. Может, он беглец из концлагеря или подпольный монах? Сейчас мы выясним его личность. Как тебя звать? Откуда родом?

Старик усмехнулся. Девочка уронила куклу, и губы у неё задрожали.

— Родом я отовсюду, — ответил спокойно старик. — Нигде нету для меня чужбины. А зовут меня Александр.

— Чем занимаешься?

— Сеять я и собирать, — так же спокойно ответил старик. — В юности хлеб сеял и хлеб собирал, нынче сею доброе слово и собираю иные чудесные слова. Только неграмотен я, — вот и приходится всё на слух принимать, на память свою полагаться.

Человек, стриженный бобриком, озадаченно помолчал.

— Документы есть?

— Есть-то есть, только не для тебя они писаны, милый человек. Документы у меня дорогие.

— Ну, — сказал человек, стриженный бобриком, — мы найдём того, для кого они писаны.

И он ушёл, хлопнув дверью.

— Сырой человек, неспелый, — сказал, помолчав, старик. — От таких бывает в жизни одна суета.

Старуха поставила самовар. Она певуче сокрушалась, что нету у неё в доме ни кусочка сахара: забыла купить. Самовар ей жалобно подпевал. Девочка постелила на стол чистую суровую скатерть. От скатерти пахло ржаным хлебом.

За открытым окном блистала звезда. Она была туманной, очень большой, и странным казалось её одиночество на громадном зеленеющем небе.

Ночное чаепитие меня не удивило, — давно я заметил, что северным летом люди долго не спят. И сейчас за окном, у калитки соседнего дома, стояли две девушки и, обнявшись, смотрели на тусклое озеро. Как всегда бывает белой ночью, лица девушек казались бледными от волнения, печальными и красивыми.

— Ленинградские это комсомолки, — сказала старуха. — Дочери капитанов. На лето всегда приезжают.

Старик сидел с закрытыми глазами и молчал, как будто прислушивался. Потом он открыл глаза и вздохнул.

— Ведёт! — сказал он горестно. — Прости, бабушка, меня, дурака, задокуку.

Лестница скрипела. По ней тяжело подымались люди. Без стука вошёл человек, стриженный бобриком. За ним шёл вихрастый озабоченный милиционер — тот, что удил рыбу на пристани. Человек, стриженный бобриком, кивнул на старика.

— А ну, давай, дед, — сурово сказал милиционер, — давай выясняй свою личность! Налаживай документы!

— Личность моя простая, — ответил старик, — только рассказывать долго. Садись, слушай.

— Ты поскорей! — сказал милиционер. — Сидеть мне некогда, надо тебя в отделение представить.

— В отделение, родимый, мы завсегда с тобой успеем, в отделении разговор короткий, не с кем душу отвести. Мне седьмой десяток пошёл, помру я не нынче-завтра на чужом дворе. Значит, должен ты меня вытерпеть.

— Ну, давай, — согласился милиционер. — Только не путай!

— Зачем путать! Жизнь моя чистая, её не запутаешь. Все мы, Федосьевы, были со стародавних времен ямщики да певуны. Дед мой Прохор был великий певец, по всему тракту от Пскова до Новгорода голос свой пропел, проплакал. Голос беречь надо, он не зря человеку даден, и дед мой берёг, да не уберёг — сорвался. Может, знаешь иль нет, жил у нас в Псковской губернии знаменитый земляк Александр Сергеевич, поэт Пушкин.

Милиционер ухмыльнулся:

— Ещё бы не знать-то!

— Из-за него дед голос свой и сорвал. Встретились они на ярмарке, в Святогорском монастыре. Дед пел. Пушкин слушал. Потом пошли они в питейное заведение и просидели до ночи. Об чём гуторили, никому не известно, только дед вернулся весёлый, как хмельной, хоть вина почти и не пил. Говорил потом бабке: «От слов и от смеха его я захмелел, Настюшка, — такой красоты слова — лучше всякой моей песни». Была у деда одна песня, очень её Пушкин уважал.

Старик помолчал и вдруг запел звенящим томительным голосом:

Эх, по белым полям, по широким
Наши слёзы снежком замело!

Девушки подошли к окну и, обнявшись, слушали. Милиционер осторожно сел на скамью.

— Да, — вздохнул старик, — многие времена прошли, умер дед столетним стариком и песню ту велел петь своим сыновьям и внукам. Однако не про то я говорю. Раз зимой будят деда ночью, стучат в оконце, велют запрягать по спешной казённой надобности. Вышел дед с крыльца, видит — полно жандармов, ходят, звенят тесаками. Ну, думает, опять везти каторжан. Однако нет никаких арестантов, а на саях чёрный гроб лежит, верёвками увязан. Кого же это, думает, и в могилу, страдальца, в оковах везут, кого ж это царь и после смерти боится? Подошёл к гробу, смахнул рукавицей снег с чёрной крышки и спрашивает жандарма: «Кого повежём?» — «Пушкина, — говорит жандарм. — Убили его в Петербурге». Дед отступил на шаг, скинул шапку и поклонился гробу в пояс. «Ты, что ж, знаком ему, что ли?» — спрашивает жандарм. «Песни я ему пел». — «Ну, так теперь петь не будешь!» Ночь была тяжкая, крепкая, дыхание в груди замерзало. Подвязал дел бубенцы, чтобы не гремели, сел на облучок, поехал. Тихо кругом, только полозья свистят да слышно, как тесаки стучат и стучат о гроб глухим стуком. Накипело у деда на сердце, от слёз заболели глаза, собрал он весь свой голос и запел:

Эх, по белым полям, по широким...

Жандарм его бьёт ножнами в спину, а дед не слышит, поёт. Вернулся домой, лёг, молчит: голос на морозе застудил. С той поры до самой смерти говорил шепло, одним шёпотом.

— От сердца, значит, пел, — пробормотал, сокрушаясь, милиционер.

— Всё, родимый, надо от сердца делать, — сказал старик. — А ты ко мне пристаёшь, кто я да что. Песни я пою. Такое моё занятие. Хожу промеж людей и пою. Где какую новую песню услышу — запоминаю. К примеру, слово ты сказал — это одно, а слово это самое ты пропел — выходит, сердешный мой, другое, — оно долго в сердце дрожит. Песенную силу беречь надо. Какой народ петь не любит — плёвый тот народ, нету у него правильного жизненного понятия. А об документе ты не тревожся, документ я тебе покажу.

Старик вытащил трясущимися руками из-за пазухи серую ладанку и достал оттуда бумажку.

— На, читай!

— Зачем мне читать! — обиделся милиционер. — Мне её читать нет теперь надобности. Я тебя и так вижу. Сиди, де-душка, отдыхай. А вы, гражданин, — милиционер обернулся к человеку, стриженному бобриком, — лучше шли бы ночевать в дом колхозника, там вам способнее. Идёмте, я вас доведу.

Они вышли. Я взял бумажку у старика и прочёл:

«Дано это удостоверение Александру Федосьеву в том, что он является собирателем народных песен и сказок и получает за это пенсию от правительства Карельской республики. Всем местным властям предлагается оказывать ему всяческую помощь».

— Эх, горе! — сказал старик. — Нету хуже, когда у человека душа сухая. Вянет от таких жизнь, как трава от осенней росы.

Мы пили чай. Девушки, обнявшись, ушли к озеру, и в лёгком ночном сумраке белели их простые ситцевые платья. Тусклая луна опускалась в воду, и в саду среди берёз печально крикнула ночная птица.

Светлоглазая девочка вышла на улицу и снова сидела у калитки и баюкала тряпичную куклу. Я видел её из окна. К ней подошёл вихрастый милиционер и сунул ей в руку свёрток с сахаром и баранки.

— Давай отнеси дедушке, — сказал он и густо покраснел. — Скажи, гостинец. Мне самому некогда, надо на пост становиться.

Он быстро ушёл. Девочка принесла свёрток с колотым сахаром и баранки. Старик засмеялся.

— Жил бы я, — сказал он, вытирая слезящиеся глаза, — ещё долгое время. Жалко помирять, уходить от ласковости людской, и-и-и как жалко! Как гляну на леса, на светлую воду, на ребят да на травы — прямо силы нет помирять.

— А ты живи, желанный, — сказала старуха. — У тебя лёгкая жизнь, простая, таким только и жить.

Днём я уехал из Вознесенья в Вытегру. Маленький пароход «Свирь» шёл по каналу, задевая бортами за плакун-траву, разросшуюся по берегам.

Городок уходил в солнечный тусклый туман, в тишину и даль летнего дня, и низкорослые леса уже охватывали нас тёмным кругом. Северное лето стояло вокруг — неяркое, застенчивое, как светлоглазые здешние дети.

1938

Обдумаем прочитанное

1. Что герой рассказа говорит о значении песни в жизни человека и народа? Как вы понимаете слова старика «Нету хуже, когда у человека душа сухая. Вянет от таких жизнь, как трава от осенней росы»? Какой мыслью они связаны с его словами о значении песни?

2. Почему, по-вашему, Прохор, дед старика, простой ямщик, и Пушкин, великий поэт, проявили интерес друг к другу?

3. Перечитайте строки, в которых писатель изображает северную природу и быт городка. Какие краски преобладают? Почему, по-вашему, на этом фоне так неожиданно звучит рассказ старика о его деду Прохоре и Пушкине? А есть ли в жизни городка что-то светлое, доброе, поэтичное (обратите внимание на старуху в очках, на приезжих девушек, на милиционера)? Зачем, по вашему мнению, нарисован человек, стриженный бобриком?

4. Почему рассказ о народной песне становится произведением, прославляющим добро и поэзию?

Для любознательных

ИЗ СБОРНИКОВ АВТОРСКИХ ПЕСЕН

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

(1938—1980)

ПЕСНЯ О ВОЛГЕ

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице —
Всё суда с товарами, струги да ладьи, —
И не надорвалась, и не притомила:
Ноша не тяжёлая — корабли свои.

Вниз по Волге плавая,
Прохожу пороги я
И гляжу на правые
Берега пологие:
Там камыш шевелится,
Поперёк ломается, —
Справа берег стелется,
Слева — поднимается.

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка», —
Вся вода исхлёстана пулями врагов, —
И плыла по Матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.

Долго в воды пресные
Лили слёзы строгие.
Берега отвесные,
Берега пологие —
Плакали, измызганы
Острыми подковами,
Но теперь зализаны
Злые раны волнами.

Что-то с вами сделалось, города старинные,
В коих — стены древние, на холмах кремля, —
Словно пробудились молодцы былинные
И — числом несметные — встали из земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянут баржи с Каспия,
Тянут — надрываются,
Тянут — не оглянутся, —
И на вёрсты многие
За крутыми тянутся
Берега пологие.

1973

Булат
ОКУДЖАВА
(1924—1997)

ПЕСЕНКА

Совесь, благородство и достоинство —
Вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
Но зато умрёшь как человек.

80-е годы

ПО СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
Над Смоленской дорожкой, как твои глаза, —
две вечерних звезды — голубых моих судьбы.

По Смоленской дороге — метель в лицо, в лицо,
всё нас из дому гонят дела, дела, дела.
Может, будь понадежнее рук твоих кольцо —
покороче б, наверно, дорога мне легла.

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
По Смоленской дороге — столбы гудят, гудят.
На дорогу Смоленскую, как твои глаза,
две холодных звезды голубых глядят, глядят.

1960

Берегите нас, поэтов. Берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час,
три минуты, две минуты, вовсе ничего...
Берегите нас. И чтобы все — за одного.

Берегите нас с грехами, с радостью и без.
Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес.
Он минувшие проклятья не успел забыть,
но велит ему призванье пулю в ствол забыть.

Где-то плачет наш Мартынов — поминает кровь.
Он уже убил однажды, он не хочет вновь.
Но судьба его такая, и свинец отлит,
и двадцатое столетье так ему велит.

Берегите нас, поэтов, от дурацких рук,
от поспешных приговоров, от слепых подруг.
Берегите нас, покуда можно уберечь.
Только так не берегите, чтоб костями нам лечь.

Только так не берегите, как борзых — псари!
Только так не берегите, как псарей — цари!
Будут вам стихи и песни, и ещё не раз...
Только вы нас берегите. Берегите нас.

1960

❧ Проектное задание ❧

Подготовьте вечер авторской песни. Поручите одному-двум ученикам выступить с коротким докладом о связях авторской и народной песен и отличиях между ними.

Отберите песни для исполнения на вечере (с помощью фонозаписи, хором, под гитару и т. д.). Желательно, чтобы исполнению песен одного автора предшествовало краткое сообщение о его жизни и творчестве.

Оформите помещение, где будет проходить вечер (выставка книг, портреты поэтов).

Самый необходимый материал об авторской песне вы найдёте в книгах: «Возьмёмся за руки, друзья! (Рассказы об авторской песне)». М., 1990; «Авторская песня. Книга для ученика и учителя». М., 1997.

РУССКАЯ СТАРИНА

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А. С. Пушкин

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин

Алексей Николаевич

ТОЛСТОЙ

(1882/83—1945)

ЗЕМЛЯ «ОТТИЧ И ДЕДИЧ»

...Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создаёт своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле...

Земля «оттич и дедич» — это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришёл наш пращур жить навечно. Он был силен и бородат, в посконной длинной рубаше, солёной на лопатках, смышлён и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бугре над рекою он огородил тыном своё жилище и поглядел по пути солнца в даль веков.

И ему померещилось многое — тяжёлые и трудные времена: красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и установленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копы на Куликовом поле, и кровью залитый лёд Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые, пределы земли от Сибири до Варяжского

моря; и снова — дым и пепелища великого разорения... Но нет такого лиха, которое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения Смуты государство вышло и устроилось и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед затем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяином земли своей...

Многое мог увидеть пращур, из-под ладони глядя по солнцу... «Ничего, мы сдюжим», — сказал он и начал жить. Росли и множились позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плёл невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга, — вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задумчивого, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной — землёй отчич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, весёлые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, — говорившиеся нараспев, под звон струн, — о славных подвигах богатырей, защитников земли народа, — героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов...

...Недаром пращур плёл волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сиживали по вечерам при восковой свече над книгами, а иные, как неистовый протопоп Аввакум, — в яме, в Пустозёрске, и размышляли о правде человеческой и записывали уставом и полууставом¹ мысли свои. Недаром буйная казачья вольница размётывала переизбыток своих сил в набегах и битвах, недаром старушки-задворенки² и бродящие меж дворов старички за ночлег и ломоть хлеба рассказывали волшебные сказки, всё, всё, вся широкая, творческая, страстная, взыскующая

¹ *Устав и полуустав* — типы почерков древних славянских рукописей.

² *Задворенки* — ходившие по дворам, по гостям.

душа народа русского нашла отражение в нашем искусстве XIX века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки...

Из статьи «Родина». 1941

ЛЮДИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В предшествующих классах вы прочитали отрывки из произведений древнерусской литературы (назовите — какие?), а также некоторые былины и сказки. Ещё по начальным классам, очевидно, вы знаете произведения живописцев на темы русской истории — картины В. Васнецова («Богатыри»), М. Врубеля («Микула Селянинович»), Н. Рериха («Гонец»), П. Корина («Александр Невский»), А. Бубнова («Утро на Куликовом поле»). Может быть, слышали, хотя бы в отрывках, оперу Н. Римского-Корсакова «Снегурочка». Какими вам — на основании прочитанного, увиденного и услышанного — представляются люди Древней Руси, их идеалы и стремления?

На следующих страницах учебника вы узнаете также и о тех людях, кто непосредственно не воевал и не участвовал в государственных делах, но тем не менее оказывал очень большое влияние на нравственность народа. С XIII века в стране растёт число отшельников — людей, порывающих со своим окружением, уходящих в пустынные места, в горы, в леса, чтобы, отказавшись от материальных благ и телесных радостей, посвятить себя молитвам и достичь власти над своими прихотями и страстями. Постепенно создавались сообщества отшельников, возникали лесные монастыри. Такой монастырь, получивший название Троицкого, основал недалеко от Москвы Сέργий Радонежский.

Многие лесные старцы отличались трудолюбием, скромностью, чувством взаимного уважения, а в тяжёлую для Родины годину нередко делали всё, чтобы поднять и сплотить народ на борьбу с внешним врагом.

Наиболее прославившихся подвигами самопожертвования и веры церковь причисляла к лику святых. О них современники и потомки рассказывали в произведениях, названных житиями и служивших основным видом чтения в эпоху Средневековья. Постепенно сложились каноны (правила), по которым создавались произведения житийной литературы: святой имел богобоязненных родителей, с детства был глубоко религиозен,

обладал пророческим даром, творил чудеса. Житие обычно заканчивалось описанием чудес на могиле святого и его прославлением. По такому канону в основном написано и житие Сергия Радонежского. Но сквозь традиционный текст ярко проступают факты действительной жизни необыкновенного человека.

Житийный канон разрушил протопоп Аввакум, религиозный бунтарь, сам рассказавший о своей жизни без прикрас и чудес, создатель одного из первых автобиографических произведений в русской литературе.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Написано Епифанием Премудрым¹

(Фрагменты. Перевод на современный русский язык)

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Преподобный отец наш Сергей родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. <...>

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребёнок ещё был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии². И стояла она с другими женщинами в притворе³, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика — преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем, как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнёсся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про

¹ Епифаний Премудрый (год рожд. неизвестен — умер в 1420 г.) — писатель. Более 30 лет провёл в Троице-Сергиевом монастыре.

² Литургия — главное христианское церковное богослужение.

³ Притвор — передняя часть церкви.

себя и говорили: «Что же будет с младенцем?» Когда же иерей¹ возгласил: «Вонмем, святая святым!» — младенец снова, в третий раз, громко закричал. <...>

Когда настал срок родов, родила она своего младенца. И, весьма радостно рождение его встретив, родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей и предались веселью, слава и благодаря Бога, давшего им такое дитя. После рождения его, когда в пелёнки был завернут младенец, нужно было к груди его приносить. Но когда случалось, что его мать ела некую мясную пищу, которой она насыщала и наполняла свою плоть, тогда младенец никак не хотел грудь брать. И это случилось не один раз, но иногда день, иногда два ребёнка не ел. Поэтому страх вместе со скорбью овладевал родившей младенца и родственниками её. И с трудом они поняли, что не хочет младенец пить молоко, когда мясом питается кормящая его, но согласен пить, только если она не будет разрешаться от поста. И с той поры мать воздерживалась и постилась, и с тех пор младенец стал всегда, как должно, кормиться. <...>

Нам же думается так: этот ребёнок с детства был почитатель Господа, ещё в самой утробе материнской и после рождения он к богобоязности был склонен, и от самых пелёнок Господа познал, и поистине уразумел; будучи ещё в пелёнках и в колыбели, к посту привыкал; и, материнским молоком питаюсь, вместе с вкушением этого молока воздержанию учился; и, будучи возрастом младенец, не как младенец поститься начинал; и младенцем воспитан был в чистоте; и более благочестием, чем молоком, вскормлен был; и до своего рождения он избран был Богом, и было предсказано его будущее, когда, находясь в утробе матери, трижды он в церкви прокричал, что удивляет всех, кто слышит об этом. <...>

Рос ребёнок в следующие года, как и полагается в этом возрасте, мучала его душа, и тело, и дух, наполнялся он разумом и страхом Божиим, и милость Божья была с ним; так он жил до семи лет, когда родители его отдали учиться грамоте. <...>

У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Пётр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Пётр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители,

¹ Иерей — священник.

учитель же ещё строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок тайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня». <...>

Однажды отец послал его искать лошадей. Когда он послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некоего черноризца¹ старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера², благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, когда тот кончит молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным святого духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу её одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мощны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору³, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры⁴, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе даётся знамение благодати Божьей и понижения Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от мёда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: “Как сладки гортани моей слова твои! Лучше мёда устам моим”; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодovitая и плодоносная, семена принявшая в сердце своё, стоял он,

радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой; отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец; они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошёл в молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освящённого в утробе отрока. И начал он «Часы» петь, а отроку велел псалом¹ читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: “Вот я дал слова мои в уста твои”». Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать. <...>

И ещё об одном деянии этого блаженного отрока скажем, как он, молодой, проявил разум, достойный старца. Через несколько лет он стал поститься строгим постом и от всего воздерживался, в среду и в пятницу ничего не ел, а в прочие дни хлебом питался и водой; по ночам часто бодрствовал и молился. Так вселилась в него благодать святого духа. <...>

ОСНОВАТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ

[Когда родители умерли, Варфоломей стал просить своего брата Стефана], чтобы тот пошёл с ним искать место пустынное. Стефан, повинувшись словам блаженного юноши, пошёл вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолвившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они брёвна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили её. <...>

¹ Черноризец — монах.

² Пресвитер — священник (то же, что иерей).

³ Анафора — хлеб, освящённый в таинстве церковного обряда.

⁴ Просфора — круглая булочка, употребляемая в христианских обрядах.

¹ Псалом — религиозная песнь.

[Освящена была церковь во имя Святой Троицы.]

Стефан же, построив церковь и освятив её, недолго прожил в пύстыни¹ с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни, жизнь печальная, жизнь суровая, во всём нужда, во всём лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ничего другого, нужного для жизни. Ведь не было к тому месту ни дорог, ни подношений ниоткуда; ведь не было тогда вокруг пустыни этой поблизости ни сёл, ни домов, ни людей, живущих в них; ниоткуда не было к тому месту тропы человеческой, и не было ни прохожих, ни посетителей, но вокруг места этого со всех сторон был только лес, только глушь. Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пύстыню, а также брата своего родного, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушёл отсюда в Москву.

Придя в город, он поселился в монастыре святого Богоявления, и нашёл себе келью, и жил в ней, весьма преуспевая в добродетели. <...>

[Варфоломея же позванный им священник постриг в монахи под именем Сергия.]

Следует также вот что знать читающим житие: в каком возрасте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по Божественной благодати. После ухода игумена преподобный Сергий в пустыни подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыни? Невозможно нам рассказать, с каким трудом духовным и с многими заботами он начинал начало жизни в уединении, сколь продолжительное время и сколько лет он в этом лесу пустынном мужественно оставался. Стойкая и святая его душа мужественно выносила всё вдали от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно, не спотыкаясь и оставаясь чистой. <...>

ИСКУШЕНИЯ

Однажды преподобный Сергий ночью вошёл в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством

воинов бесовских появился, — вошёл он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерхих; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сравнять то место с землёй. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя; и ты умрёшь в руках наших, и не быть тебе живым». Привычка есть у дьявола в его гордости: когда начнёт он перед кем-нибудь похвалиться или угрожать, тогда хочет и землю уничтожить, и море высушить, а сам не имеет власти даже над свиньями.

Преподобный же Сергий, вооружась молитвой к Богу, так начал говорить: «Боже! Кто уподобится тебе? Не молчи, не оставайся безучастным, Боже! Ибо вот враги твои разбушевались». И ещё сказал: «Да воскреснет Бог, и исчезнут враги его, и да бегут от лица его все ненавидящие его. Как рассеивается дым, так и они пусть исчезнут; как тает воск от огня, так да погибнут грешники от лица Божьего, а праведники да возвеселятся». Так Сергий, именем Святой Троицы, имея помощницей и заступницей святую Богородицу, а вместо оружия — честной крест Христов, поразил дьявола, как Давид Голиафа¹. И тотчас дьявол с бесами своими невидимыми стали, и все исчезли, и без вести пропали. Преподобный же великую благодарность воздал Богу, избавившему его от такой бесовской напасти.

Через несколько дней, когда блаженный в хижине своей всюнощную свою молитву в одиночестве непрерывно творил, внезапно раздался шум, и грохот, и волнение великое, и смятение, и страх, — не во сне, но наяву. И вот бесы многие вновь напали на блаженного, стадом бесчинствующим, вопя и с угрозами говоря: «Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришёл в пустыню эту? Что хочешь найти на этом месте? Чего ты добиваешься, в лесу этом сидя? Или жить здесь собираешься? Зачем ты здесь обособываешься? Не надейся, что сможешь здесь жить: и часа ты никак не сможешь здесь оставаться. Ведь тут, как ты и сам видишь, место пустынное, место неудобное и труднодоступное, отсюда во все стороны до людей далеко, и никто из людей не приходит сюда. Не боишься ли, что ты можешь от голода умереть здесь или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя; ведь и звери многие кровожадные живут в пустыни этой,

¹ Пύстынь (или пύстыня; не путать с пустыней) — монастырь.

¹ Голиаф — библейский герой, великан, убитый в единоборстве пастухом Давидом, ставшим затем царём.

и волки свирепые воют, стаями приходят сюда. Также и бесы многие пакостят злобно, и страшилищ много всяких грозных появляется здесь, которым нет числа; поэтому пусто издавна место это, к тому же и неудобно. Что хорошего, если звери нападут и растерзают тебя здесь или если ты какой-нибудь другой безвременной, ужасной, напрасною смертью умрёшь? Но без всякого промедления встань и беги скорее отсюда, нисколько не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь, не озираясь по сторонам, — не то мы тебя отсюда быстро прогоним или убьём».

Преподобный же, имея крепкую веру, любовь, надежду на Бога, прилежную со слезами молитву против врагов творил, чтобы избавиться ему от таких бесовских происков. Благой же человеколюбец Бог, быстрый в помощи, готовый к милости, не допустил, чтобы раб его продолжительные сражения и многие напасти терпел; но, думаю, менее чем через час послал Бог милость свою, чтобы враги, бесы, этим были посрамлены и чтобы познали они и Божью помощь святому, и свою немощь. <...>

В МОНАСТЫРЕ

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыни: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. <...>

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергея и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергей, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение неличемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. Ведь «начало мудрости — страх Господень»; как цветы — начало ягод и всяких овощей, так и начало всякой добродетели — страх Божий. Он страх Божий в себе укрепил, и им ограждён был, и закону Господнему поучался днём и ночью, подобно дереву плодovitому, посаженному у источников водных, которое в своё время даст плоды свои. <...>

Так и жил он с братьями, и хотя не был поставлен в священники, но очень с ними пёкся¹ о церкви Божьей. И каждый день пел он с братьями в церкви и полунощную, и заутреню, и «Часы», и третий, и шестой, и девятый, и вечерню. <...>

Ночью же Сергей в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался, да и этого мало употреблял; и ни часа праздным не оставался. И так истощил он своё тело суровым воздержанием и великими трудами. Когда в нём плотские волнения бес возбуждал, он великий подвиг за подвигом совершал, заботился о процветании места того, чтобы только угоден был Богу труд его. И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был, в котором говорится: «Всегда видел я Господа пред собою, ибо он одесную² меня; не поколеблюсь». Так пребывал он в молитвах и в трудах, плоть измучил свою и иссушил, желая быть небесного города гражданином и высшего Иерусалима жителем.

[Через некоторое время по настоянию монахов Сергей стал игуменом (руководителем) монастыря.]

В первое время, когда начиналось устройство места этого, порой не было хлеба, и муки, и пшеницы, и всякой пищи; иногда же не было масла, и соли, и всяких съестных припасов; порой не было вина, чтобы обедню служить, и фимиама³, чтобы кадить; иногда не было воска, чтобы свечи делать, и пели монахи ночью заутреню, не имея свеч, но только лучиной берёзовой или сосновой светили себе, и так вынуждены были каноны⁴ петь или по книгам читать, и так совершали ночные службы свои. Преподобный же Сергей всякую нужду, и затруднение, и всякую скудость и лишения терпел с благодарностью, ожидая от Бога большой милости.

Случилось однажды такое испытание, — потому что с испытанием свершается и милость Божья: как-то не было хлеба и соли у игумена, и во всем монастыре истощилась всякая еда. А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. Как братьям

¹ Заботился.

² Одесную — с правой стороны.

³ Фимиа́м — благовонное вещество, ладан.

⁴ Ка́нон — церковное песнопение в честь святого или религиозного праздника.

он повелевал и заповедовал, так и сам поступал, и терпел, и оставался три или четыре дня без всякой еды.

Когда прошло три дня и четвёртый уже наступал и светало, Сергей взял топор, и пришёл к одному из старцев, живущему в монастыре его, по имени Данило, и сказал ему: «Слышал я, старче, что хочешь ты сени соорудить перед кельей своей. И я для этого пришёл, чтобы руки мои не были праздными, — построю сени тебе». В ответ Данило сказал ему: «Да, я очень хочу и давно собираюсь это сделать, но жду плотников из села. С тобой договариваться боюсь, как бы ты большую плату не взял с меня». Сказал ему Сергей: «Я не очень большую плату прошу у тебя, но нет ли у тебя гнилого хлеба, потому что очень хочется мне поесть такого хлеба. Ничего же другого сверх этого я не прошу, не нужно мне никакой платы: у меня нет и такого хлеба. Не говори, старче, что ты будешь ждать другого плотника вместо меня; кто у тебя будет лучшим плотником, чем я?» Старец же Данило вынес ему решето гнилого хлеба, наломанного, и сказал: «Если вот такого захотелось тебе, то вот, я охотно отдаю тебе; а больше этого у меня нет». Отвечал Сергей: «Довольно мне и этого, и это больше, чем нужно мне. Но только сохрани хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились и до работы, платы не беру».

И сказав это, опоясал чресла¹ свои крепко и начал работать и тесать с утра до вечера. И доски все обтесал, также и столбы обработал и поставил, с Божьей помощью сени построил к вечеру и поставил их. Уже поздно, в вечернее время, Данило-старец снова вынес ему решето хлебов тех, плату за дело рук его. Сергей же взял хлеб, и положил его перед собой, и попросил в молитве благословения, и начал есть хлеб с водой, а другого не было ничего — ни варёного, ни соли, ни питья; было это ему и обедом, и ужином. Некоторые из братии видели, что из уст Сергия как будто дымок исходил, когда он такой ел хлеб. Тогда друг к другу наклонившись, говорили они: «Вот, братья, каково терпение мужа этого и воздержание Сергия! Ведь он четыре дня ничего не ел и на четвёртый только поздно гнилым хлебом голод свой утоляет и умиряет; и хлеб гнилой не даром, но, дорогой ценой получив, ест». <...>

Рассказывали некоторые из монастырских старцев о подобном Сергии, что одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное, —

¹ Чресла — поясница, бедра.

ни синего цвета, ни багряного, или коричневого, ни других многих различных ярких цветов, ни белая или пышная и мягкая одежда: «Мягкие одежды носящие, — сказано, — находятся в домах царских». Но только из сукна простого, то есть из сермяги, одежду, из шерсти и из руна овечьего спрядённую, и ту простую, и не окрашенную, и не выбеленную, и не разукрашенную, но только из грубой шерсти, то есть из сукна он одежду носил, ветхую, не раз перешитую и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами. <...>

ПРОТИВ МАМАЯ

Известно стало, что Божиим попусцием за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идёт на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришёл к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергей — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в своё отечество с великой честью вернёшься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушёл из монастыря и быстро отправился в путь¹.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утруждаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и всё войско его, от того послания великой решимости исполнившись, пошли против

¹ В помощь князю Сергей дал двух монахов — Пересвета и Ослябю, бывших воинов. Пересвет пал в единоборстве с татарским богатырём Челибеем, также поразив его.

поганных, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни ранеными убежали, других же живыми в плен захватили. И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистали оружием, тогда все были окровавлены кровью иноплемеников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: «Один преследовал тысячу, а двое тьму».

Святой же, как было сказано, пророческим обладая даром, знал обо всём, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, всё предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергей, и службу за них всемирлостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над враждебными варварами одержав, возвращается весело в радости большой в своё отечество. И незамедлительно он пришёл к старцу святому Сергию, благодарность принеся ему за добрый совет, и всеильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся всё рассказывал, — как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает о своём желании великий князь старцу и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить, — в честь Пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергей пошёл и, поискав, нашёл место подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергей церковь поставил Успения владычицы нашей Богородицы, в честь Пречистой Богоматери. В скором времени, благодаря помощи необходимой великого князя, возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему, по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежитие на удивление хорошо, как подобает для славы

Божьей. И многочисленное братство собралось, а необходимое оно достаточно по милости Пречистой Богородицы и до сих пор имеют. Об этом всё. <...>

КОНЧИНА

[Когда пришёл смертный час, владыка] простёр к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

Распространилось тогда благоухание великое и неизречённое от тела святого. А братия вся собралась и в плаче и рыдании сокрушалась; и, в гроб честное и трудолюбивое тело положив честно, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали слёз ручьи, кормчего лишившись, с учителем разъединённые; с отцом разлуки не вынося, плакали они и, если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым, как снег, а не как обычно у мёртвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в обители, которая им была создана. Сколько после смерти и после кончины Сергия чудесных дел произошло и происходит: расслабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбятых выпрямление — только от приближения к его раке¹. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила. <...>

Таково было житие отца, таковые дарования, таковые чудеса его проявления, — причём не только при жизни, но и после смерти, — о которых нельзя написать; потому что чудеса его до сих пор все видят.

Писатель Борис Зайцев (1881—1972), автор очерка о Сергии Радонежском, так оценивал деятельность святого:

«Сергий пришёл на свою Маковицу² скромным безвестным юношей Варфоломеем, а ушёл прославленным старцем. До Преподобного на Маковице был лес, вблизи — источник, да медведи жили в дебрях по соседству. А когда он умер, место резко выделялось из лесов и из России. На Маковице стоял монастырь — Троице-Сергиева лавра, одна из четырёх лавр

¹ Рака — гробница, в которой хранятся мощи святых.

² Маковицей называли небольшую площадь, висившуюся над окружающим, как маковка (вершина здания, церкви).

нашей родины¹. Вокруг расчистились леса, поля явились, ржи, овсы, деревни...

Итак, юноша Варфоломей, удалившись в леса на «Маковицу», оказался создателем монастыря, затем монастырей, затем вообще монашества в огромнейшей стране. Меньше всего думал об общественности, уходя в пустыню и рубя собственноручно «церквицу», а оказался и учителем, и миротворцем, ободрителем князей и судей совести...

В тяжёлые времена крови, насилия, свирепости, предательства, подлости неземной облик Сергия утешает и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним на утешение и освежение, другим — немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере.

ЯЗЫКОМ ЖИВОПИСИ

Все знают картину Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Для многих этот отрок, этот деревенский пастушок с глубочайшей чистоты синими глазами — белоголовый, худенький, в онучах, — кажется олицетворением стародавней России — её сокровенной тихой красоты, её неярких небес, нежаркого солнца, сияния её неоглядных далей, её пахитей и тихих лесов, её легенд и сказок.

Картина эта — как хрустальный светильник, зажжённый художником во славу своей страны, своей России.

Самое замечательное в этой картине — пейзаж. В чистом, как ключевая вода, воздухе виден каждый листок, каждый скромный венчик полевого цветка, каждая травинка и крошечная девочка-берёзка. Всё это кажется драгоценным. Да так оно и есть. Это зрелище трав, синеглазых рек, взгорий и тёмных лесов, что как бы прислушиваются к долетающему вполголоса звону, открывает в нас самих такие глубины любви к своей родимой земле, что стоит большого труда даже самому спокойному человеку сдержать невольные слёзы.

Этот нестеровский пейзаж ударяет по сердцу каждого, у кого есть сердце. В нём выражена прекрасная сущность русского характера. В нём и Пушкин («В багрец и золото одетые леса»), и Есенин («Молочный дым качает ветром сёла,

но ветра нет, — есть только тихий звон»), и Блок («Твои мне песни ветровые, как слёзы первые любви»), и Алексей Толстой («Благословляю вас, леса»), и Бунин («Сторона ли моя ты сторонущка, вековая моя глухомань»), и Лесков, и Пришвин, и Заболоцкий — все, кем богата поэзия нашей земли...

К. Паустовский. Заметки о живописи

А теперь перенесёмся в XVII век. Но сначала — как будто не имеющее отношения к делу отступление. Обратимся к произведению искусства, известному вам по предшествующим классам.

«Вы входите в один из залов Третьяковской галереи, и прямо перед вами во всю ширь большой стены эта необыкновенная картина. Вы видите её издали, ещё на подходе. Вы видите как живую не покорившуюся боярыню, высоко поднявшую руку с пальцами, сложенными в двуперстие, прекрасную и грозную в своём мятежном порыве, юродивого, сидящего в лохмотьях прямо на снегу, единственного, кто открыто осмеливается поддержать опальную боярыню. Вы видите сестру Морозовой, княгиню Урусову, в отчаянии ломающую пальцы, в бархатной шубе и узорчатом платке, идущую рядом с розвальнями. Вы видите узкую, покрытую глубоким снегом, уходящую к Кремлю улицу, церквушку, толпу, сквозь которую движется скорбный поезд, — друзей и недругов Морозовой.

Сочувствие и тревога, насмешки и издевательства, зреющий протест и тлеющая надежда, скрытая любовь и явная ненависть — и над всем этим резко очерченный профиль Морозовой, её исступлённое лицо, её воля, её вера. Измученная, но не покорившаяся, закованная в кандалы, но не побеждённая — такой запоминается Морозова, такой во всей глубине её трагедии и изображена она у Сурикова».

Так пишет искусствовед¹ о картине В. Сурикова «Боярыня Морозова».

В учебнике истории вы прочтёте о расколе в русской православной церкви в XVII веке. Вы узнаете, что патриарх Никон велел все церковные книги и обряды привести в соответствие с книгами и обрядами греческой христианской церкви X века (как известно, христианство на Русь пришло из Греции). В частности, было предписано креститься не двумя пальцами (двуперстием), как было принято до сих пор, а тремя.

Вы узнаете, что многие простые люди не хотели признавать реформы Никона. По сути они протестовали не против

¹ Лаврой в России называли большой монастырь (лавра — греч.: «уединённое место»). Четыре прославленные лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергиева (под Москвой), Александро-Невская (в Санкт-Петербурге), Почаево-Успенская (в г. Кременце на Украине).

¹ Варшавский А. Крамольные полотна. — М., 1963. — С. 141.

троеперстия, а против гнёта, испытываемого ими. Но среди противников Никона было немало отсталых, тёмных людей, вообще не принимавших ничего нового.

Фанатичной¹ сторонницей старообрядцев (раскольников) и была боярыня Морозова, одна из знатных боярынь своего времени. Она говорила, что готова поступиться своим маленьким сыном ради Христа. Она радовалась, когда её пытали и поднимали на дыбу. Свои дни она закончила в земляной тюрьме под Москвой. Протопоп Аввакум был верным её другом и наставником.

После этих предварительных замечаний перейдём к сочинениям Аввакума, которого известный учёный Д. С. Лихачёв называет пророком, борцом, мучеником и страдальцем. Язык сочинений Аввакума нелёгок для современного читателя, но он ярок, самобытен, и труд, затраченный на его освоение, окупится сторицей. В тексте жития, напечатанном в хрестоматии, в основном сохранено написание слов Аввакума. Не нужно обвинять Аввакума в неграмотности: в то время русская орфография ещё не подчинялась строгим правилам.

ЖИТИЕ АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

(Фрагменты)

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудую-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати Мария, инока Марфа². Отец мой прилежаще пития хмельнова, мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз³ же, некогда видеу у соседа скотину умершу, и в той нощи воставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест⁴ обыкох⁵ по вся нощи молитися.

Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменников изгнании быхом. Изволила мати меня женить.

¹ Фанатичный — от фанатик — человек, с исключительной страстью предающийся какому-либо делу, не признающий других взглядов, нетерпимый.

² Монашеское имя Марфа. Незадолго до смерти мать постриглась в монахини.

³ Аз — я.

⁴ С тех пор.

⁵ Привык.

Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену — помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина же, беспрестанно во церковь ходила, и имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо, а егда умре, после ево вся истоцилося...

Посем мати моя отиде к Богу... Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы¹ двадцати лет з годом; и по двух лет в попы поставлен; живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы² православными епископы; тому дватцет лет минуло, и всего тритцет лет, как священство имею, а от рода на шестой десяток идет...

НА ЦЕРКОВНОМ ПОПРИЩЕ

Приидоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з дорами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари³ и бубны изломал на поле един у многих, и медведей двух великих отнял: одного ушиб, и паки⁴ ожил, а другога отпустил в поле. И за сие меня боярин Василий Петрович Шереметев, едучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего, бритобратца⁵. Аз же не благословил, видя любодейный⁶ образ. И он меня велел в Волгу кинуть, и, ругав много, столкнули с судна...

Через некоторое время Аввакум получил место протопопа в Юрьевце. Здесь он не щадил ни себя, ни прихожан: непрерывно читал книги, молился, произносил обличительные речи, наказывал «грешащих». Горожане не выдержали.

Дьявол научил попов, и мужиков, и баб: пришли к патриарху приказу, где я духовные дела делал, и вытаща меня ис приказу собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожем⁷ и топтали. И бабы били с рычагами⁸, грех ради моих убили замертва и бросили под избяной

¹ Дьякон — низшая степень священства, помощник священника.

² Протопоп — старший священник.

³ Маски.

⁴ Паки — снова, опять.

⁵ Бритого, без бороды (бритьё бороды старообрядцы считали грехом).

⁶ Любодейный — грешный, развратный.

⁷ Батог — палка, прут.

⁸ Рычаг — рога, хват.

угол. Воевода с пушкарями прибежал и, ухватя меня, на лошади умчал в мое дворишко, и пушкарей около двора поставил...

На церковный престол взошёл Никон.
Аввакум встал за старую веру.

...Меня взяли от всенощнаго¹ Борис Нелединский со стрельцами. Человек со мною с шестьдесят взяли; их в тюрьму отвели, а меня на патриарховом дворе на чеп² посадили ночью. Егда же розсветало в день неделный³, посадили меня в телегу, ростеня⁴ руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря. И тут на чеши кинули в темную полатку; ушла вся в землю. И сидел три дня, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно...

Наутро архимарит⁵ з братьею вывели меня, журят мне: «Что патриарху не покорился?» И я от писания его браню. Сняли большую чеши и малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели в церковь волочить. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают⁶, и в глаза плюют. Бог их простит за сий век и в будущий, не их то дело, но дьявольское...

В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

А егда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести, тысящ з двадцеть от Москвы и больше будет. Отдали меня Афонасью Пашкову: он туды воеводою послан, и грех ради моих суров и безчеловечен человек, бьет безпрестанно людей, и мучит, и жжет. И я много разговаривал ему, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

Поехали из Енисейска. Егда будем в Тунгуске-реке, буреею дощеник⁷ мой в воду загрузило; налилс среди реки полон воды, и парус изорвало, одны полубы наверху, а то все в воду ушло. Жена моя робят кое-как вытаскала наверх, а сама ходит простоволоса, в забытии ума, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божию волею прибило к берегу нас.

¹ *Всенощная* — вечерняя церковная служба.

² *Чеши*.

³ *Воскресный*.

⁴ *Растянув*.

⁵ *Архимандрит* — высшее духовное звание священника-монаха.

⁶ *Толкают, дёргают*.

⁷ *Дощеник* — плоскодонная лодка с палубой.

Много о том говорить. На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправаясь, мы паки поехали вперед.

Егда приехали на Шаманский порог, навстречу нам приплыли люди, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши. Пловут пострицися в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж отдавать». Он же, осердясь на меня, на другом пороге стал меня из дощеника выбивать: «Еретик-де ты; для-де тебя дощеник худо идет! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» Горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые; утес каменной яко стена стоит, и поглядеть — заламу голову. В горах тех обретаются змеи великие, в них же витают гуси и утицы — перие красное; тамо же вороны черные, а галки серые, — изменено при русских птицах имеют перие. Тамо же орлы, и соколы, и кречата, и курята индейские, и бабы¹, и лебеди, и иные дикие, — многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие; во очию нашу, а взять нельзя. На те же горы Пашков выбивал меня со зверми витать². И аз ему малое писанейце посла. Сиче³ начало: «Человече, убойся Бога, сидящего на херувимех и призирающего в бездны⁴. Его же трепещут небо и земля со человеки и вся тварь, токмо ты, ты един презираешь и неудобство к нему показуешь», и прочая там многоныко написано. А се бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Я казакам каши с маслом наварил да кормлю их, и оне, бедные, и едят, и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалея по мне. Егда дощеник привели, взяли меня палачи, привели пред него. Он же и стоит, и дрожит, шпагою потпершись. Начал мне говорить: «Поп ли ты или распон⁵?» И я отвечал: «Аз есмь Аввакум, протопоп; что тебе дело до меня?» Он же, рыкнув яко дивий⁶ зверь; и ударил меня по щоке и паки по другой, и в голову еще; и избил меня с ног, ухватил у слуги своего чекан⁷ и трижды по спине лежачева зашиб и, разболокши⁸, по той же

¹ *Баба* (мест.) — пеликан.

² *Жить*.

³ *Такое*.

⁴ *То есть глядящего в бездны*.

⁵ *Распон* — расстриженный поп.

⁶ *Дикий*.

⁷ *Чекан* — ручное оружие, стержень с топориком и молоточком на конце.

⁸ *Раздев, обнажив*.

спине семдесят два удара кнутом. Палач и бьет, а я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да тож да тож говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да о середине-той вскричал я: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьешь? Ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Спустили. Я задрожал да и упал. И он велел в казенный дощеник оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть¹. Осень была: дождь на меня шел и в побои, и в ночь...

Наутро кинули меня в лотку и напред повезли. Егда приехали к порогу Падуну Большому — река о том месте шириною с версту; три залавка² гораздо круты: аще³ не воротами што поплывет, ино в щепы изломает. Меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, на плечах одно кафтанишко накинута просто, — льет по спине и по брюху вода... Из лотки вытащили, по каменью скована около порога-тово тащили... Таж привезли в Брацкий острог и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидел до Филипова посту в студеной башне. Там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-то нельзя было. Коли покормят, коли нет... Мышей много у меня было, я их скуфью⁴ бил, и батонка не дали; блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, велено терпеть...

На весну паки поехали вперед... Лес гнали городской и хормной⁵, есть стало нечева, люди стали мереть з голоду и от водяныя бродни⁶...

На Нерче-реке все люди з голоду померли, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место. По степям скитаясь и по лесу, траву и корение копали, а мы с ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Бог даст, а иное от волков пораженных зверей кости находили. И что у волка осталось, то мы глодали, а иные и самых озяблых волков и лисиц ели. Два у меня сына в тех умерли нуждах. Не велики были, да, однако детки... И сам я, грешной, причастен к мясам кобыльим и мертвечьим по нужде...

¹ Беть — поперечное бревно для креплений на дощанике.

² Залавок — обрыв.

³ Если.

⁴ Скуфья — шапочка священника.

⁵ То есть строевой.

⁶ От ходьбы по воде.

Возвращаясь с Нерчи-реки, пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающиеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не посеем, голодные и томные¹ люди. В ыную пору протопопица, бедная, брела, брела, да и повалилась, и встать не сможет. А иной томной же тут взвалился: оба карамкаются, а встать не смогут. Опосле на меня, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самых до смерти». Она же против тово: «Добро, Петрович». И мы еще побредем вперед.

Курочка у нас была черненька, по два яйца на всяк день приносила. Бог так строил робяти на пищу. По грехом в то время везучи на нарте удавили. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чудо была: по два яйца на день давала. А не просто и нам досталась. У боярони куры все занемогли и переслепли, пропадать стали. Она же, собрав их в короб, прислала ко мне, велела об них молитца. И я, грешной, молебен пел, и воду святил, и кур кропил и, в лес сходя, корыто им зделал и отслал паки. Бог же, по вере ея, и исцелил их. От тово-то племяни и наша курочка была...

14 апреля 1682 года, после пятнадцати лет пребывания в пустозерской тюрьме, в Заполярье, протопоп Аввакум и его трое сподвижников были заживо сожжены.

Для любознательных

«Житие Аввакума» было написано им в заключении на случайно подвернувшихся листках бумаги. Оттуда же вышли и другие труды и послания мятежного протопопа.

ИЗ ЧЕЛОБИТНОЙ АВВАКУМА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Видишь ли, самодержавие? Ты владеешь на свободе одною Русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо, и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги

¹ Томный — истомлённый.

кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал...

ИЗ ПИСЬМА ВОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовного... и ты, будто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управлять ко царству небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Вет ты не ведаешь, что клусишь¹... Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища-те свои челноком²...; она лутче со единым оком внити в живот, нежели, двои оце имущи, ввержену быть в геенну³. Да не носи себе треухов тех; зделай шапку, чтоб и рожу-ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи-те.

Ну, дружи со мной, не сердитуй же! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется, и о нем промышляет пред Богом и человеки...

ИЗ ПОСЛАНИЯ КО ВСЕМ ИСПОВЕДУЮЩИМ СТАРУЮ ВЕРУ

А никонияном — не царь: у них антихрист царь. Дай-ко срок. Во Апокалипсисе⁴ писано: выедет на коне белом и царя их, со лжепророком, в огонь вадит живых. Потом и диявола за ними же. Изменит же их, собак, во мгновении ока, сиречь⁵ убьет, да и паки оживит, да уже в огн-ет кинет.

А прочих войско-то их побито будет... Те до общаго воскресения не оживут; телеса их птицы небесныя и звери земныя есть станут: тушны⁶ гораздо, брюхаты, — есть над чем птицам и зверям прохладятся. Пускай оне нонеча бранят Христа, а нас мучат и губят: отольются медведю коровьи слезы, — потерпим, братья, не поскучим, Господа ради...

¹ *Клусить* (мест.) — чудить, ломаться шутом.

² Здесь: щенкой.

³ То есть лучше жить с одним оком, чем, имея два глаза, быть ввержену в ад.

⁴ *Апокалипсис* — религиозная книга, содержащая пророчества о конце света.

⁵ *Сиречь* — то есть.

⁶ Имеют большую тушу, толсты.

ИЗ КНИГИ БЕСЕД

(Перевод на современный русский язык)

...Помните, надеюсь, не забыли, как я ругать стал, а вы меня бить стали. Разумные! Умные вы с дьяволом! Нечего рассуждать. Да нечего от вас и услышать доброму человеку: всё говорите, как продавать, как покупать, как есть, как пить, как с бабами блудить... Знаю все ваши злоухищрения, собаки, митрополиты, архиепископы, никониане, воры, оборотни, новые иностранцы русские. Святых иконы изменили и все церковные уставы и действия, да ещё бы христианам милым не горько было! Он, бедный мой, мается шесть дней в трудах, а в день воскресный прибежит в церковь помолиться Богу и труды свои освятить: ано и послушать нечего, по-латыни поют, плясуны скоморошьи! Да ещё бы в огонь христианин не шёл! Сгорят все за Христа Иисуса и вас, собак, не послушают...

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О СОЧИНЕНИЯХ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Л. Н. Толстой не раз читал «Житие...» вслух своим близким и отзывался о нём с уважением. Однажды даже плакал над книгой.

Часто перечитывал Аввакума И. С. Тургенев.

Высоко ценили сочинения Аввакума Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков.

М. Горький писал: «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остаётся непревзойдённым образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться» (статья «О языке»). Он считал, что «Житие протопопа Аввакума» следует включить в программы средних учебных заведений.

А. Н. Толстой, говоря о господстве церковно-славянского языка в древней письменности, замечал: «Только раз в омертвленную словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «житие» и «послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума, закончившего литературную деятельность страшными пытками и казнью в Пустозёрске. Речь Аввакума — вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос. Он говорит на «мужицком», «подлом» языке...» («О драматургии»).

Известный русский писатель Всеволод Гаршин, знавший книгу Аввакума почти наизусть, подошёл к автору несколько с другой стороны. Передавая своё впечатление от картины В. Сурикова «Боярыня Морозова», он писал: «...дайте этой Морозовой, дайте вдохновляющему её, отсутствующему здесь Аввакуму власть, — повсюду зажглись бы костры, воздвиглись бы виселицы и плахи, рекою полилась бы кровь, и бездушные призраки приняли бы многую жертву. Аввакум, и не имея власти, находил возможность учить “лаею”¹ и жезлом стегал несогласных с ним в самой церкви» («Заметки о художественных выставках»).

Обдумаем прочитанное

1. Можно ли согласиться с мнением Гаршина? Если да, то какие строки из сочинений Аввакума, по-вашему, подтверждают это мнение?

2. Почему, по-вашему, Аввакума называли «неистовым», «борцом и пророком»? Каково ваше мнение об Аввакуме?

О других людях нашего далёкого прошлого вы узнаете в следующем учебном году, читая знаменитую древнерусскую поэму «Слово о полку Игореве».

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Жизни протопопа Аввакума посвящены романы русского и украинского писателя Д. Л. Мордовцева (1830—1905) «Великий раскол» и современного писателя и педагога Ю. Азарова «Печора». В начале 1990-х годов пьеса об Аввакуме шла на сцене Московского художественного академического театра.

Ниже помещаем отрывок из романа Д. Л. Мордовцева.

КАЗНЬ

Через час, из открытой двери подземелья, в котором четырнадцать лет высидел Аввакум, ни разу не видав ни неба, ни земли, вышел стрелец с алебардой, а за ним Аввакум, сопровождаемый другими стрельцами. Узник, которому, казалось, лет под восемьдесят, ступив на землю, поднял голову и несколько минут стоял так, глядя на небо, на беловатые облачка, кучившиеся к полудню, на свою землянку, на тёмную зелень далёкого бора, как бы стараясь что-то припомнить и убедиться,

¹ Бранью.

так ли всё ещё сине и глубоко небо, каким оно было четырнадцать лет назад, так ли светит в этой голубой выси солнце, так ли, как прежде, плавают по небу облака, зеленеет лес, порхают в воздухе ласточки, стрижи...

Убедившись, что мир Божий остался всё таким же прекрасным, каким был и четырнадцать лет назад, он как-то не то горько, не то радостно тряхнул головой и, смахнув со щёк выкатившиеся из глаз слёзы, широко, размашисто перекрестился. Он хотел было двинуться за передним стрельцом дальше, к выходу из ограды, которою обнесена была его тюрьма, как услышал позади себя звяканье цепей. Оглянувшись, он увидел, как из трёх других таких же, как его, землянок выходили тоже узники с стрельцами, и в этих узниках он отчасти узнал, отчасти догадывался, что узнал — так неузнаваемо изменились они в четырнадцать лет! — друга своего, попа Лазаря, дьякона Благовещенского собора Фёдора и духовника своего, инока Епифания. <...>

Аввакум радостно всплеснул руками.

— Други мои светы!.. Вместе ко Господу идём!

— Аввакумушко! Протопоп Божий!

— Епифанушко, миленький Фёдорушко, братец!

— Живы ещё! Все живы! и помрём вместе! Лазарушко!

И ты с нами!

Они обнимались и плакали, звеня цепями. Стрельцы, глядя на них, супились и отворачивались, чтобы скрыть слёзы. <...>

Узников развели и повели гуськом к калитке. Впереди всех шел Аввакум. За тюремной оградой глазам арестантов представлялся большой сруб, наполненный щепами и уставленный снопами сухого сена, перемешанного с берестой да паклей. Около сруба толпился народ.

Кузмищев, взяв у стоявшего около сруба с зажжёнными свечами монаха четыре восковые свечечки, роздал их осуждённому.

— За мною, други мои, венцы царски ловить! — воскликнул Аввакум, поднимая вверх свечу и твёрдо всходя на костёр.

Товарищи последовали за ним и стали на костре рядом, взявшись за руки.

Кузмищев достал из-за пазухи бумагу, медленно развернул её, откашлялся. Но в этот момент Аввакум, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, быстро нагнулся и, подобно старице Юстине в Боровске, в разных местах, сам своею свечою подпалил сено и бересту. Пламя мгновенно охватило костёр... В толпе послышались крики ужаса... Все снимали шапки и крестились...

Подъячий окончательно растерялся...

— Охти мне!.. Ах, изверги!..

Из пламени высунулась вся опалённая чья-то рука с двумя истово сложенными пальцами...

— Православные! Вот так креститесь! — раздался из пламени сильный, резкий голос Аввакума. — Коли таким крестом будете молиться — век не погибнете, а покинете этот крест — и город ваш песок занесёт, и свету конец настанет!

— Аминь! аминь! аминь! — прозвучал в толпе голос, столь знакомый всей Москве. <...>

— Охти мне! Ах, злодеи, воры, аспиды! — метался подъячий с бумагой в руках.

Костёр, между тем, трещал и пылал, как одна гигантская свеча, от которой огненный язычище с малыми языками высоко взвивался к небу, обрываясь там, развеваясь и расплываясь в воздухе серою дымкою.

Кругом, казалось, все засумрачилось, потемнело, словно бы на землю разом опустились сумерки. Онемевший от страха народ не смел шевельнуться. Сумрак сгущался всё более и более. Костра уже не было — оставалась и перегорала огромная куча огненного угля...

Вдруг как из ведра полил дождь...

— Батюшки! православные! небо плачет! небушко заплакало от эково злодеяния... О-о-ох! — раздался в толпе отчаянный вопль женщины. <...>

Народ сунулся к залитому дождём костру — собирать на память «святые косточки», чтоб разнести их потом по всему Московскому государству... Аввакум был прав, говоря о сожигаемых: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, изростут миллионы верующих...»

Так и вышло...

1880

ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе её народа, об её роли на земле.

М. Горький

Александр
Сергеевич
ПУШКИН
(1799—1837)

В учебнике для 7-го класса вы читали слова А. С. Пушкина: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории моих предков, такой, какой нам Бог её дал».

История предков для Пушкина — не только история князей, царей, полководцев, войн с иноземными захватчиками, но и история народных движений, жизнь и быт «простых», «обыкновенных» людей, вписанные в рамки общенародных событий.

Почти через столетие после казни Аввакума в России вспыхнуло Пугачёвское восстание. А. Н. Толстой писал: «Молодой Пушкин черпает золотым ковшом народную речь, ещё не остывшую от пугачёвского пожара».

Да, именно Пушкину одному из первых было суждено стать летописцем крестьянского мятежа XVIII века. Его перу принадлежит «История Пугачёва». Работая над ней, он решил одновременно создать художественное произведение об этой эпохе. Но Пушкина привлекали не только исторические деятели и факты. В романе «Евгений Онегин», размышляя о своём будущем, он написал полушутливые строки:

...Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес.
...Тогда роман на старый лад
Займёт весёлый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нём изображу,

Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.

Таким повествованием «о нравах нашей старины», но в то же время произведением на темы русской истории стала «Капитанская дочка».

НАШ ВЕЧНЫЙ СПУТНИК

У каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале её и уже не покидает нас до конца.

Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со слуха я узнал его «Сказку о царе Салтане», «Полтавский бой» из «Полтавы», «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина», «Жениха». Но «Капитанская дочка» явилась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. Я помню формат¹ книги, её запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту неизвестную мне со слуха историю.

Я был захвачен ею и засиделся у окна избы дотемна, и когда дошёл до бурана в Оренбургской степи, то увидел, что за окном пошёл снег, и это стало неизгладимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, изшедшей от пушкинской страницы. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь!

<...> И весь Пушкин, вся необъятность его исторического развития и возрастания неотрывно связаны с крупнейшими историческими моментами жизни народа.

А. Т. Твардовский. Пушкин

Обдумаем прочитанное

1. Какие произведения Пушкина, в частности на темы русской истории, вы читали и изучали? Что особенно запомнилось в них?
2. Что вы знаете о жизни и личности Пушкина?

¹ Формат — размер.

ЧТО ОБОСТРИЛО ИНТЕРЕС ПУШКИНА
К ПУГАЧЁВСКОМУ ВОССТАНИЮ

«Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты расsvирепевшей чернью¹... на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи».

А. С. Пушкин — П. А. Осиповой (соседке по имению).
29 июня 1831 г.

«...Ты, верно, слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руссы. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы... бунт Старо-Русский ещё не прекращён. Военные чиновники не смеют ещё показаться на улице. Там четвертили одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников».

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому (поэту, своему другу).
3 августа 1831 г.

«Я должен сказать вам, господа, что положение дел весьма не хорошо, подобно времени бывшей французской революции. Париж — гнездо злодеяний — разлил яд свой по всей Европе. Не хорошо. Время требует предосторожности».

Из речи Николая I на приёме депутации дворянства.
22 августа 1831 г.

«Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?»

А. С. Пушкин — из дневников. 1834 г.

«...Имя страшного бунтовщика гремит ещё в краях, где он свирепствовал. Народ живо ещё помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачёвщиною».

А. С. Пушкин. История Пугачёва. 1834 г.

¹ Чернь — здесь: простонародье.

В 1833 году Пушкин начинает изучать архивные материалы, обращается к разным людям с просьбой сообщить ему всё, что известно о Пугачёве.

«Я прочёл со вниманием всё, что было напечатано о Пугачёве, и сверх того 18 толстых томов *In folio*¹ разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою. <...> Вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана: многое даже могло быть обнародовано только с высочайшего соизволения».

А. С. Пушкин. Об «Истории Пугачёвского бунта».

«Я в Казани с пятого... Здесь я возился со стариками, современниками моего героя [Пугачёва]; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной (жене).
8 сентября 1833 г.

«Осенью 1833 года приехал в Оренбург А. С. Пушкин для собрания сведений о пугачёвском бунте и пожелал посетить Берду... мы отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнящих Пугачёва...»

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачёва, много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачёва, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил... стариков, которым роздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург».

Н. А. Кайдалов (купец). Воспоминания

«Уральские казаки (особливо старые люди) доныне приязнены к памяти Пугачёва. “Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал”. — “Расскажи мне, — говорил я Д. Пьянову, — как

¹ *In folio* (лат.) — размер (формат) книги в половину печатного листа.

Пугачёв был у тебя посажёным отцом¹?" — "Он для тебя Пугачёв, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович²".

А. С. Пушкин. Замечания о бунте

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.
Пословица

ГЛАВА I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ³

— Был бы гвардии он
завтра ж капитан,
— Того не надобно: пусть в армии
послужит.
— Изрядно сказано! Пускай его
потужит...
.....
Да кто его отец?

Княжнин⁴

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе⁵ и вышел в отставку премьер-майором⁶ в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве. Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом⁷, по милости майора гвардии князя Б., близкого

¹ *Посажёный отец* — лицо, заменяющее родителя жениха или невесты при свадебном обряде. Пугачёв был посажёным отцом у Дмитрия Пьянова, сына одного из своих сподвижников.

² Пугачёв действовал под именем Петра III (Петра Фёдоровича).

³ *Гвардия* — специальные отборные войска. Первые гвардейские полки (Преображенский, Семёновский) появились в России при Петре I. В отличие от остального состава армии пользовались особыми преимуществами.

⁴ Княжнин Я. Б. (1742—1791) — русский писатель, драматург.

⁵ Миних Б. X. (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, командовал русскими войсками в войне с Турцией в 1735—1739 годах.

⁶ *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности помощника командира полка).

⁷ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуск до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремлянному¹ Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки². Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого³ кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза⁴, москье⁵ Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать москье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour être outchitel*⁶, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главную его слабость была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обносили⁷, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать её винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту⁸ обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили

¹ *Стремлянный* — слуга, ухаживающий за верховой лошастью своего господина.

² *Дядька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

³ *Борзая* — охотничья собака особой породы.

⁴ Обычай приглашать иностранцев для воспитания детей широко распространился среди дворян в XVIII веке. Гонимая за модой, некультурные помещики часто нанимали воспитателями невежественных иностранцев.

⁵ *Москье* (в просторечии *москье*) (франц.: *monsieur*) — господин.

⁶ Чтобы стать учителем. Русское слово *учитель* дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

⁷ *Обносить* — здесь: проносить угощение мимо.

⁸ *Контракт* — договор, письменное соглашение.

душа в душу. Другого ментора¹ я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью-француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было встать и не мог: несчастный француз был мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкнул из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича.

Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил недорослем², гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостинной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь³, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи⁴. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи⁵, всегда

старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал из своих рук. И так батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер²!.. А давно ли мы?..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тётушка Настасья Герасимовна, и когда ещё...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу.

Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезда моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмуясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

¹ *Генерал-поручик* — один из высших военных чинов царской армии.

² *Кавалёр* — лицо, награждённое орденом. Имеются в виду два высших российских ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского.

¹ *Ментор* — наставник, воспитатель (от имени героя древнегреческой поэмы «Одиссея», воспитателя сына мифического дая Одиссея).

² *Недоросль* — молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную или военную службу. После появления комедии известного писателя XVIII века Д. И. Фонвизина «Недоросль» это слово стало нарицательным для обозначения лентяев и недоучек.

³ Придворный календарь (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, росписи дворцовых приёмов и др.

⁴ То есть вызывало раздражение, злость.

⁵ *Свычаи и обычаи* (устар.) — привычки.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научиться он, служа в Петербурге? Мотать¹ да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шаматон². Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собой на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозревая меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка³; уложили в неё чемодан, погребец⁴ с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне. «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулочек, я пошёл бродить по всем комнатам. Во-

¹ *Мотать* — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

² *Шаматон* (разг., устар.) — гуляка, шалопаи, бездельник.

³ *Кибитка* — крытая повозка.

⁴ *Погребёк* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

шед в бильярдную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными чёрными усами, в халате, с кием¹ в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркёром², который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под бильярд на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем далее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока, наконец, маркёр остался под бильярдом. Барин произнёс над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр³ гусарского полка и находится в Симбирске при приёме рекрут⁴, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придёшь в местечко — чем прикажешь заняться?.. Поневоле пойдёшь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убеждён и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу⁵, не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу⁶ и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлёбывал я от моего стакана, тем

¹ *Кий* — палка, употребляемая в бильярдной игре.

² *Маркёр* (франц.) — лицо, прислуживающее при бильярде.

³ *Ротмистр* — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капитана в пехоте).

⁴ *Рекрут* (устар.) — солдат-новобранец, лицо, только что призванное на военную службу. Здесь употреблена устарелая форма родительного падежа множественного числа (вместо рекрутов).

⁵ *Грош* — в XVIII веке монета в две копейки.

⁶ *Пунш* — напиток из рома, вскипячённого с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркёра, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом, — вёл себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедem к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвёз меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошёл спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головной болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Пётр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошёл? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при¹, водку!» Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповедь. «Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково подгуливать. И голове-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с мёдом, а всего лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошёл и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул её и прочёл следующие строки:

¹ Сударыня, я вас прошу (франц.).

«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*¹, приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумлённый Савельич. — «Я их ему должен», — отвечал я со всевозможной холодностью. — «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведённый в большее изумление; — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию² решительную минуту не переспору упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражён моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Пётр Андреич, — произнёс он дрожащим голосом, — не утоми меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — «Полно врать³, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащеи прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошёл за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

¹ «И денег, и белья, и дел моих рачитель» — цитата из стихотворного «Послания к слугам моим» Д. И. Фонвизина. *Рачитель* (книжн., устар.) — человек, заботящийся о чём-либо, ведающий чем-либо.

² Сей, сия, сие (устар.) — этот, эта, это.

³ Врать — здесь и далее: болтать, говорить вздор.

ГЛАВА II ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонущка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке¹, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

— Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват, вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дячихе, повидаться с кумой. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

¹ Облучок — сиденье для кучера в повозке.

— Это зачем?
— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу¹.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурю.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буря!»...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила³ или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное.

¹ Пороша — только что выпавший снег.

² Станция — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

³ Жилó (устар.) — жильё.

— Эй, ямщик! — кричал я, — смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — кричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да, вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалеко?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бока. Я опустил циновку¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды...

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда сообщаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

¹ Циновка — здесь: занавеска из плетёной рогожи.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность¹, уступающая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?... Вместо отца моего вижу в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны.

Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, походи под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий² казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец,

¹ Сущность (устар.) — действительность, окружающий мир, явь.

² Яицкий — живущий на реке Яик (после Пугачёвского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачёве).

потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие, — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника¹, мороз показался не велик.

В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казачье питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставка² штоф³ и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» — Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне⁴ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте⁵.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматри-

вал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умёт*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань¹. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует² шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

¹ Пристань — здесь: пристанище, приют, убежище.

² Жаловать (устар.) — награждать, дарить.

¹ Целовальник (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

² Стáвец (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

³ Штоф — бутылка (объёмом 1/10 ведра).

⁴ Вечёрня — вечернее церковное богослужение.

⁵ Погост — кладбище.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрепали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны¹, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро. «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет; а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фрема, фрема!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь, Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад²?.. «ваше превосходительство не забыло...» гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом³. Мин... походе... также и... Каролинку...» Эхе, братер⁴! так он ещё помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу...» гм... «держат в ежовых рукавицах...» Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое «держат в ешовых рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли...» нет, видно, ешовы рукавицы значит не то... «При сём... его паспорт...» Где ж

¹ Анна Иоанновна (1693—1740) — русская царица.

² Друг, товарищ (нем.).

³ Фельдмаршал — высший воинский чин в царской армии.

⁴ Брат (нем.).

он? А, вот... «отписать в Семёновский...» Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позволишь без чинов обнять тебя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в*** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние¹ вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В*** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

ГЛАВА III КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции² живём,
Хлеб едим и воду пьём,
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замёрзла, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные.

¹ Рассеяние — здесь: развлечения, приятное времяпрепровождение.

² Фортеция (устар.) — крепость.

Белогорская крепость. Со старинного офорта

Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастiony¹, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесённые снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными² крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид³, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский⁴ за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки⁵, представляющие взятие Кистрина и Очакова⁶, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки,

¹ Бастийон — один из видов крепостных укреплений.

² Лубочный — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, то есть подкорья.

³ Инвалид — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

⁴ Диплом офицёрский — свидетельство о присвоении офицерского звания.

⁵ Лубочные картинки — дешёвые картинки, отпечатанные с гравировальных липовых досок, лубков.

⁶ Кистрин (Кюстрин) — прусская крепость, осаждённая русскими войсками в 1758 году. Очаков — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузьмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу¹ Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника². Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства. «Чаятельно³, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неумолимый вопрошатель⁴. «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяла с собой шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иванович и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максими! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максими, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Пётр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. Он, мошеник, лошадь

¹ *Отёц* — так называли священников.

² *Урядник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

³ *Чаятельно* (устар.) — вероятно, по-видимому.

⁴ *Вопрошатель* (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

свою пустил ко мне в огород. Ну что, Максими, всё ли благополучно?»

— Всё, слава Богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал¹ Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максими, ступай себе с Богом. Пётр Андреич, Максими отведёт вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семёна Кузова, другую отдели мне. Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыка! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный² из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остр и занимателен. Он с большою веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами

¹ *Капрал* — первый после рядового чин в армии XVIII века.

² *Выписанный* — здесь: исключённый, вычеркнутый из списков.

и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом¹ халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он попросил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузьмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдёт; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузьмич, — я был занят службой: солдатешек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое²? частый гребень, да веник, да алтын³ денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестою». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся

¹ *Китайчатый* — сделанный из китайки — плотной гладкой набивной хлопчатобумажной ткани.

² *Приданое* — имущество, даваемое родными невесты при выдаче её замуж.

³ *Алтын* — старинная русская монета (равна трём копейкам).

покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слышать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острastку, что лет на десять уgomоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу визг, веришь, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

ГЛАВА IV

ПОЕДИНОК

— Ин изволь и стань же в позытуру¹.
Посмотришь, проколю как я твою

фигуру!
Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж

¹ *Позитура* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

и жена были люди самые почтенные. Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедая почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею¹ во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было; но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже рассказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, а Александр Петрович Сумароков², несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стихи:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь¹ прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю² вольность получить!

Но глаза, что мя³ пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти⁴,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря⁵ меня в сей лютой части⁶,
И что я пленён тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского⁷, и очень напоминают мне его любовные куплеты⁸.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело, — отвечал я нахмуясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но

¹ Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

² Мышлю — мыслю, думаю.

³ Мя (устар.) — меня.

⁴ Напасти (разг.) — беды, горе, страдания.

⁵ Зря (устар.) — зря.

⁶ Часть (устар.) — здесь: участь, судьба.

⁷ Тредьяковский В. К. (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности и нападкам со стороны литературных противников.

⁸ Куплет — строфа, часть песни.

¹ Вестовщица (устар.) — любительница рассказывать новости.

² Сумароков А. П. (1717—1777) — русский поэт и драматург.

послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то совету действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменялся в лице.

— Это тебе так не пройдёт, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию¹.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иглою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Пётр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас Бог принёс? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть, и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Пётр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своём намерении. «Как вам угодно, — сказал

Иван Игнатьич, — делайте как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить? Слава Богу, ходил я под шведа и под турку¹: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузьмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодейство, противное казённому интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилие его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступить.

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы² не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону и уведомил его о своём разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдёмся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня своё обещание, смутился и не знал, что ответить. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

¹ Сатисфакция — удовлетворение (в данном случае это означает вызов на дуэль).

¹ То есть участвовал в войнах со шведами и с турками.

² Дабы (устар.) — чтобы.

— Да вот так: Пётр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её при мне, а я затанул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Пётр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков¹; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал её конец и лёг спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах² и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вёл нас в торжестве, шагая с удивительной важностью.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привёл!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводите смертоубийство! Иван Кузьмич, сейчас их под арест! Пётр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Пётр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузьмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле³. Меж-

ду тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, — сказал он ей холодно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и единая плоть? Иван Кузьмич! Что ты зеваешь? Сейчас расседи их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию¹, чтоб молили у Бога прощения да калялись перед людьми».

Иван Кузьмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, по-видимому, примирённые. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузьмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что всё так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своего кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса, Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не

¹ Обиняки — намеки.

² Камзол — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

³ Воинский артикул — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

¹ Эпитимия — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы).

хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией¹ и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывает? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустился по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств.

¹ Элегия — стихотворение, проникнутое грустью.

ГЛАВА V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спрости, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде¹ лучше меня найдёшь,
позабудёшь,
Если хуже меня найдёшь,
вспомынешь.

То же

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи², которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? каков?» — произнёс шепотом голос, от которого я затрепетал. «Всё в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — всё без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал.

¹ Буде (устар.) — если.

² Перевязь (устар.) — повязка.

Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнись! опомнись! — повторял он. — Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Пётр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он ещё слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала её... и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женой, согласись на моё счастье». Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она без всякого жеманства¹ призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть, как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь

убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его, и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостью молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузьмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Пётр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня-таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрину, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришёл ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорблённого самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, не-

¹ Жеманство — слащавая изысканность, манерность в обращении.

смотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё не достоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость.

Отец твой А. Г.»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переводе моём из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперёд по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражен как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочёл следующее:

«Стыдно тебе, старый пёс, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донёс о сыне моём Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство¹ к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

¹ Потворство — поощрение, содействие в чём-либо предосудительном, nepoзвoлитeльнoм.

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пёс, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Пётр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием до топанием убережётся от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моём поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузьмич не почёл за нужное рапортовать о моём поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Всё кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она поблдевала в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив её за руку, — ты меня любишь; я готов на всё. Пойдём, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

— Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую¹, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Пётр Андреич, а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погружённый в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

¹ Суженая — невеста.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом. — Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний, — а я не старый пёс, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за её здоровье Бога буду молить. А Пётр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Пётр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия¹, то быть молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлёте меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш Архип Савельев».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту² доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла³, но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузьмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество

¹ Ока́зия — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

² Гра́мота — здесь: письмо.

³ Пеня́ть — укорять, выговаривать кому-нибудь.

и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

ГЛАВА VI ПУГАЧЁВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.

Песня

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших ещё недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городе. Причиной тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом¹, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своёвольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

¹ Траубенберг в 1772 году был зарублен в Яицком городке восставшими казаками.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрину, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту
Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник¹ Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы², господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению³.

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, виден, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

¹ Пугачёв, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил» (Пушкин А. С. История Пугачёва). По другим данным, Пугачёв раскольником не был, а объявил себя им, поскольку свою деятельность как мятежника начинал среди раскольников.

² Имеете вы — здесь: должны вы.

³ Попечёние — здесь: забота, наблюдение.

Раздав сии повеления, Иван Кузьмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.

«Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. Иван Кузьмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузьмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузьмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не смогла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадья, и узнала, что во время её отсутствия было у Ивана Кузьмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузьмич приготовился к нападению. Он нimalo не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломой; а как от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирасть Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузьмич не был приготовлен к такому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьётся, прекратила свои вопросы и завела речь о солёных огурцах, которые Акулина Памфиловна готовила совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове её мужа, о чём бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни¹, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпочки, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный

¹ Обедня — утренняя или ранняя дневная церковная служба.

в неё ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузьмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича с твёрдым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи Боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, порошу много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всём признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала своё обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова её ходила ещё в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подосланы были к ним лазутчики¹. Юлай, крещёный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своём лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника

под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужко тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалиться Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашёл другого способа, кроме как единожды уже им употреблённого.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузьмич, — прервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачёве; да лих¹ не проведёшь!» Иван Кузьмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузьмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал² не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет ещё нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузьмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силен, — заметил Швабрин.

¹ Да лих (устар.) — да нет уж.

² Увещевать — убеждать.

¹ Лазутчик — разведчик.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатъич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузьмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска¹. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ², уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатъич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году³. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

¹ *Розыск* — дознание, следствие.

² Имеется в виду указ Александра I об отмене пыток, на практике не выполнявшийся.

³ В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное самодержавием. Многим участникам восстания в наказание обрезали носы и уши.

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузьмич, — али бельмес¹ по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши², — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! симите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстроите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плетъ и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моём веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайного встревоженного.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

¹ *Бельмес* — ничего (от татарск. «бильмес» — не знает).

² *Якши* (татарск.) — хорошо.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозёрная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузьмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузьмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузьмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождёмся сикурса¹; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет её и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — отвечала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозёрной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался, но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

ГЛАВА VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу¹ себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петьелку шлековую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором ещё недавно был я погружён. С грустью разлуки сливались

¹ Сикурс (воен., устар.) — помощь.

¹ Ранг — здесь: чин, звание.

во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузьмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришёл». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана, крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё¹. Пушку туда перетащили накануне. Комендант рассказывал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комендант обошёл всё своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, стоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные²!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас усаkali из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталия? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет,

папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомянув, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подсккали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали:

«Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузьмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, запнулся и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузьмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, готовились к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузьмич, в животе и смерти² Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей

¹ То есть был в боевой готовности.

² Присяжные — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

¹ Сайдак — лук с колчаном и стрелами.

² В животе и смерти (устар.) — в жизни и смерти.

изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне¹, коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны: она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузьмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятись. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но оброчный гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами.

¹ Отпусти мне (устар.) — прости меня.

Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачёв

грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор¹ и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздёргнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных² моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув

¹ Вор — здесь: разбойник, изменник.

² Великодушный — здесь: человек, обладающий величием души (в отличие от малодушный).

уже на меня. Мне накинута на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои!» — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на показание. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! —

закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблей по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

ГЛАВА VIII НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Незванный гость хуже татарина.
*Пословица*¹

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущённые столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надёжно ли её убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошёл в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошёл в комнату Марьи Ивановны. Я увидел её постель, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась ещё перед опустелым кивотом². Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи³? Страшная мысль мелькнула в уме моём: я вообразил её в руках у разбойников... Сердце моё сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной... В эту минуту послышался лёгкий шум, и из-за шкафа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Пётр Андреич! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денёк! какие страсти!

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

¹ Пословица сложилась во времена монгольского нашествия на Русь. По имени одного из племён русские называли монголов татарами.

² Кивот (киот) — небольшой шкаф, подставка для икон.

³ Келья — здесь: небольшая комната уединённо живущего человека.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачёв!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачёв пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подал ей вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадьа вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадьа. — Ну, Пётр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнётся да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молодая твоя племянница?» — «Молодая, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и ёкнуло, да нечего делать. «Изволь, государь; только девка-то не может встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошёл окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребными своими глазами — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батяка мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузьмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иванович? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за это.

В эту минуту раздалась пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступайте себе домой, Пётр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идёт. Беда, попадётесь под пьяную руку. Прощайте, Пётр Андреич. Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел не-

сколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал: а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, bestия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачёва с моим жатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Остаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

— Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко,

что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приёмы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиною с пятак, а на другой персону его.

Я не почёл нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачёвым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожками и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрин, ни нашего урядника, новобранных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясняли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачёва.

И на сём странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» — Сосед

мой затынул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думать.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа православный царь:
Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясло меня каким-то пинтическим² ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накупили тебе верёвку на шею?

¹ *Исполать* (устар.) — хвала, слава.

² *Пинтический* (устар.) — поэтический.

Я чаю¹, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель², за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицу в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту), чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смыслённый; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — что бы я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев³ не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

¹ Я чаю — здесь: я думаю.

² Добродетель — добро, стремление к добру.

³ Григорий Отрепьев — самозванец, ставленник польских панов, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время народного восстания.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горюющего по моём отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава тебе, владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдём куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомлённый душевно и физически.

ГЛАВА IX

РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков¹

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамена развевались. Несколько пушек,

¹ Херасков М. М. (1733—1807) — русский поэт и драматург.

между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отвернулся с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовью и послушанием; не то не избежать им лютости казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрину: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый² и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачёв.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич. Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зелёного сукна, на семь рублей. Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудой, на два рубля с полтиною...»

— Что за враньё? — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крикнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр¹ барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята-таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачёв.

Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное², на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином³, 40 рублей.

Ещё заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими слушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался

¹ Реестр — список, перечень.

² Тафта — тонкая глянцевитая шёлковая ткань.

³ Ратин — шерстяная ткань для верхней одежды.

¹ Обер-секретарь — главный секретарь.

² Миткаль — дешёвая хлопчатобумажная ткань.

на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я спешил в дом священника увидиться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, незащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властью от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянувшись, вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — прибавил, запинаясь, урядник, — жалует он вам...

полтину денег... да я растерял её дорогою: простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! а что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это брэнчит уздечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недавно подал мошеннику челобитье¹: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

ГЛАВА X ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом² повелел соорудить раскат³
И, в нем перуны⁴ скрыв, в ночи⁵ привестъ под град.

Херасков

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников⁶ с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполняв-

¹ *Челобитье* (устар.) — прошение (от *бить челом* — кланяться до земли).

² *Стан* — лагерь.

³ *Раскат* — плоская насыпь для установки пушек.

⁴ *Перун* — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь под перунами подразумеваются пушки.

⁵ *В ночи* (устар.) — ночью.

⁶ *Колодник* — арестант, узник в колодках.

ший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повёл меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнажённые дыханием осени, и с помощью старого садовника бережно их укутывал тёплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим¹ я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкой?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных её жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Об этом мы ещё успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачёве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошёл на квартиру, мне отведённую, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул² явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможи³, толстого и румяного старичка в глазетовом⁴ кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузьмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые, если и не обличали в нём человека сведу-

щего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашённые. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чём состояло дело: «Теперь, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнём собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Г-н прапорщик! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение». Я стал и, в коротких словах описав сперва Пугачёва и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия².

Мнение моё было принято чиновниками с явною неблагоклонностию. Они видели в нём опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесённое кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных: это законный порядок. Теперь станем продолжать собрание голосов. Господин коллежский советник³, скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумлённый генерал. — Других способов тактика⁴ не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Эх-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

¹ *Коим* (устар.) — которым.

² *Не преминул* (устар.) — не забыл.

³ *Таможня* — учреждение для контроля над провозом товаров через границу.

⁴ *Глазёт* — узорчатая шёлковая ткань.

¹ *Прапорщик* — младший офицерский чин в царской армии.

² *Правильное оружие* — здесь: регулярные войска.

³ *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса (по табели о рангах).

⁴ *Тактика* — наука о ведении боя.

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

— Мы ещё об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнёс следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объяснить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здоровой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие моё торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешёптывались с видом неудовольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив вместе с глубоким вздохом густую струю табачного дыму. — Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идёт о безопасности вверенных мне провинций её императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать.

Чиновники в свою очередь насмешливо поглядели на меня. Совет разошёлся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнению людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачёв, верный своему обещанию, приближался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачёвым в малых крепостях, им уже покорённых. Вспомня решение совета, я предвидел

долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетающим на их дворы; даже приступы Пугачёва уже не привлекали общего любопытства. Я умирал от скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Незнестерпимое меня мучило. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и добродетельных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота, но глубина снега мешала ей действовать удачно против рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где же оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускорил. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам,

зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застрадав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозит, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота.

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия прищипывая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал.

Генерал ходил взад и вперёд по комнате, куря свою пенковую² трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идёт о счастье всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумлённый старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

¹ Лизавета Харлова — жена коменданта Нижнеозёрской крепости, убитая пугачёвцами (историческое лицо).

² Пенковый — изготовленный из пенки — лёгкого огнестойкого материала.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чем почти не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций¹ с главным стратегическим пунктом² и получить над вами совершенную победу. Пресечённая коммуникация...

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm³, и если попадётся ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парапете⁴ крепости. Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это ещё не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию⁵, а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят, то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить её Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблён. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и

¹ Коммуникация — сообщение, связь; здесь: пути сообщения.

² Стратегический пункт — место, район, имеющие важное военное значение.

³ Шельма (нем.) — мошенник.

⁴ Парапет — здесь: вал, прикрытие от вражеских пуль и ядер.

⁵ Протекция — покровительство, поддержка.

полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоприятна; я не могу взять её на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

ГЛАВА XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» —
Спросил он ласково.

А. Сумароков²

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переведываться³ с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровён час: ни за что пропадёшь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «Сколько у меня всего-навсего денег?» — «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я всё-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Пётр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение моё было твёрдо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Поку-

¹ *Вертеп* (старослав.) — пещера.

² Этот эпиграф сочинён Пушкиным и приписан Сумарокову.

³ *Переведываться* — здесь: перестреливаться, выходить на поединок.

пай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошёл? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовиться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; карательные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. Прямая дорога занесена была снегом, но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Пётр Андреич... батюшка Пётр Андреич!.. Не погуби!.. Господи владыко, пропадёт барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооружённых дубинами: это был передовой караул пугачёвского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове: шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, прищипорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился

снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие моё их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожидаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго: наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток¹, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискосок на наперсников² самозванца.

¹ Шесток — площадка в передней части русской печи.

² Наперсник (устар.) — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо¹ по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей²), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение³, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрину, — сказал Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрину в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору⁴.

¹ Пугачёв выдавал своих приближённых за царских вельмож. Голубую ленту через плечо носили награждённые высшим орденом — Андреем Первозванного.

² Белобородов и Хлопуша — видные участники Пугачёвского восстания (исторические лица). Хлопушей прозвали Соколова по сходству с высоким деревянным пестом (хлопушей), которым толкут горную породу.

³ Провидение — высшая божественная сила, судьба.

⁴ Наговор — поклёп, клевета.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать; а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами¹? Не прикажешь ли свести его в приказную² да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник³? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

¹ *Супостат* (устар.) — враг.

² *Приказная* (приказная изба) — помещение, где допрашивали арестованных.

³ *Угодник* — так верующие называли некоторых святых (буквально: человек, угодивший Богу).

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём¹ и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!..»

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородинки не вырвал!

— Господа енералы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба² ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести; но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачёвым и с его страшными товарищами.

¹ *Кистень* — старинное ручное оружие (тяжёлый набалдашник на короткой рукоятке).

² *Зазноба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

Оргия¹, коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевая собеседников. Пугачёв задремал, сидя на своём месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши караульный отвлёк меня в приказную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улёгся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предавался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Попутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка Пётр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил² и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидаться с той,

которую почитал уже для меня потерянную. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровавых при- вычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волосы становились дыбом... Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почёл нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок генералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридриком¹?

¹ Фридерик («Фёдор Фёдорович») — Фридрих II (1712—1786), прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

¹ Оргия — попойка, шумная пирушка.

² Призреть (устар. призреть) — позаботиться, взять под свою опеку.

— С Фёдором Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры¹. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авоось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаюсь падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затеялива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

¹ См. примеч. на с. 113.

ГЛАВА XII

СИРОТА

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отстранил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усыпленный ворчаньем своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

¹ Эпита́фия — надгробная, надмогильная надпись.

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней того хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать!» — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду

посажённым отцом, Швабрин дружкой¹; закутим, запьём — и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в иступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоленбелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовления к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Пётр Андреич. Я передеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне;

¹ Дружка — распорядитель на свадьбе.

я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошёл в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Пётр Андреич, — говорила попадья. — Привёл Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачёвым-то поладили! Как он это вас не ужокошил? Добро, спасибо злодею и за это». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании¹. Батюшка Пётр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расставаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачёву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иванович, нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбочко на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время. Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное положение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастье и вменит себе

в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракульками Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. Пугачёв, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он ещё раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошёлся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел её проводить, но она просила меня оставить её одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливого пути, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную

¹ Многословие не даёт спасения (старослав.).

злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

ГЛАВА XIII

АРЕСТ

— Не гневайтесь, сударь: по долгу моему Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде, Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

Соединённый так нечаянно с милой девушкой, о которой ещё утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела ещё опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачёву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с какой их запрягали, по торопливой услужливости бородатого казака, поставленного Пугачёвым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привёзшего, меня принимали как придворного временщика¹.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: «кто едет?» — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяйскою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр². — Вот уже тебе будет баня, и с твоею хозяйскою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повёл меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это всё кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещённому. Вахмистр оставил меня при карауле и пошёл обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяйшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а её благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк¹. Майор метал². Каково было моё изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Пётр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку³?

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою? Где же ты её подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попиروвали по-старинному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачёва? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный, ничем не обидит, да хорошенько её в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачёва? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез её из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю её.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

¹ Банк — карточная азартная игра.

² Метать — здесь: держать банк, то есть вести игру, поставить деньги на кон.

³ Поставить карту — здесь: принять участие в карточной игре.

¹ Временщик — человек, достигший большой власти вследствие близости к царю или царице.

² Вахмистр — унтер-офицер в кавалерии.

— После всё расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоём, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Всё это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя чёрт несёт жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать, поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь её завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадёшься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них ещё раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдёт сама собою, и всё будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы.

Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтобы на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностью. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, послужишь ты и мне, потому что я твёрдо решился, как скоро обстоятельства позволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неопищенного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем¹, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришёл я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидиться или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять; мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостью Татищевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидели. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

¹ *Ходатай* — заступник, защитник.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном¹. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе не сдобровать! Женишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

¹ Михельсон И. И. (1740—1807) — во времена Пугачёвского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из усмирителей Пугачёвского восстания.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. — «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань, в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев утешала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

ГЛАВА XIV

СУД

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было одобряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решил перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые

стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Такое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестились я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении¹ и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать её между гнусными извещениями² злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замаялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностью, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчера* злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом.

¹ Смятёние — здесь: смута, мятеж, беспорядок.

² Извёт (устар.) — донос, клевета.

По его словам, я отряжен был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжая с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и, когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была

встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа¹ он объявил ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур² мой умер на лобном месте³, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым⁴. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она

¹ *Приступ* — здесь: вступление.

² *Пращур* — предок.

³ *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. По преданию, возле него казнили важных государственных преступников.

⁴ Волынский А. П., Хрущёв А. Ф. — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия; казнены за «государственную измену».

просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкой, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой¹ моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию² и, узнав, что Двор³ находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила её во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала её со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьева рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где

только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева¹. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так ещё молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её знакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг её лицо переменялось, — и Марья Ивановна,

¹ Румянцев П. А. (1725—1796) — крупный военачальник времён Екатерины II.

¹ Наречённая — объявленная, признанная всеми.

² София — почтовая станция недалеко от Царского Села под Петербургом.

³ Двор — царский двор (царь и приближённые к нему лица).

следившая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились? — спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой: — А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей¹ вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расклопоталась. «Ахти, Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете. Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чём-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабushке за её жёлтым роброном²?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чём её застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней открылись настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так утешала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери открылись, и она вошла в уборную¹ государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру²».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полубопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению³; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая

¹ Уборная — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убраться* — украсить, нарядиться).

² Свёкор — отец мужа.

³ Именное повеление — повеление царя или царицы.

¹ Камер-лакэй — придворный слуга.

² Роброн (устар.) — широкое женское платье.

и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836

❧ Вопрос ❧

❧ Исследователи считают, что эпиграфы в «Капитанской дочке» играют роль своеобразных конспектов каждой главы. Докажите правильность (или ошибочность) этого мнения, перечитав эпиграфы вместе с названиями глав.

Обдумаем прочитанное

Литературоведы называют «Капитанскую дочку» то повестью, то романом, то историческим романом, то семейными записками, то хроникой, то мемуарами (воспоминаниями). Чем вы объясните такое разнообразие мнений?

Прежде чем начать подробное рассмотрение повести, уточним наши прежние знания о художественном образе и о том, как он создаётся, — это поможет нам лучше взглянуть на пушкинский текст.

ОБРАЗ-ХАРАКТЕР

На с. 9—10 учебника вы познакомились с определением художественного образа как картины жизни, созданной писателем и проникнутой его мыслями, чувствами, переживаниями. Среди художественных образов в литературе немало образов родной природы («Пейзаж» Майкова, «Ярко звёзд блистанье...» Никитина) или животных («Муму» Тургенева, «Каштанка» Чехова). Но главное место в ней занимают картины жизни людей. Рисуя поступки, поведение героев, их отношения друг с другом, их

внешность, окружающую их обстановку, показывая особенности их мыслей и чувств, наделяя героев присущей им речью, писатель постепенно создаёт у нас представление о характерах героев, то есть о совокупности их личных качеств (слово *характер* происходит от греческого *charakter* — черта, особенность). Как и все художественные образы, образ-характер, или его иначе называют литературный характер, несёт на себе печать автора, его оценки, его отношения к жизни (с понятием характера вы уже встречались в 7-м классе).

Яркие, неповторимые образы-характеры нарисованы в «Капитанской дочке».

ТОЧНОСТЬ И КРАТКОСТЬ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ

Особенность Пушкина как художника — в точности и краткости описаний, в умении немногими словами передать стремительность развития событий и глубину переживаний действующих лиц. А. Т. Твардовский отмечал: «Взятие Белогорской крепости, казнь её защитников, помилование Гринёва, трехчасовая церемония принятия Пугачёвым присяги — всё это занимает две-три странички малого формата и не оставляет у нас ни малейшего ощущения неполноты или скомканности картины». А Гоголь говорил о произведениях Пушкина: «Слов не много, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства. Каждое слово необъятно как поэт».

Всего лишь две фразы позволяют нам догадаться о чувствах Гринёва в момент последнего расставания с Пугачёвым: «Пугачёв уехал. Я долго смотрел в белую степь, по которой неслась его тройка».

А вот как рисует Пушкин психологическое состояние Гринёва, когда тот, тревожась за судьбу Марьи Ивановны, вошёл в комендантский дом. Мгновенным взглядом он охватил страшную картину разгрома: «Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано». В светлице Марьи Ивановны постель перерыта, «шкаф был разгромлен и ограблен; лампадка теплилась ещё перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке». Гринёв вообразил Марью Ивановну в руках пугачёвцев. «Сердце моё сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной». Внезапно явилась Палаша, «бледная и трепещущая». Она было начала говорить, но Гринёв не мог её дослушать.

«— Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?»

Оказалось, что та спрятана у попадьи.

«— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! Да там Пугачёв!..»

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя.

Происходит встреча Гринёва с попадьёй.

«— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением». И только когда оказалось, что Марья Ивановна вне опасности, «несколько успокоенный», Гринёв отправился к себе на квартиру.

В короткой сценке немногими словами переданы сложные чувства, охватившие молодого героя: и страх за любимую, и готовность спасти её во что бы то ни стало, и нетерпение узнать о её судьбе, и переход от отчаяния к сравнительному спокойствию.

Легко заметить, что в изображении всех этих происшествий большую роль играют подробности обстановки, поведения, душевного состояния героя. Эти подробности иначе называют художественными деталями (от французского слова *détail* — подробность, мелочь). Без подробностей, деталей картины жизни, художественные образы не будут обладать той впечатляющей силой, которой они отличаются у писателей-классиков. Есть художественные детали, проходящие через всё произведение и имеющие повышенное значение для характеристики действующих лиц. Вспомните хотя бы написанный значительно позднее «Капитанской дочки» рассказ А. П. Чехова «Хамелеон» с его героем Очумеловым, то снимающим, то снова надевающим шинель.

Гринёв (а за ним в данном случае легко угадывается Пушкин) не только рисует людей, подробности их поведения, детали обстановки, в которой происходит действие. С помощью художественных деталей он оценивает героев. Мы чувствуем лёгкую усмешку рассказчика, когда он рисует коменданта крепости в колпаке и китайчатом халате, «обучающего» солдат, или когда описывает бердский «дворец» Пугачёва со стенами, оклеенными золотой бумагой, с двумя сальными свечами, рукомыльником на верёвочке, полотенцем на гвозде, ухватом в углу и горшками на шестке.

Обращает на себя внимание такая сцена. Пугачёв уезжает из Белогорской крепости. «Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дожидаясь казаков, которые хотели было посадить его». В этой детали — и физическая сила, и ловкость

Пугачёва, и привычка его, казака, обращаться с лошастью, и темперамент¹ Пугачёва, для которого тягостно было соблюдать все правила дворцового этикета².

Обдумаем прочитанное

1. Перечитайте описание бурана в главе II. Приведите примеры краткости и художественной точности описания (изобразительно-выразительная роль метафор и сравнений). А как диалог в этой сцене характеризует действующих лиц? Подберите аналогичные примеры (краткость, точность, значение деталей) из других глав (по выбору).

2. Перечитайте сцену беседы Гринёва с Пугачёвым по дороге в Белогорскую крепость (глава XI) от слов «Что говорят обо мне в Оренбурге?» до «...и ничего не ответил». Как в интонации, в мимике действующих лиц выражаются их переживания?

А теперь перейдём к рассмотрению повести по главам. Отвечая на вопросы, выполняя задания, возвращайтесь к прочитанному, вдумывайтесь в текст, не забывая об особенностях пушкинской прозы. Помните, что внимательное, сосредоточенное чтение, а иногда неоднократное перечитывание произведения — ключ к постижению духовных богатств, заключённых в художественной литературе.

❧ Вопросы ❧

(к главам I–V)

1. Кратко расскажите о жизни Гринёва в родительском доме:
 - в каких условиях воспитывался Петруша? (Для характеристики его родителей привлеките также главу XIV);
 - что хорошего и что дурного вынес Гринёв из детских и отроческих лет?
2. Какое значение в жизни Гринёва имела жизнь в Белогорской крепости, общение с «добрым семейством» Мироновых, любовь к Марье Ивановне?
3. Как реагировала Маша на письмо Гринёва-старшего, запрещающего сыну жениться? Почему она решила покориться судьбе? А как реагировал на письмо Пётр Гринёв? Как это его характеризует? На чьей стороне ваши симпатии в этом конфликте?
4. После ответа отца, запретившего сыну жениться, Гринёв впал в отчаяние. Однако далее он пишет: «Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали моей душе сильное и благое потрясение» (благое — доброе, хорошее, полезное, служащее к нашему счастью). Какие происшествия он имеет в виду? Почему они имели благотворное влияние на его душу?

¹ Темперамент — здесь: активность, жизненная сила.

² Этикет — установленный порядок поведения при дворах царей, между дипломатами и т. д.

5. Над чем и почему добродушно иронизирует Гринёв, вспоминая свои детские и отроческие годы и первые шаги самостоятельной жизни?

Для любознательных

Гринёв иронизирует над беспутным мосье Бопре, который не утруждал своего воспитанника «науками». А всё-таки, чему научил мосье Бопре Гринёва? Перечитайте главы III и IV. Как показано в главе III, юный герой понимает французскую речь Швабрина. В главе IV упоминает о том, что читал французские книги и занимался переводами. Далее оказывается, что Бопре дал Гринёву несколько уроков фехтования, которые по сути спасли ему жизнь. Почему же, по-вашему, в главе I рассказчик умалчивает о «заслугах» учителя? Что это — забывчивость? А может быть, просчёт Пушкина, который не согласовал между собой главы I, III и IV? Но можно ли подозревать Пушкина в подобной ошибке?

Если вы затрудняетесь дать ответ на этот вопрос, предложим такое объяснение. По прошествии многих лет, вспоминая детство, рассказчик склонен преувеличивать свои недостатки и пороки гувернёра-француза. На самом деле Гринёв обладал немалыми способностями. Недаром в крепости у него проснулась страсть к литературе и даже к сочинению стихов, которые несколько лет спустя хвалил известный поэт того времени А. П. Сумароков. Да и мемуары, авторство которых приписано Гринёву, свидетельствуют о нём как о литературно одарённом человеке. Поэтому даже не подчинённое строгому порядку общение с мосье Бопре (а для того, чтобы разговаривать с человеком, совершенно не знающим русского языка, нужно научиться хоть как-то изъясняться и по-французски) принесло известную пользу молодому герою. К тому же владение французским языком в дворянской среде, даже не принадлежавшей к высшему кругу, не считалось особой доблестью. И Пушкин судил своего героя с высоты своей высочайшей образованности. Недаром в романе «Евгений Онегин» о познаниях героя, несомненно более образованного, чем Гринёв, Пушкин с улыбкой замечал: «Мы все учились понемногу, // Чему-нибудь и как-нибудь».

❖ Вопросы ❖

(к главам VI—XII)

1. Покажите, как под влиянием жизненных испытаний продолжается формирование характера Гринёва. Как изменяется его отношение к Пугачёву (сравните, например, главы VII и XII)? Как крепнет у него чувство ответствен-

ности за любимую девушку? Как меняется отношение к Савельичу (сравните главы I, II и XI)?

2. Перечитайте эпизоды встреч Гринёва с Пугачёвым (включая сцену на постоялом дворе, описанную в главе II). Расскажите об одном из понравившихся вам эпизодов. Какое он имеет значение для раскрытия характера Пугачёва? Обратите внимание:

на особенности речи Пугачёва;

на его отношение к своим соратникам, к Гринёву и другим людям; на отношение к нему его сподвижников и простого народа.

3. Один из современников Пугачёва так говорил о его внешности:

«Рост его небольшой, лицо имеет смуглое и сухощавое, нос с горбом... левый глаз щурит и часто им мигает. Волосы на голове чёрные, борода чёрная же, но с небольшою сединою. Платье имеет: шубу пливовую малиновую, да и шаровары такие ж; шапку казачью». Другой отмечал: «Лицо имеет он смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове чёрные; рост его средний или меньше; в плечах хотя и широк, но в поясице очень тонок». Сравните эти описания с деталями портрета Пугачёва в главах VII, VIII, XI «Капитанской дочки». Чем отличается портрет Пугачёва, воссозданный в повести, от свидетельств современников? Почему, по-вашему, Пушкин (через «посредство» Гринёва) именно такими деталями рисовал внешность героя?

4. Перечитайте следующие сцены: допрос башкирца (глава VI) и казнь капитана Миронова (глава VII); убийство Василисы Егоровны (глава VII) и освобождение Маши Мироновой (глава XII). Какие чувства вызывает у вас капитан Миронов в первых двух и Пугачёв в последних двух из названных сцен? Докажите, что в основе этих сцен лежит мысль о необходимости доброты, гуманности, а не жестокости и ненависти в отношениях между людьми.

5. Сопоставьте картины военных советов в Белогорской крепости (пирושка у Пугачёва) и в Оренбурге, отношение генерала и Пугачёва к любовному чувству Гринёва. Что даёт такое сопоставление для понимания характера Пугачёва?

6. Почему Пугачёв освободил Машу Миронову?

(к главам XIII—XIV)

1. Что добавляют заключительные главы повести к нашим представлениям об отношениях Гринёва с Пугачёвым?

2. Какие изменения и почему, по-вашему, произошли в характере Маши Мироновой по сравнению с началом повествования? Что вам нравится в героине? (Припомните также поведение Маши в заключении у Швабрина.)

3. Придворные поэты называли Екатерину II богиней мудрости и справедливости, «ангелом во плоти», неземным существом. А как изображена Екатерина II в «Капитанской дочке»? Почему неоднократно миловал Гринёва и помогал ему, человеку из враждебного лагеря, Пугачёв, и почему помиловала Гринёва Екатерина II?

(ко всей повести)

1. Завершая «Капитанскую дочку», Пушкин писал: «Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва... Мы решились, с разрешения родственников, издать её (рукопись) особо, приислав к каждой главе приличный эпиграф

и дозволив себе переменить некоторые собственные имена». Себя поэт называет только издателем повести. Верите ли вы тому, что перед нами действительно жившего человека? Как можно опровергнуть это мнение? Почему же, по-вашему, Пушкин решил вести повествование не от своего лица, а от имени Гринёва?

2. Изображая характер героя в развитии, Пушкин показывает Гринёва и в его зрелые годы, может быть, уже пожилым человеком. Во всяком случае, мы можем судить о взглядах взрослого Гринёва и по тому, на каких событиях своей жизни он сосредоточивает внимание, и по тому, как оценивает эти события, какие мысли общего характера высказывает. Перечитайте главу VI, найдите в ней места, на основании которых мы можем судить о взглядах взрослого Гринёва.

3. Один из историков, современников Пушкина, писал о Пугачёве: «Емелька Пугачёв бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рождённым; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают.

История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самих разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце». Сравните эту оценку Пугачёва с отношением к Пугачёву Гринёва. Что понял и чего не понял Гринёв в Пугачёве и крестьянском восстании? (Отвечая на этот вопрос, наряду с другими фактами, припомните калмыцкую сказку Пугачёва и слова Гринёва после того, как он её выслушал.)

4. Почему Швабрин вызывает презрение читателя? А есть ли в его характере хотя бы одно светлое «пятнышко»? Какое? Чем можно объяснить, что Пушкин не рисовал Швабрина сплошь чёрной краской?

5. Как вы понимаете эпиграф к повести? Что имел в виду поэт, когда говорил о чести? Только ли верность воинской присяге?

6. Почему, по-вашему, повесть, главными героями которой являются Гринёв и Пугачёв, названа «Капитанская дочка»?

По этому поводу в литературоведении высказаны различные мнения. Одни исследователи говорят, что таким заглавием Пушкин хотел отвлечь внимание цензуры от темы Пугачёвского восстания, которая разработана в повести. Другие утверждают, что вокруг Маши Мироновой, её судьбы развёртываются события повести, что героиня стоит в центре её сюжета. Третьи доказывают, что Маша Миронова выступает в повести как носительница высокой нравственности и чести и что поэтому эпиграф к повести («Береги честь смолоду») относится столько же к Гринёву, сколько и к Маше Мироновой.

Критик А. Синаевский (выступавший под псевдонимом Абрам Терц) писал: «Маша, можно сказать, "незримо и неслышно" издали руководит Гринёвым. Гринёв потому и становится таким умным и мужественным, что много о ней думает и высчитывает каждый раз, как ей лучше помочь, совершает ради неё рискованные шаги, пускается на безумные хитрости и авантюры. <...> Её не назовёшь пассивной, поскольку она усиленно включается в действие изнутри, пока не настанет её черёд выступить единолично впереди — против всеобщих ков и козней, как и подобает капитанской дочке».

С каким мнением (или мнениями) вы готовы согласиться? Почему? А может быть, у вас возник свой взгляд на смысл заглавия повести?

7. Покажите, что Пушкин в «Капитанской дочке» широко использует народно-поэтическое творчество (проанализируйте эпиграфы, речь действующих лиц, вспомните включённые в повесть песни, сказки). Чем вы объясните обращение Пушкина к народно-поэтическому творчеству при написании повести?

8. Почему произведение о далёких событиях и людях XVIII века и теперь читается с неослабевающим интересом?

9. Подготовьте устное сочинение на одну из тем: «Каким я представляю себе Пугачёва после прочтения "Капитанской дочки"?», «Рыцарство Петра Гринёва» (Гринёв и Маша Миронова).

Совет по работе над последним заданием

Готовя характеристику Пугачёва, выразите своё отношение к следующим высказываниям выдающихся русских писателей и деятелей культуры:

Ф. М. Достоевский: Пугачёв отличается «зверством, а вместе беззаветным русским добродушием».

П. И. Чайковский: у Пушкина Пугачёв показан «в сущности удивительно симпатичным злодеем».

Марина Цветаева: в «Капитанской дочке» «единственное действующее лицо — Пугачёв. Вся вещь оживает при звоне его колокольчика. Мы все глядим во все глаза и слушаем во все уши: ну, что-то будет? И что бы ни было: есть Пугачёв — мы есьмы!»

Пушкинский Пугачёв («Капитанской дочки») есть собирательный разбойник, людоед, чумак², бес, «добрый молодец», серый волк всех сказок... и снов, но разбойник, людоед, серый волк — кого-то полюбивший, всех загубивший, одного — полюбивший, и этот один, в лице Гринёва, — мы.

И если мы уже зачарованы Пугачёвым из-за того, что он — Пугачёв, т. е. живой страх, т. е. смертный страх... то как же нам не зачароваться им вдвойне и вполне, когда этот страшный — ещё и добрый, когда этот изверг — ещё и любит».

Для любознательных

1. Повествование в «Капитанской дочке», как это явствует с первых же страниц повести, Пушкин «передал» Гринёву, вступив в этом отношении в своеобразный «договор» с читателем. Рассказчик (Гринёв) мог знать лишь о тех событиях, свидетелем которых он был или о которых ему рассказали.

Перечитайте в главе VI отрывок от слов «Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи...» до слов «...корова её ходила ещё в степи и могла быть захвачена злодеями».

¹ Есьмы — устаревшая форма множ. числа наст. времени от глагола быть (есмы, еси, есть, есьмы и т. д.).

² Чумак — здесь: грубый человек.

В чём и почему, по-вашему, Пушкин «отступил» от негласного «договора» с читателем (подробнее о таком «договоре» см. во вводной статье, в разделе «Условность искусства»). Почему, читая повесть, мы не замечаем этого «отступления»?

2. Отберите в тексте повести материал о пугачёвцах (кроме самого Пугачёва), о том, как оценивает их рассказчик, что плохого и что хорошего в них видит. Подготовьте сообщение на тему «Бунтовщики-пугачёвцы в изображении рассказчика».

3. В литературоведении высказана мысль о том, что причиной измены Швабрина стала его страстная любовь к Маше Мироновой, нежелание «уступить» её Гринёву. Согласны ли вы с этой мыслью? Свой ответ обоснуйте.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В ПОВЕСТИ

Повесть Пушкина, несмотря на то что основное действие её разворачивается на небольшом пространстве и в сравнительно короткое время, воссоздает сложную картину жизни России в XVIII веке.

Перед нами проходят исторические лица: Пугачёв, Хлопуша, Белобородов, Екатерина II. Мы видим войско восставших, осаду Оренбурга, казнь Пугачёва.

Исторические деятели изображены в «Капитанской дочке» в окружении вымышленных лиц. Картины исторических событий переплетаются в повести с эпизодами, созданными творческим воображением писателя. Без этих вымышленных героев и событий мы не могли бы не только ярко представить себе Пугачёва — наши знания о жизни в XVIII веке были бы существенно обеднены. Вероятно, у нас не возникли бы те мысли о чести, человеческом достоинстве, любви, самопожертвовании, какие появляются при чтении «Капитанской дочки».

Но художественный вымысел нужен писателю и тогда, когда он — как сказано выше (с. 9—10) — рисует действительно живших людей и действительно происходившие события. Кому, например, известно, что доподлинно говорил в такой-то вечер Пугачёв своим приближённым, как был одет, как сидел, как вёл себя с окружающими? Кто знает, какие чувства испытал офицер, приговорённый Пугачёвым к повешению, а потом пощажённый им (подобный случай произошёл на самом деле)?

Художественный вымысел помог поэту оживить картины далёкого прошлого.

Рисуя Пугачёва, Пушкин не слепо следует за его биографией, не пересказывает её — день за днём, час за часом.

Великий русский критик Белинский писал: «Поэт не обязан описывать, как герой его романа обедал каждый раз; но поэт может изобразить один из его обедов, если этот обед имел влияние на его жизнь... Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать все его поединки и сражения... но поэт может описать важнейшие поединки и сражения своего героя или даже и один поединок, если только в нём дух рыцарства выразился столь характеристически, что новое описание в этом роде ничего не дополнит, если характер героя обозначился так полно и резко, что мы по одному его поединку знаем уже, как бы он стал сражаться в тысяче других».

Именно так подошёл Пушкин к фактам жизни Пугачёва. Фантазия художника не исказила исторической правды. В жизни не было ни Гринёва, ни Маши Мироновой, ни Швабрина. Но люди, подобные им, были. Никогда не существовала Белогорская крепость. Но были крепости, похожие на неё. С помощью художественного вымысла Пушкин глубоко правдиво воспроизвёл самый дух эпохи, смело проник в характеры, переживания, думы людей XVIII века. О силе творческого воображения поэта говорит следующий факт.

Во время работы над материалами крестьянской войны Пушкин тщетно добивался получить протоколы допросов Пугачёва. Много в поведении и характере героя ему пришлось домысливать. Поэт вложил в уста Пугачёва калмыцкую сказку с её знаменитыми словами: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!»

Много десятилетий спустя после смерти Пушкина были опубликованы протоколы допросов Пугачёва. И неожиданно там оказались слова Пугачёва, близкие по духу к калмыцкой сказке. Протоколист записывал:

«Что ж до намерения его (Пугачёва) идти на Москву и далее, то других видов не имел, как то: если пройдёт в Петербург — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царём быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть на сражении: “Ведь всё равно я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту...”».

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА

Пушкин <...> написал «Капитанскую дочку», решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде. <...>

В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей — всё не только самая правда, но ещё как бы лучше её.

Н. В. Гоголь

«Капитанская дочка» — нечто вроде «Онегина» в прозе. Поэт изображает в ней нравы русского общества в царствование Екатерины. Многие картины по верности, истине содержания и мастерству изложения — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернёра-француза и, в особенности, его дядьки из псарей, Савельича ... Зурина, Миронова и его жены, их кума Ивана Игнатьевича, наконец, самого Пугачёва с его «господами емералами», таковы многие сцены, которых, за их множеством, не находим нужным пересчитывать.

В. Г. Белинский

Пушкин — автор изумительных по силе и страстной нежности чувства лирических стихов, создатель таких эпических и мудрых поэм, каковы «Медный всадник», «Полтава», чудесных по изяществу сказок «Руслан и Людмила», «Русалка»; он изумительно, с блестящим юмором изложил гибким, звонким стихом мудрые сказки русского народа — «Золотой петушок», «О рыбаке и рыбке», «О попе и о работнике его Балде»; он создал лучшую в русской литературе и до сего дня не превзойдённую историческую драму «Борис Годунов»... Как прозаик, он написал исторический роман «Капитанская дочка», где, с проникательностью историка, дал живой образ казака Емельяна Пугачёва, организатора одного из наиболее грандиозных восстаний русских крестьян.

М. Горький

ДРУГИЕ СТРАНИЦЫ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА

Творчество Пушкина-прозаика представлено не только знакомыми вам «Дубровским» и «Капитанской дочкой», но и циклом интересных и занимательных «Повестей Белкина»¹. Среди них — повесть «Метель», кстати сказать, уже в наши дни экранизированная (музыка к фильму написал известный композитор Г. В. Свиридов).

¹ Повести «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка» написаны от имени вымышленного автора Ивана Петровича Белкина.

Пушкина привлекали переломные события русской истории: Пугачёвское восстание, Полтавская битва, государственная деятельность Петра I, Отечественная война 1812 года.

Читая «Метель», обратите внимание на страничку, содержащую сжатую, ёмкую, лиричную характеристику торжества русских людей по случаю победы над Наполеоном: «Между тем война со славой была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу...». (И так далее.) Это краткое, лирическое отступление автора стоит многих многостраничных рассказов.

В повести Пушкин не рисует военных действий, сражений с Наполеоном. Перед нами — жизнь простых, обыкновенных людей «в эпоху нам достопамятную», жизнь сначала как будто бы ровная, без видимых потрясений. Но эта видимая обыденность таит в себе и трагедии, и страсти, и ошибки героев, и их сложные взаимоотношения. Двое молодых людей — Владимир и Бурмин — становятся участниками военных походов. В жизненных испытаниях проявляется благородство героев, их верность нравственным принципам, душевная красота.

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокий.
.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над саями;
Вещий сон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненародове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поест, попить, поиграть по пяти копеек в бостон¹ с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную

¹ Бостон — карточная игра.

и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестой, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и следственно была влюблена¹. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! Придите в наши объятия.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженней-

шею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала: но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими. Подали ужинать; сердце её сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса

¹ В начале XIX века дворянские девушки увлекались чтением чувствительных любовных романов.

Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела тёплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в улань. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненададово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла за мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снега; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только

не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а поля не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир повернул туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом. Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак дерев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избышки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Как у нас лошади», — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассветёт», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи, и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафровке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник,

отставной корнет, усастьный землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терёшка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходявшая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывають удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имени. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна начала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память

его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы¹.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri-Quatre*², тирольские вальсы и арии из *Жоконды*³. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали⁴.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в пет-

¹ *Артемиза* (Артемиды, Артемис) — целомудренная богиня-дева в греческой мифологии.

² Да здравствует Генрих IV.

³ «Жоконд, или Искатель приключений» — комическая опера Н. Изора.

⁴ Строка из комедии Грибоедова «Горе от ума».

лице и с интересной бледностью¹, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы:

*Se amor non è, che dunque?..*²

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, без всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался права тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? Что удерживало его? Робость, неразлучная с истинною любовью, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приготавливала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость, и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже

¹ Идеалом увлекающихся чувствительными романами барышень в начале XIX века был молодой человек с нежным, любящим сердцем, много испытывавший страдалец, о чём говорила его «интересная бледность».

² Если это не любовь, то что же?..

близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминания об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашей женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

¹ Сен-Прё — герой романа в письмах французского писателя и философа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя вёрстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — кричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался! — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не утомили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка, — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показала мне недурна... Непонятная, непростительная ветренность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! Не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и кричал: «Пошёл!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой

день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

1830

Обдумаем прочитанное

1. Почему родители Марьи Гавриловны противились её браку с Владимиром? Можно ли назвать судьбу Владимира трагичной?

2. Понаблюдайте над построением повести. Начав рассказывать о побеге Марьи Гавриловны из родительского дома, автор внезапно обрывает повествование и переносит нас к эпизодам блужданий Владимира в заснеженном поле. Затем мы вновь оказываемся в Ненадрове. Запутанные отношения героев проясняются только в конце, в рассказе Бурмина. Чего достигает Пушкин таким построением произведения?

3. В чём причина «полусумасшедшего письма» Владимира, в котором тот просит забыть о себе и заявляет, что для него «смерть остаётся единою надеждою»? Когда и как мы узнаём об этой причине?

4. Почему Марья Гавриловна и Бурмин сохраняли в тайне друг от друга свои чувства? Как их это характеризует?

5. Рассказывая о любви Марьи Гавриловны и Владимира, об их решении обвенчаться тайно от родителей, о бегстве Марьи Гавриловны, Пушкин слегка иронизирует над героями: они любят искренне и горячо, но немного по-книжному. Найдите места, где чувствуется лёгкая, добродушная усмешка рассказчика.

6. Приведите примеры краткости и выразительности зарисовок природы в повести. Сравните их с аналогичными зарисовками в «Капитанской дочке». Какой вывод можно сделать о своеобразии Пушкина-прозаика?

Марина Ивановна

ЦВЕТАЕВА

(1892—1941)

М. И. Цветаева — известная русская поэтесса, дочь учёного-искусствоведа, основателя Музея изящных (ныне изобразительных) искусств в Москве. Писать стихи начала в детстве. 17 лет прожила за границей в эмиграции. Вернулась на родину в 1939 году. Автор многочисленных стихотворений, поэм, драматических произведений.

В 1941 году, во время Великой Отечественной войны, в тяжёлых условиях эвакуации, покончила жизнь самоубийством.

Помещаемое ниже стихотворение Цветаевой формально к повести Пушкина «Метель» отношения не имеет. Но оно хорошо передаёт дух эпохи и характеры людей этого героического времени.

ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великопный миг,
Я видела, Тучков-четвёртый¹,
Ваш нежный лик.

И вашу крупную фигуру,
И золотые ордена...

¹ Тучков-четвёртый А. А. (1778—1812) — генерал, погиб в Бородинском сражении.

И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши б́чки
Засыпал снег.

Три сотни побеждали — трое!
Лишь мёртвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна¹
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острёе —
И весело переходили
В небытиё.

1913

Михаил
Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ
(1814–1841)

Почти в одно время с Пушкиным темой Пугачёвского восстания заинтересовался младший современник поэта М. Ю. Лермонтов. Восемнадцатилетним юношей он начал работу над романом, в котором предполагал изобразить крестьянское волнение и одинокого мстителя за страдания народа. И хотя роман остался незаконченным (его впоследствии назвали по имени главного героя «Вадим»), всем своим творчеством Лермонтов по праву вошёл в литературу как преемник Пушкина, как защитник прав и свободы человеческой личности, как поэт высокой любви и благородства, певец родины и её природы.

ПЕВЕЦ РОДИНЫ И СВОБОДЫ

Чем усерднее вчитываемся мы в дошедшие до нас строки воспоминаний, тем более убеждаемся, что Лермонтов действительно был разным и непохожим — среди беспощадного к нему света и в кругу душевных друзей, на людях и в одиночестве, в сражении и в петербургской гостиной, в момент поэтического вдохновения и на гусарской пирушке. Это можно сказать про каждого, но у Лермонтова грани характера были очерчены особенно резко, и мало кто возбуждал о себе столько разноречивых толков...

Впрочем, есть книги, которые содержат самый достоверный лермонтовский портрет, самую глубокую и самую верную лермонтовскую характеристику. Это — его сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть... Как всякий настоящий, а тем более великий поэт,

¹ *Форту́на* — в римской мифологии богиня случая, удачи.

Лермонтов исповедался в своей поэзии, и, перелистывая томики его сочинений, мы можем прочесть историю его души и понять его как поэта и человека.

...Историю протекших веков и всё лучшее, накопленное русской и европейской культурой, — поэзию, прозу, драматическую литературу, музыку, живопись, труды исторические и философские, — Лермонтов усваивал начиная с первого дня пребывания в Пансионе при Московском университете, а затем в годы студенчества.

Приятелям запомнилась его любимая поза: облокотившись на одну руку, Лермонтов читает принесённую из дома книгу, и ничто не может ему помешать — ни разговоры, ни шум.

Нико владеет французским, немецким, читает по-латыни, впоследствии, на Кавказе, примется изучать «татарский», то есть азербайджанский, язык, в Грузии будет записывать слова грузинские и одной из своих поэм даст грузинское название — «Мцыри». Он помнит тысячи строк из произведений поэтов и великих и малых, иностранных и русских, но из обширного круга его чтения нужно выделить двух авторов: Байрона и — особенно — Пушкина. Ещё ребёнком Лермонтов постигал законы поэзии, переписывая в свой альбом их стихи. Перед Пушкиным он благоговел всю жизнь. И больше всего любил «Евгения Онегина»...

И всё, что им создано за тринадцать лет творчества, — это подвиг во имя свободы и родины. И заключается он не только в прославлении бородинской победы, в строках «Люблю отчизну я...» или в стихотворном рассказе «Мцыри», но и в тех сочинениях, где не говорится прямо ни о родине, ни о свободе, но — о судьбе поколения, о назначении поэта, об одиноком узнике, о бессмысленном кровопролитии, об изгнании, о путоте жизни...

Десять лет писал он стихи, поэмы, драмы, прозу, прежде чем решился стать литератором. Ещё три года понадобилось, чтобы из лучшего, что он создал, составить небольшой сборник. Взыскательность, строгость его по отношению к себе удивительны. Только две поэмы и два с половиной десятка стихотворений отобрал он из сотен стихов и трёх десятков поэм. Зато никто ещё не выступал в первый раз с таким сборником.

Всё совместилося в этой маленькой книжечке — старинный сказ «Песни про царя Ивана Васильевича...» и простая речь бородинского ветерана; тихая молитва о безмятежном счастье любимой женщины, которая принадлежит другому, и горечь разлуки с родиной; холодное отчаяние, продикто-

вавшее строки «И скучно, и грустно...», и нежный разговор с ребёнком; беспощадная ирония в обращении к Богу и ласка матери, напевающей песню над младенческой колыбелью; трагическая мысль «Думы» и страстный разговор Терека с Каспием; горестная память о погибшем изгнаннике и гневная угроза великосветской черни; сокрушительная страсть Мцыри — призыв к борьбе, к избавлению от рабской неволи, и сладостная песня влюблённой рыбки; пустыни Востока, скалы Кавказа, желтеющие нивы России, призрачный корабль, несущий по волнам океана французского императора, слёзы заточённого и страстный спор о направлении поэзии — всё было в этом первом и последнем сборнике, который вышел при жизни поэта. Вот такой и был Лермонтов, только натура его и личность его были ещё богаче...

Великая человечность Лермонтова, пластичность¹ его образов <...>, соединение простоты и возвышенности, естественности и оригинальности — свойства не только созданий Лермонтова, но и его самого. И через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека — грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделённого могучими страстями и волей и пронизательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого.

И. Андроников² Образ Лермонтова

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

Характеризуя творчество поэта, И. Андроников некоторые произведения называет («Песня про царя Ивана Васильевича...», «И скучно, и грустно...», «Дума»), а о других говорит описательно, имея в виду стихотворения «Молитва» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...»), «Тучи», «Ребёнку» («О грёзах юности томим воспоминаньем...»), «Благодарность», «Казачья колыбельная песня», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «Смерть Поэта», «Три пальмы», «Кавказ», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Воздушный корабль», «Сосед», «Пленный рыцарь», «Журналист, читатель и писатель».

С какими из этих произведений вы знакомы? Перечитайте их. Прочтите также другие стихотворения, упоминаемые литературоведом или привлёкшие ваше внимание при перелистывании томика произведений Лермонтова.

¹ Пластичность — красота, гармония, изящество.

² Андроников Ираклий (1908—1990) — литературовед, писатель, автор трудов о Лермонтове.

Жизнь Лермонтова была тесно связана с Кавказом. Там он побывал в раннем детстве, там написал многие свои произведения, там погиб на дуэли. Кавказ стал для него символом мощных жизненных сил, красоты первозданной природы.

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз;
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял,
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомян тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

До нас дошли две записи Лермонтова, сделанные в 1830 году: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал. <...> Её певала мне покойная мать». И: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были <...> на водах кавказских».

❧ Вопрос ❧

~ Что роднит это стихотворение с песней? Каким поэтическим размером оно написано?

А вот другое произведение Лермонтова, выражающее его глубокую и неизменную любовь к Кавказу. Оно написано так называемой ритмической прозой: немерная, свободно движущаяся речь переходит в организованную по законам стихотворных размеров (в данном случае — дактиля).

Последний абзац в рукописи произведения зачёркнут.

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далёкие льдины утёсов: они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подоился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел неожиданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.

[Воздух там чист, как молитва ребёнка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно: война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землёй иль сухим тростником покровенной, таятся их жёны и девы, и чистят оружие, и пьют серебром — в тишине увядая душою — желяющей, южной, с цепями судьбы незнакомой.]

1832

Среди многообразных тем поэзии Лермонтова видное место занимает тема узничества, тюрьмы, темницы. Сам поэт, находившийся в конфликте с действительностью, нередко ощущал себя заключённым. В 1837 году, находясь под арестом за стихотворение «Смерть Поэта», в котором он обвинял дворянское общество в гибели Пушкина, Лермонтов написал стихотворение «Сосед» — о родстве душ двух людей, не знающих друг друга, но объединённых общей судьбой.

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружьё,
Наш часовой, про старое житьё
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чём они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слёзы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживают вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слёзы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

1837

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О СТИХОТВОРЕНИИ «СОСЕД»

Прочтите «Соседа» Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были в подобном обстоятельстве, но вам покажется, что вы когда-то были в заключении, любили незримого соседа, отдалённого от вас стеною, прислушивались и к мерному звуку шагов его, и к унылой песне его, и говорили к нему про себя... Эта тихая грусть души сильной и крепкой, эти унылые, мелодические звуки, льющиеся друг за другом, как слеза за слезою; эти слёзы, льющиеся одна за другою, как звук за звуком, — сколько в них таинственного, невыговариваемого, но так ясно понятного сердцу! Здесь поэзия становится музыкой...

«Стихотворения М. Лермонтова»

Еще одно, более позднее стихотворение Лермонтова на тему узничества, но написанное в форме своеобразного иносказания, — «Пленный рыцарь». Стихотворение трагично по своему содержанию: пленный рыцарь торопит время, приближающее смерть. Жизнь беспросветна, невыносима, и узник готов добровольно отдаться в руки смерти («...сдёрну с лица я забрало»).

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.
Нет на устах моих грешной молитвы.
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжёлый да панцирь железный.
В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.
Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решётка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.
Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронёю мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдёрну с лица я забрало.

1840

❧ Вопрос ❧

❧ Раскройте смысл метафор в трёх последних строфах стихотворения.

Наконец, познакомимся ещё с одним стихотворением Лермонтова — общепризнанным его шедевром.

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить!

Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались... Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

«Завещание» — один из наиболее совершенных образцов поздней лирики Лермонтова. Построено стихотворение как предсмертный монолог героя, обращённый, по-видимому, к его боевому товарищу. В личности героя отчётливо различимы признаки народного характера. Герой «Завещания» верен своему патристическому долгу; его любовь к родине сказывается и в приверженности к родному краю, которому раненый посылает свой предсмертный привет. Однако основной тон стихотворения составляют <...> горечь, неудовлетворённость. Эта горькая нота звучит в стихотворении с нарастающей силой; возникающий

в конце образ женщины с «пустым сердцем» как бы концентрирует в себе всё то жестокое и несправедливое, что испытал в жизни умирающий армеец. <...> Простотой и обыденностью своих слов, за которыми стоит привычный уклад жизни <...>, умирающий как бы подавляет свои страдания, закликает свою боль. Вместе с тем трагическое волнение, глубокая печаль, затаившиеся в речи героя, в его негромком и будто бы спокойном голосе, прорываются на поверхность в перебоях речи, многочисленных паузах в середине и в конце стиха: «Поедешь скоро ты домой: / Смотри ж... Да что? моей судьбой, / Сказать по правде, очень / Никто не озабочен».

Лермонтовская энциклопедия

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О СТИХОТВОРЕНИИ «ЗАВЕЩАНИЕ»

...Это похоронная песнь жизни и всем её обольщениям, тем более ужасная, что её голос не глухой и не громкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — всё равно; сделать лучше не в нашей воле, и потому пусть идёт себе как оно хочет... Отца и мать жаль огорчить... Возле них есть соседка — она не спросит о нём, но нечего жалеть пустого сердца — пусть поплачет: ведь это ей нипочём! Страшно! Но поэзия есть сама действительность, и потому она должна быть неумолима и беспощадна, где дело идёт о том, что есть или что бывает... Кто не печалился и не плакал, тот и не возрадуется, кто не болел, тот и не выздоровеет, кто не умирал заживо, тот и не воскреснет...

«Стихотворения М. Лермонтова»

❧ Вопрос ❧

~ Покажите близость стихотворения к живой разговорной речи (лексика, интонация, построение предложений). Выразительно прочитайте его, соблюдая переносы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ЛИРИКЕ

Мы определили художественный образ как картину жизни, созданную писателем и проникнутую его мыслями, чувствами, переживаниями (см. с. 9—11 второй части). Мы говорили об

образе-характере как основе художественного произведения (с. 148). Эти определения безусловно приложимы к эпическим и драматическим произведениям. Но сохраняют ли они силу по отношению к лирике, к тому литературному роду, в котором главное — не картины окружающего мира, а раскрытие души поэта, его отклики на события и явления жизни? Да, сохраняют. Но требуют уточнения.

Во-первых, во многих лирических произведениях основу содержания составляют зарисовки природы (так называемая пейзажная лирика), причём, в отличие от эпических произведений, где пейзажи обычно самостоятельного значения не имеют, а являются лишь частью, элементом произведения, зарисовкам природы может быть отдано всё лирическое стихотворение («Весенняя гроза», «Есть в осени первоначальной...» Тютчева). Правда, в лирике, как правило, нет развёрнутых описаний природы, занимающих иногда от одной до нескольких страниц, как это мы видим в повестях Л. Толстого «Детство» и «Отрочество» или в некоторых рассказах Пришвина и Паустовского. Поэт сосредоточивается лишь на характерных деталях пейзажа, а главное, стремится передать читателю своё настроение, своё видение природы — пейзажная лирика отличается повышенной эмоциональностью, достигаемой и подбором красочных слов и выражений, и музыкой стиха.

Во-вторых, немало стихотворений по-своему рисуют характеры героев, опять-таки лаконично, сжато, эмоционально, нередко давая им прямую оценку («Крестьянские дети», «Школьник» Некрасова). Особенно в этом отношении интересны стихотворения, написанные от лица героев («Узник» Пушкина, «Бородино» Лермонтова, «Косарь» Кольцова).

Наконец, есть стихотворения, где поэт, не рисуя картин внешнего мира, делится с читателем мыслями и переживаниями, вызванными раздумьями о себе, о смысле жизни, о судьбах родного народа и человечества («Звуки» Шевырёва — стихотворение, помещённое в учебнике для 7-го класса). Но и в них возникают художественные образы — прежде всего поэта, а иногда, в неразрывном единстве с ним, — обобщённые образы более широкого плана, например Родины в стихотворении Никитина «Русь».

❧ Вопрос ❧

~ Перечитайте помещённые в хрестоматию стихотворения Лермонтова. Как вы докажете, что знакомое вам определение художественного образа сохраняет своё значение и для этих стихотворений?

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.
1-я книга Царств²

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц³ благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

¹ Мцыри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.) Послушник — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

² «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю» — я попробовал немного мёду, и вот я умираю. Слова из Библии. Смысл эпитафия: немного радостей пришлось испытать герою, и вот он должен умереть.

³ Кадильница — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов¹ далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет²,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ

¹ *Труды* — здесь: трудности, мучения.

² *Обёт* — обещание религиозного характера. Изречь монашеский обет — принять монашество, стать монахом.

И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,

Грозой оторванный листок,
 Я вырос в сумрачных стенах
 Душой — дитя, судьбой — монах.
 Я никому не мог сказать
 Священных слов «отец» и мать».
 Конечно, ты хотел, старик,
 Чтоб я в обители отвык
 От этих сладостных имён, —
 Напрасно: звук их был рождён
 Со мной. Я видел у других
 Отчизну, дом, друзей, родных,
 А у себя не находил
 Не только милых душ — могил!
 Тогда, пустых не тратя слёз,
 В душе я клятву произнёс:
 Хотя на миг когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать с тоской к груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья те
 Погибли в полной красоте,
 И я, как жил, в земле чужой
 Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной вечной тишине;
 Но с жизнью жаль расстаться мне.
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,
 Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скважине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой
 Сидит, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свет
 Тебе постыл: ты слаб, ты сед,

И от желаний ты отвык.
 Что за нужда? Ты жил, старик!
 Тебе есть в мире что забыть,
 Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
 На воле? — Пышные поля,
 Холмы, покрытые венцом
 Дерев, разросшихся кругом,
 Шумящих свежее толпой,
 Как братья в пляске круговой.
 Я видел груды тёмных скал,
 Когда поток их разделял,
 И думы их я угадал:
 Мне было свыше то дано!
 Простёрты в воздухе давно
 Объяты каменные их,
 И жаждут встречи каждый миг;
 Но дни бегут, бегут года —
 Им не сойтись никогда!
 Я видел горные хребты,
 Причудливые, как мечты,
 Когда в час утренней зари
 Курились, как алтари¹,
 Их выси в небе голубом,
 И облачко за облачком,
 Покинув тайный свой ночлег,
 К востоку направляло бег —
 Как будто белый караван
 Залётных птиц из дальних стран!
 Вдали я видел сквозь туман,
 В снегах, горящих, как алмаз,
 Седой, незблемый Кавказ;
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Мне тайный голос говорил,
 Что некогда и я там жил,
 И стало в памяти моей
 Прошедшее ясней, ясней...

¹ Алтарь — восточная часть церкви, отделённая иконостасом (стеной с иконами) от общего помещения. Здесь: жертвенник.

И вспомнил я отцовский дом,
 Ущелье наше, и кругом
 В тени рассыпанный аул;
 Мне слышался вечерний гул
 Домой бегущих табунов
 И дальний лай знакомых псов.
 Я помнил смуглых стариков,
 При свете лунных вечеров
 Против отцовского крыльца
 Сидевших с важностью лица;
 И блеск оправленных ножен
 Кинжалов длинных... и как сон
 Всё это смутной чередой
 Вдруг пробежало предо мной.
 А мой отец? Он как живой
 В своей одежде боевой
 Являлся мне, и помнил я
 Кольчуги звон, и блеск ружья,
 И гордый непреклонный взор,
 И молодых моих сестёр...
 Лучи их сладостных очей
 И звук их песен и речей
 Над колыбелию моей...
 В ущелье там бежал поток,
 Он шумен был, но неглубок;
 К нему, на золотой песок,
 Играть я в полдень уходил
 И взором ласточек следил,
 Когда они перед дождём
 Волны касались крылом,
 И вспомнил я наш мирный дом
 И пред вечерним очагом
 Рассказы долгие о том,
 Как жили люди прежних дней,
 Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
 На воле? Жил — и жизнь моя
 Без этих трёх блаженных дней
 Была б печальней и мрачней
 Бессильной старости твоей.

Давным-давно задумал я
 Взглянуть на дальние поля,
 Узнать, прекрасна ли земля,
 Узнать, для воли или тюрьмы
 На этот свет родимся мы.
 И в час ночной, ужасный час,
 Когда гроза пугала вас,
 Когда, столпясь при алтаре,
 Вы ниц¹ лежали на земле,
 Я убежал. О, я как брат
 Обняться с бурей был бы рад!
 Глазами тучи я следил,
 Рукою молнию ловил...
 Скажи мне, что средь этих стен
 Могли бы дать вы мне взамен
 Той дружбы краткой, но живой,
 Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
 Не знаю! Ни одна звезда
 Не озаряла трудный путь.
 Мне было весело вдохнуть
 В мою измученную грудь
 Ночную свежесть тех лесов,
 И только! Много я часов
 Бежал и наконец, устав,
 Прилёг между высоких трав;
 Прислушался: погони нет.
 Гроза утихла. Бледный свет
 Тянулся длинной полосой
 Меж тёмным небом и землёй,
 И различал я, как узор,
 На ней зубцы далёких гор;
 Недвижим, молча я лежал.
 Порой в ущелии шакал
 Кричал и плакал, как дитя,
 И, гладкой чешуёй блестя,
 Змея скользила меж камней;
 Но страх не сжал души моей:
 Я сам, как зверь, был чужд людей
 И полз и прятался, как змей.

¹ Ниц — ничком.

Внизу глубоко подо мной
 Поток, усиленный грозой,
 Шумел, и шум его глухой
 Сердитых сотне голосов
 Подобился. Хотя без слов,
 Мне внятен был тот разговор,
 Немолчный ропот, вечный спор
 С упрямой грудю камней.
 То вдруг стихал он, то сильней
 Он раздавался в тишине;
 И вот, в туманной вышине
 Запели птички, и восток
 Озолотился; ветерок
 Сырые шевельнул листы;
 Дохнули сонные цветы,
 И, как они, навстречу дню,
 Я поднял голову мою...
 Я осмотрелся; не таю:
 Мне стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежал,
 Где выл, крутясь, сердитый вал;
 Туда вели ступени скал;
 Но лишь злой дух по ним шагал,
 Когда, низверженный с небес,
 В подземной пропасти исчез¹.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
 Растений радужный наряд
 Хранил следы небесных слёз,
 И кудри виноградных лоз
 Вились, красуясь меж дерёв
 Прозрачной зеленью листов;
 И грозды полные на них,
 Серёг подобье дорогих,
 Висели пышно, и порой
 К ним птиц летал пугливый рой.
 И снова я к земле припал
 И снова вслушиваться стал

¹ Имеется в виду легенда об ангеле, согрешившем перед Богом и за это низвергнутом с небес.

К волшебным, странным голосам;
 Они шептались по кустам,
 Как будто речь свою вели
 О тайнах неба и земли;
 И все природы голоса
 Сливались тут; не раздался
 В торжественный хваленый час
 Лишь человека гордый глас.
 Всё, что я чувствовал тогда,
 Те думы — им уж нет следа;
 Но я б желал их рассказать,
 Чтоб жить, хоть мысленно опять.
 В то утро был небесный свод
 Так чист, что ангела полёт
 Прилежный взор следить бы мог;
 Он так прозрачно был глубок,
 Так полон ровной синевой!
 Я в нём глазами и душой
 Тонул, когда полдневный зной
 Мои мечты не разогнал,
 И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
 Держась за гибкие кусты,
 С плиты на плиту я, как мог,
 Спускаться начал. Из-под ног
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился вниз — за ним бразда
 Дымилась, прах¹ вился столбом;
 Гудя и прыгая, потом
 Он поглощаем был волной;
 И я висел над глубиной,
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я с крутых высот
 Спустился, свежесть горных вод
 Повееяла навстречу мне,
 И жадно я припал к волне.
 Вдруг — голос — лёгкий шум
 шагов...

¹ Прах (устар.) — здесь: пыль.

Мгновенно скрывшись меж
кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры¹
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её, и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пыльные мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,

¹ Чадра — лёгкое покрывало женщин-мусульманок, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускающееся по плечам вниз.

Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объятая жадные раскрыв.
Мир тёмнен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог

Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник¹, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горячею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной

¹ Терновник — низкий колючий кустарник.

Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Ко мне он кинулся на грудь;
 Но в горло я успел воткнуть
 И там два раза повернуть
 Моё оружие... Он завыл,
 Рванулся из последних сил,
 И мы сплеться, как пара змей,
 Обнявшись крепче двух друзей,
 Упали разом, и во мгле
 Бой продолжался на земле.
 И я был страшен в этот миг;
 Как барс пустынный, зол и дик,
 Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рождён
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я — и в груди моей
 Родился тот ужасный крик,
 Как будто с детства мой язык
 К иному звуку не привык...
 Но враг мой стал изнемогать,
 Метаться, медленней дышать,
 Сдавил меня в последний раз...
 Зрачки его недвижных глаз
 Блеснули грозно — и потом
 Закрылись тихо вечным сном;
 Но с торжествующим врагом
 Он встретил смерть лицом к лицу,
 Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
 Следы глубокие когтей;
 Ещё они не заросли
 И не закрылись; но земли
 Сырой покров их освежит
 И смерть навеки заживит.
 О них тогда я позабыл,
 И, вновь собрав остаток сил,
 Побрёл я в глубине лесной...
 Но тщетно спорил я с судьбой:
 Она смеялась надо мной!

Я вышел из лесу. И вот
 Проснулся день, и хоровод
 Светил напутственных исчез
 В его лучах. Туманный лес
 Заговорил. Вдали аул
 Куриться начал. Смутный гул
 В долине с ветром пробежал...
 Я сел и вслушиваться стал;
 Но смолк он вместе с ветерком.
 И кинул взоры я кругом:
 Тот край, казалось, мне знаком.
 И страшно было мне, понять
 Не мог я долго, что опять
 Вернулся я к тюрьме моей;
 Что бесполезно столько дней
 Я тайный замысел ласкал,
 Терпел, томился и страдал,
 И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
 Едва взглянув на Божий свет,
 При звучном ропоте дубрав
 Блаженство вольности познав,
 Унесть в могилу за собой
 Тоску по родине святой,
 Надежд обманутых укор
 И вашей жалости позор!..
 Ещё в сомненье погружён,
 Я думал — это страшный сон...
 Вдруг дальний колокола звон
 Раздался снова в тишине —
 И тут всё ясно стало мне...
 О! я узнал его тотчас!
 Он с детских глаз уже не раз
 Сгонял виденья снов живых
 Про милых ближних и родных,
 Про волю дикую степей,
 Про лёгких, бешеных коней,
 Про битвы чудные меж скал,
 Где всех один я побеждал!..
 И слушал я без слёз, без сил.
 Казалось, звон тот выходил
 Из сердца — будто кто-нибудь
 Железом ударял мне в грудь.

И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую голову:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом

Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежась на нём,
Тройным свивалась кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.

Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Крутом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...

А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилясь
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твою мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

*

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя

Сливали тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к Тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай
в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,

Ты перенести меня вели
 В наш сад, в то место, где цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа,
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно-золотист
 Играющий на солнце лист!
 Там положить вели меня.
 Сияньем голубого дня
 Упьюся я в последний раз.
 Оттуда виден и Кавказ!
 Быть может, он с своих высот
 Привет прощальный мне
 пришлёт,
 Пришлёт с прохладным
 ветерком...
 И близ меня перед концом
 Родной опять раздастся звук!
 И стану думать я, что друг
 Иль брат, склонившись надо
 мною,
 Отёр внимательной рукой
 С лица кончины хладный пот
 И что вполголоса поёт
 Он мне про милую страну...
 И с этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!..»

1839

Обдумаем прочитанное

1. Перед вами прошла история короткой и трагической жизни юноши-горца. Какие эпизоды поэмы следовало бы, по-вашему, иллюстрировать?

2. Просмотрите ещё раз текст поэмы и определите, как она построена. Что даёт для понимания характера Мцыри глава 2? Почему, по-вашему, повествование в последующих главах передано герою?

3. Слово *исповедь* имеет следующие значения: покаяние в грехах перед священником; откровенное признание в чём-нибудь; сообщение своих мыслей, взглядов. В каком значении, по-вашему, употреблено это слово в поэме?

4. На основании текста поэмы покажите, что Мцыри спорит с монахом. Какие взгляды монаха Мцыри решительно отвергает?

5. В главе 8 Мцыри говорит:

Ты хочешь знать, что делал я
 На воле? Жил...

Что значило жить для Мцыри? Почему он называет монастырь тюрьмой? Почему истории всей его жизни посвящена лишь одна глава, а трём дням, проведённым на воле, — почти вся поэма?

6. Что поразило Мцыри за стенами монастыря и вызвало подъём его душевных сил? Какие эпизоды трёхдневных скитаний Мцыри вы считаете особенно важными? Почему?

7. Как связаны картины кавказской природы с чувствами и переживаниями Мцыри (сравните, например, пейзажи в главах 11 и 22, обратив внимание на роль и характер эпитетов, сравнений, олицетворений)?

8. Почему погиб Мцыри? Какие изменения в отношении к себе и миру произошли у героя в предсмертные часы? Раскался ли он в своих стремлениях и поступках? Почему, несмотря на гибель героя, мы не воспринимаем поэму как произведение мрачное, исполненное отчаяния и безнадёжности?

9. Подготовьте для выразительного чтения в классе отрывок из поэмы. Выучите его наизусть.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О ПОЭМЕ «МЦЫРИ»

О, я как брат
 Обняться с бурей был бы рад!
 Глазами тучи я следил,
 Рукою молнию ловил...
 Скажи мне, что средь этих стен
 Могли бы дать вы мне взамен
 Той дружбы краткой, но живой,
 Меж бурным сердцем и грозой?..

Уже из этих слов вы видите, что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал¹ нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всём, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью...

Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Этот четырёхстопный ямб с одними мужескими окончаниями <...> звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость,

¹ *Идеал* — высшая цель стремлений, самый совершенный образец; здесь: герой, воплощающий мечты и стремления поэта.

энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонизируют с сосредоточенным чувством, несокрушимую силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние¹ вечера!.. Многие положения изумляют своею верно-стью: таково место, где Мцыри описывает своё замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнём, когда над усталою головою уже веяли успокоительные сны смерти и носились её фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа.

«Стихотворения М. Лермонтова»

Обдумаем прочитанное

Подумаем над статьёй.

1. Объясните смысл выражений Белинского, характеризующих Мцыри: «сосредоточенное чувство», «несокрушимая сила», «могучая натура». Опираясь на текст, подтвердите их справедливость.

2. Почему Белинский говорил, что Мцыри — это любимый идеал Лермонтова, что «это отражение в поэзии тени его собственной личности»?

3. Каким стихотворным размером написана поэма? На каком месте стоят ударения в рифмующихся словах? Почему Белинский писал о звучном и однообразном падении ямба в поэме Лермонтова?

Для любознательных

«МЦЫРИ» И УСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

На создание центрального эпизода поэмы «Мцыри» — битвы с барсом — Лермонтова вдохновила распространённая в горной Грузии старинная песня о тигре и юноше, одно из самых любимых в Грузии произведений народной поэзии:

Молвил юноша удалый:
«Стадо туров я следил,
По тропам, обвившим скалы,
День и ночь с ружьём ходил.

¹ Обаяние — очарование.

.....
Тигр напал на раздорожье
Чёрной ночью на меня.
Взор, страшнее гнева Божья,
Полон жёлтого огня...»
Тигр и юноша сцепились
Средь полночной темноты.
Камни в пропасть покатались,
Обломались кусты.
Щит свой юноша отбросил.
Щит в бою не помогал.
Был стремителен и грозен
Тигр горячий — житель скал,
Он на юноше кольчугу
Разорвал до самых плеч.
Вспомнил юноша о друге,
В руки взял свой французский меч.
Взял обеими руками,
Тигру челюсть разрубил.
Тигр, вцепясь в утёс когтями,
Кровью крутизну облил...

Не только битва с барсом — каждый день пребывания Мцыри на свободе невольно вызывает в памяти образы богатырей и великанов, воспетых грузинской народной поэзией...

Круг тем и образов поэзии Лермонтова обогащался от соприкосновения с народной поэзией. Он не подражал народным песням, но, вдохновлённый ими, создал такие замечательные произведения, как «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Казачья колыбельная песня», горская легенда «Беглец», «Дары Терека», «Тамара», «Демон», «Мцыри», «Ашик-Кериб».

Проникновение в дух и характер русских народных песен помогло Лермонтову постигнуть красоту и грузинской народной поэзии.

И. Андроников. Лермонтов в Грузии

❧ Задание ❧

❧ Сравните эпизоды поединка юноши с тигром в народной грузинской песне и Мцыри с барсом в поэме Лермонтова (в частности, изображение гибели тигра и барса). Подтвердите правоту слов И. Андроникова о том, что Лермонтов не подражал народным песням, а, вдохновлённый ими, создавал глубоко оригинальные произведения.

И вот, когда я уже занимался во втором классе, научился читать и писать и даже рифмовать и заносить зарифмованное в тайную тетрадку, состоялась моя вторая по счёту встреча с Лермонтовым. На сей раз свела нас и подружила живая, бурная, как горный поток, речь поэта — его «Мцыри». Не знаю, в какой мере я был бы пленён этой поэмой, если бы родился на Кавказе и меня в это время окружала бы родная природа, но здесь, в тени школьных акаций, далеко от экзотических¹ для меня мест, я был охвачен каким-то непонятно-волшебным волнением, я весь пылал, как в жару, — музыка и пламенный огонь стиха горячили мою кровь... Когда я дочитывал поэму, из глаз потоком лились слёзы, и я не в силах был сдержать их. Судьба ли бездомного юноши, силой заключённого в монастырь, красота ли мира и поэзии, открывшиеся мне вдруг, могучая природа горной страны, которую я уже горячо и на всю жизнь успел полюбить, или всё это вместе взятое потрясло моё воображение. Буквы мелькали, мельтешили перед глазами, и я никак не мог дочитать до конца памятные строки:

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа...

Был май. И надо мной тоже цвели белые акации, а мне казалось, что я далеко-далеко от родных мест...

А. Кулешов²

Второе столетие проходит через зенит, а Лермонтов становится поэтом всё более современным. И причина этому — глубочайший общественный пафос³ его поэзии, ибо он первый из русских писателей с такой силой поставил, по слову Белинского, «вопрос о судьбе и правах человеческой личности».

И. Андроников

¹ Экзотический — непривычный, дикий, причудливый.

² Кулешов А. А. (1914—1978) — белорусский поэт.

³ Пафос — здесь: мысль, страсть, которая пронизывает творчество писателя.

1. Какие мысли и чувства объединяют напечатанные выше стихотворения Лермонтова и поэму «Мцыри»?

2. В какой мере название раздела о Лермонтове в учебнике отвечает вашим представлениям о поэте? Обоснуйте своё мнение.

ТЕМА И ИДЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

На первых страницах учебника вы прочитали о том, что основу литературы, искусства слова составляют художественные образы, то есть картины жизни, и что среди них главное место занимают образы-характеры.

Добавим, что всякое подлинно художественное произведение — не бессистемное, случайное и бездумное собрание образов: писатель тщательно отбирает, осмысливает и переосмысливает жизненный материал и с помощью воображения, фантазии творит новый, вымышленный мир. Образы художественного произведения объединяются общей, сквозной темой (или рядом тем, развивающих главную тему) и мыслью писателя (идеей).

Те стороны и явления жизни, которые по-своему изображает и оценивает писатель, называются темой произведения. Иными словами, тема — это то, о чём пишет автор. Тема стихотворения Лермонтова «Бородино» — героический подвиг «могучего, лихого племени» русских солдат в Бородинском сражении 1812 года; тема рассказа Тургенева «Муму» — бесправное положение и проснувшаяся гордость крепостного раба; тема одноимённых повестей Л. Толстого и М. Горького «Детство» — история нелёгкого взросления человека и т. д.

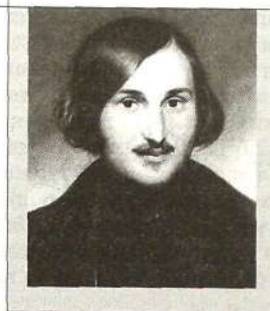
Но важно не только то, что изображает писатель — тема произведения, — ещё более важно то, какие мысли и чувства вкладывает он в изображение, делает достойным читателя. *Общий главный смысл произведения называется идеей произведения.* Художественная идея всегда слита с чувством, несёт на себе печать личности автора, она рождена и выстрадана им. Заинтересованный или поражённый каким-либо явлением жизни либо характером, писатель до того увлекается своей мыслью, этим явлением и характером, что начинает видеть их осуществлёнными в художественных образах. Он вкладывает в изображение частичку своей души. Поэтому мы чувствуем и сознаём, как Пушкин относится к Гринёву или Швабрину, Лермонтов — к Мцыри, Гоголь — к Тарасу Бульбе, Остапу и Андрию.

Не нужно думать, однако, что выявить художественную идею произведения не составляет труда. Сравнительно легко это сделать по отношению к басне, притче, некоторым сказкам, где автор открыто демонстрирует свои мысли, своё отношение к изображаемому. Эпические и драматические произведения требуют более сложной работы: мысль писателя становится ясной из анализа ситуаций, картин жизни, столкновений героев, их переживаний. Если автор таких произведений даже сам говорит об их смысле или намекает на идею с помощью эпиграфа (например, Пушкин в «Капитанской дочке»), он, по существу, только делает вывод, подготовленный всем ходом повествования, движением, сцеплением художественных образов. Такой вывод, конечно, далеко не исчерпывает всего богатства чувств и мыслей, заключённых в произведении.

Глубоко воспринять идею писателя можно, лишь следуя за ним по страницам его книги, переживая вместе с его героями радости, беды, несчастья, успехи, вдумываясь в каждую сцену, в каждый диалог, в каждое описание, оценивая значение художественных деталей.

❧ Вопросы ❧

1. Какова, по-вашему, основная тема поэмы «Мцыри»?
2. Перечитайте эпиграф к поэме. Он взят из библейской легенды об израильском царе Сауле и его сыне Ионафане, юноше «негодном и непокорном», как в пылу гнева называл его отец. Однажды Саул дал клятву: кто из его воинов вкусит хлеба до вечера, пока он не отомстит своим врагам, тот будет проклят и погибнет. Ионафан нарушил клятву. Самовольно напав на врагов и разгромив их, он, смертельно усталый, в лесу обмакнул палку в сот медовый «и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его». Саул, узнав об этом, решил умертвить сына. Ионафан сказал: «Я отведал концом палки, которая в руке моей, немного мёду, и вот я должен умереть». Но народ сказал Саулу: «Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение Израилю? Да не будет этого!.. И освободил народ Ионафана, и не умер он».
3. Как вы думаете, с какой интонацией — смирения или протеста — произнёс свои слова Ионафан, отвечая Саулу?
4. Первоначально эпиграфом к поэме «Мцыри» Лермонтов хотел избрать французское изречение «Родина бывает только одна». Как вы думаете, почему поэт отказался от такого эпиграфа и обратился к Библии?
5. Какая мысль, какое чувство роднят стихотворение Лермонтова «Парус» с поэмой «Мцыри»?

Николай
Васильевич
ГОГОЛЬ
(1809–1852)

Три великих наших писателя — Пушкин, Лермонтов, Гоголь — стоят у истоков новой русской литературы.

Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным. Но он преклонялся перед ним и его творчеством и одним из первых поднял голос возмущения и протеста против придворной знати, доведшей поэта до гибели. За пламенные строки стихотворения «Смерть Поэта» Лермонтов был сослан на Кавказ, где шла война с горцами.

Гоголь был в дружеских отношениях с Пушкиным и дважды встречался с Лермонтовым. Был он (Гоголь) тогда уже автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сборника повестей «Миргород» (куда включил повесть «Тарас Бульба»), комедии «Ревизор». На званом обеде у Гоголя Лермонтов читал отрывок из своей новой поэмы «Мцыри».

Но независимо от того, как складывались личные отношения трёх художников слова, их вклад в русскую и мировую литературу бессмертен.

ВЕЛИКИЙ САТИРИК О СЕБЕ

...В те годы, когда я стал задумываться о моём будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали ещё об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь и всё это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юно-

сти очень сильна... Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, в которых я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьёзном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои... не думали, что мне придётся быть писателем комическим и сатирическим, хотя... на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками... Говорили, что я умею не то что пересказать, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержанием самого склада и образа его мыслей и речей. Но всё это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

Причина той весёлости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности... Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное, что только мог выдумать... Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьёзно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того как я ему прочёл одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое моё сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано... и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет¹, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мёртвых душ»². (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.) На этот раз я и сам уже задумался серьёзно, — тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь?..

Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего. В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем.

¹ Сюжет — здесь: мысль, тема и основные события произведения (более точное определение понятия сюжет см. на с. 306).

² «Мёртвые души» — знаменитое произведение Гоголя.

Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда ещё во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть...

Н. В. Гоголь. Авторская исповедь

❧ Вопросы ❧

1. Какие произведения Гоголя вам знакомы?
2. Каких его литературных героев вы помните? Чем они привлекают ваше внимание?

Н. В. ГОГОЛЬ О ТЕАТРЕ

Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной страны — сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел¹, от которых житья нет добрым и за которыми не в силах следить никакой закон. На сцену их! Пусть видит их весь народ! Пусть посмеётся им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха. Он не отнимает ни жизни, ни имущества у виновного, но он ему силы связывает, и, боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила...

Театр — великая школа, глубоко его назначение: он целой толпе, целой тысяче народа за одним разом читает живой полезный урок и при блеске торжественного освещения, при громе музыки показывает смешные привычки и пороки или высоко-трогательных достоинств и возвышенных чувств человека.

Н. В. Гоголь. Петербургская сцена в 1835/36 г.

Н. В. ГОГОЛЬ ЧИТАЕТ «РЕВИЗОРА»

Дня через два происходило чтение «Ревизора» в одной из зал того дома, где проживал Гоголь. Я выпросил позволение присутствовать на этом чтении... В этот день он смотрел точно больным человеком. Он принялся читать и понемногу оживился. Щёки покрылись лёгкой краской; глаза расширились и просветлели. Читал Гоголь превосходно... Гоголь <...> поразила меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том,

¹ Плевел — сорная трава; здесь: дурные люди.

как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект¹ выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах: не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом; а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей весёлостью и как бы внутренне дивясь ей, всё более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка, на губах и около глаз, чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера. С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнёс знаменитую фразу городничего о двух крысах (в самом начале пьесы): «Пришли, понюхали и ушли прочь!» — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия... Я сидел, погружённый в радостное умиление: это был для меня настоящий пир и праздник.

И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания

ПРОЧИТАЕМ КОМЕДИЮ «РЕВИЗОР» ВМЕСТЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Перед вами — знаменитая комедия Н. В. Гоголя, о первом авторском чтении которой писал И. С. Тургенев.

Напомним, что комедия — один из трёх основных жанров (видов) драмы (комедия, драма в узком смысле, трагедия). Как драматическое произведение, она предназначена для постановки на сцене. Авторская речь в ней почти отсутствует — эта речь сведена к замечаниям для актёров и постановщиков. Текст состоит из монологов и диалогов действующих лиц. В тех случаях, когда нужно сообщить зрителю о тайных мыслях героя, появляется ремарка «в сторону»: предполагается, что другие действующие лица этих слов не слышат. Пьеса делится на акты (действия), акты — на явления (сцены). В театре после каждого акта обычно для зрителей бывает перерыв (антракт). В ходе же самой пьесы в перерыве между актами может пройти определённое время (день, два, а то и больше); может смениться и место действия. Таким образом, весь жизненный процесс — час за часом, день за днём — в драматическом произведении не изображается: он идёт как бы за сценой; автор же выхватывает из потока времени наиболее значительные, с его точки зрения, моменты и на них сосредоточивает внимание зрителей. Сравните: в больших, а то

и в малых эпических произведениях рассказывается о том, что происходило между эпизодами (сценами, картинами, данными крупным планом). Подобный краткий рассказ может быть и в драме, но принадлежит он не автору, а одному из действующих лиц и имеет чисто вспомогательное значение (разъясняет, «скрепляет» эпизоды).

Драматическому произведению предшествует афиша — перечень действующих лиц. Гоголь своей комедии предпослал замечания для актёров — о характерах и костюмах действующих лиц. Познакомьтесь с афишей и этими замечаниями — позднее, разбирая комедию, вы к ним вернётесь.

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий¹.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель² училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артеми́й Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений³.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер⁴.

Пётр Иванович Бобчинский } городские помещики.

Пётр Иванович Добчинский }

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

¹ *Городни́чий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

² *Смотрите́ль* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

³ *Богоугодные заведения́* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить Богу»). *Попечите́ль* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

⁴ *Почтме́йстер* — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

¹ *Эффéкт* — результат, впечатление.

Фёдор Андреевич Люлюков	} отставные чиновники, почтенные лица в городе.
Иван Лазаревич Растаковский	
Степан Иванович Коробкин	
Степан Ильич Уховёртов, частный пристав ¹ .	
Свистунов	} полицейские.
Пуговицын	
Держиморда	
Абдулин, купец.	
Февронья Петровна Пошлѣпкина, слесарша.	
Жена унтер-офицера.	
Мишка, слуга городничего.	
Слуга трактирный.	
Гости и гости, купцы, мещане, просители.	

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актѣров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведѣт себя очень солидно; довольно серьёзен, несколько даже резонѣр²; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жѣстки, как у всякого начавшего тяжѣлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновенію, в своё мундире с петлицами и в ботфортах³ со шпорами. Волоса на нём стриженные с проседей.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девицѣй⁴. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берѣт иногда власть над мужем потому только, что он не находит, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмѣшках. Она четыре раза передевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят,

¹ Частный пристав — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

² Резонѣр — человек, любящий вести пространные рассуждения правоучительного характера.

³ Ботфорты — высокие сапоги с растрѣбами выше колен.

⁴ Девицѣй — комната для девушек-служанок.

без царя в голове¹, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьёзно, смотрит несколько вниз, резонѣр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговор с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина, и потому скорее догадывается, но не любит много говорить, и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и серьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы² их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актѣры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесѣнное слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто

¹ Без царя в голове — для понимания этого выражения сравните его с пословицей «Свой ум — царь в голове».

² Оригинал — здесь: подлинник, прототип.

из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито¹. И ещё с секретным предписанием.

Аммос Фёдорович. Вот-те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... «и уведомить тебя». А! вот! «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем, Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

¹ Инкогнито — тайно.

Городничий

Рисунок М. Добужинского

Рисунок П. Боклевского

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув*). До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то¹, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

¹ Министéria — здесь: правительство.

Городничий. Мотаает или не мотаает, а я вас, господа, предупредил¹. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Не хорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре², тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, он и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук,
отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места³. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводится всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивает в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник⁴. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет реви-

зор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах, можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерьянцы¹ напрасно против этого говорят.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну, нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда:

¹ *Предупредить* — предупредить.

² *Натура* — природа.

³ *Присутственное место* — казённое учреждение; здесь: уездный суд.

⁴ *Арапник* — ременный кнут.

¹ *Волтерьянцы* (правильно: *вольтерьянцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. «Волтерьянцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к властям.

это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях¹, но имеют очень странные поступки, натурально² неразлучные с учёным званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику делает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель³, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне разговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хватил стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по учёной части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

¹ Коллегия — здесь: высшее учебное заведение.

² Натурально (устар.) — естественно.

³ Предводитель — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Городничий. Это бы ещё ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство¹ меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берёт его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства:

¹ Граждáнство (устар.) — население.

смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслажденьем прочтёшь: так описываются разные пассажи¹... а назидательность² какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»³!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпириях⁴: барышень много, музыка играет, штандарт⁵ скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шась⁶...

¹ Пассаж — случай, происшествие.

² Назидательность — поучительность.

³ «Московские ведомости» — газета, издававшаяся Московским университетом.

⁴ В эмпириях — в блаженстве (эмпирей — в древнегреческой мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

⁵ Штандарт (устар.) — военное знамя. Здесь имеется в виду штандарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

⁶ Шась (простореч.) — внезапно войдёт.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Добчинский и Бобчинский,
оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (перебивая). Э, позвольте же, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволили видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (перебивая). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уже услышал об этом от ключницы¹ вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

¹ Ключница — служанка, ведавшая съестными припасами семьи.

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... этого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном¹ платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице эдакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечай на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу, не расскажете! вы пришепётываете: у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует²: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня тут вот свыше и вразумило... «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

¹ *Партикулярный* — штатский, невоенный.

² *Аттестует* — здесь: обнаруживает свой характер.

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотацию¹, — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он. Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная² прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина³.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена⁴! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношение! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову⁵, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»⁶...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал; авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

¹ *Нотация* — письменное извещение.

² *Подорожная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определённым количеством почтовых лошадей.

³ *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем святого. Праздники святых приходились на определённые дни года, и потому употребление имён святых нередко имело календарное значение.

⁴ Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

⁵ *Голова* — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

⁶ *Иоанн Масон* — английский религиозный писатель.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно! для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идём, идём, Аммос Фёдорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Фёдорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп² давать, а у меня по всем коридорам несёт такая капуста, что береги только нос.

Аммос Фёдорович. А я на этот счёт спокоен. В самом деле, кто зайдёт в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон³ не разрешит, что в ней правда, а что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки¹ там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

¹ *Приватно* — частным образом.

² *Габерсуп* — овсяный суп.

³ *Соломон* — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.

⁴ *Дрожки* — лёгкий четырёхколёсный экипаж.

Квартальный. Прохоров в частном доме¹, да только к делу не может быть употреблён.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Пётр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Пётр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щёлочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских², да пусть каждый из них возьмёт... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмёт в руки по улице... чёрт возьми, по улице! — по метле! и вымели бы всю улицу, что идёт к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься³, да крадёшь в ботфорты серебряные ложечки: смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берёшь! Ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

¹ *Частный дом* — помещение полицейской части (участка).

² *Десятский* — служитель при полиции: выбирался из городских жителей (от каждых десяти домов).

³ *Кумаешься* — от глагола *кумиться* — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе¹.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: кварталный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу²: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, ох! грешен, во многом грешен. (*Берёт вместо шляпы футляр.*) Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Пётр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (*бросает её*). Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована³ сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не

начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Пётр Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизона¹ наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А всё ты, а всё за тобой. И пошла копать: «Я булабочку, я косынку...» (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А всё проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны пойдёт. Воображает, что он за ней волочит, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернёшься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Всё равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц ещё лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! Да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побег, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щёлку и узнай всё, и глаза какие: чёрные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее!

¹ Пожарная труба — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная труба», то есть насос.

² Служба — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

³ Ассигновать — выделить (деньги).

¹ Гарнизона — гарнизонные солдаты.

(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)

❖ Вопросы ❖

Побеседуем в антракте

1. Почему каждый из чиновников, собравшихся у городничего, и больше всего сам городничий, боится ревизора?

2. Почему Бобчинский и Добчинский приняли Хлестакова за ревизора? Что окончательно убедило их слушателей в том, что приехавший чиновник действительно ревизор?

3. Что вызывает смех в поведении и речи действующих лиц (на примере городничего, Аммоса Фёдоровича, почтмейстера, Бобчинского и Добчинского)?

4. В «Замечаниях для господ актёров» Гоголь характеризует городничего как «очень неглупого по-своему человека». Можно ли сделать такой вывод на основании первого действия комедии?

5. Как меняется речь городничего, когда он обращается к квартальному и частному приставу? Почему?

6. Подготовьте устное или письменное сообщение «Какие порядки царят в уездном городе?».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны², нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка³ простой! С приезжающими знакомится,

¹ Профинтить (разг.) — истратить зря.

² Прогонь — плата за проезд на почтовых лошадях.

³ Елистратишка — искажённое регистратор. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (XIV класс).

а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности¹, да и заботности меньше, возмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полотах, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная²: кеатры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговаривают всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин³ — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер⁴ расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицера забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясёт головою.*) Галантерейное⁵, чёрт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берёшь извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не съест. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки; чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту⁶, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*)

¹ Публичность (устар.) — наличие публики, общества.

² Политичный (простореч.) — вежливый, обходительный.

³ Щукин (двор) — один из петербургских рынков.

⁴ Кавалёр — здесь: бывалый солдат.

⁵ Галантерейный (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

⁶ Прешпект — искажённое слово проспект.

Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится: верно, это он идёт. (*Поспешно схватывается с постели.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдаёт фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе¹ — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так, всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, этаких широмыжников² и подлецов видали».

¹ *Картуз* — здесь: бумажный мешочек для табака.

² *Широмыжник* (правильно: *шаромыжник*) — человек, живущий на чужой счёт.

Хлестаков

Рисунок М. Добужинского

Рисунок П. Боклевского

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживётся, задолгается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую¹ да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня,

¹ *Съезжая* — помещение при полиции для арестованных.

штосы удивительно, бестия, срезывает¹. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться, случай только не привёл встретиться — на всё нужно случай. Какой скверный городишко! В овощных лавках² ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта»³, потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни сё ни то.*) Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли всё идёт?

Слуга. Да, слава Богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему серьёзно, что мне нужно есть. Деньги само собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

¹ *Штосы срезывать* — выигрывать в карты (*штос* — азартная карточная игра).

² *Овощенная лавка* — мелочная лавка.

³ *«Роберт-Дьявол»* — название оперы французского композитора Мейербёра.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это, скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как ещё никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим¹ не дал напрокат кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею². Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пен-тюхи³, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдёшь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюёт*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелкой и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж даёт.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что ещё много.

¹ *Иохим* (правильно: *Иоахим*) — известный в Петербурге в 30-х годах XIX века каретный мастер и домовладелец.

² *Ливрея* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

³ *Пентюх* (простореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели сёмгу и ещё много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А сёмга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросёнок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, чёрт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. (*Наливает суп и ест.*) Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков (*защищая руками кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... (*Ест.*) Боже мой, какой суп! (*Продолжает есть.*) Я думаю, ещё ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. (*Режет курицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое!.. Там супу немного осталось. Осип, возьми себе. (*Режет жаркое.*) Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор зажаренный, вместо говядины. (*Ест.*) Мошенники, каналы, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. (*Ковыряет пальцем в зубах.*) Подлецы! совершенно как деревянная кора — ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! (*Вытирает рот салфеткой.*) Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разочотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже нажаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу, там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он? как он смеет, в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямляется.*) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...»

У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет и съёживается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Моё почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?... Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду. Я прямо к министру! (*Стучит кулаками по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилюте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человеком.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело. Оттого что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь,

с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы, я сейчас же расплачусь с трактиричиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я-таки ему, вместо двухсот, четыреста вернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

¹ Турусы — выдумка, враньё.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай! не знал, чем заплатить. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро! (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу¹ и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется — ногтем бы придавил его. Ну да стой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

¹ Владимир в петлице — орден Владимира 4-й степени, который носили на груди.

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин зажёг обыкновенные отпускатые свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я не достоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! не достоин, не достоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом.
Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счёт.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счёт.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори: сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусил сёмги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак, ещё начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождёт. (*Слуге.*) Пошёл вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги.*)

Слуга уходит, в дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Бобчинский.

Городничий. Не угодно ли вам будет осмотреть некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой... для путешественника...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы¹ — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своём экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Пётр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову*.) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?... А впрочем, тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счёте?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя*.) А вот посмотрим, как пойдёт дело после фриштика² да бутылки-то толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только

¹ *Острог* — тюремное здание, где содержались осуждённые преступники. *Тюрьма* — место заключения подсудимых, уже получивших приговор, но ещё не отправленных на поселение или на каторгу. Характерное преувеличение: в уездном городке есть и острог, и тюрьмы, то есть царит полицейско-тюремный «порядок».

² *Фриштик* (нем.) — завтрак.

бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдаёт Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицание. Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлапка! Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдёт.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак. Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенёс чемодан. (*Осипу*.) Любезнейший, ты перенеси всё ко мне, к городничему — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! (*Пропускает вперёд Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому*.) Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся как чёрт знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский*.)

Занавес опускается.

❧ Вопросы ❧

Побеседуем в антракте.

1. Как характеризуют Хлестакова его монологи в явлениях III и V? Что мы узнаём об истинной сущности Хлестакова из монолога Осипа в явлении I?

2. Сопоставьте поведение Осипа в явлении I, когда он наедине с собой «честит» хозяина, и в явлении II, когда возвращается Хлестаков. Параллельно с этим сравните поведение Хлестакова в диалогах со слугой в явлениях IV и VI. Что общего в поведении обоих героев? Чем вы объясните это сходство?

3. Центральная сцена второго действия — Хлестаков с городничим. Перечитайте явление VIII, обратите внимание на авторские ремарки «в сторону», свидетельствующие о напряжённой работе ума городничего. Почему герои испугались друг друга? В чём комизм ситуации? Когда и почему испуг происходит и как в связи с этим меняется речь героев?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уже целый час ждёмся, а всё ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась; нет, ещё нужно копаться... Было бы не слушать её вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто вымерло всё.

Марья Антоновна. Да право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается в окно и вскрикивает.*) Ах, маменька, маменька! кто-то идёт, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идёт? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идёт. Кто ж это идёт? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь вижу; из чего же ты споришь? (*Кричит в окно.*) Скорей, скорей! вы тихо идёте. Ну что, где они? А? Да говорите же отсюда — всё равно. Что? очень строгий? А? а муж, муж? (*немного отступя от окна, с досадою*). Такой глупый: до тех пор, пока не войдёт в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну не известно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Моё почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Пётр Иванович!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, всё благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице всё нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покорооче разговорился с ним, тотчас переменял мысли, и, слава Богу, всё пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? Ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну что ж... это всё, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою! что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек: лет двадцати трёх; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда...» (*размахивает руками*) так это всё славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю; но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет¹, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (*Читает.*) «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние моё было весьма печальное; но, уповаю на милосердие Божие, за два солёные огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» (*Останавливается.*) Я ничего не понимаю: к чему же тут солёные огурцы и икра?

Добчинский. А это Антон Антонович писали на черновой бумаге, по скорости: там какой-то счёт был написан.

Анна Андреевна. А да, точно. (*Продолжает читать.*) «Но, уповаю на милосердие Божие, кажется, всё будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена жёлтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою

¹ Шантрёт (устар.) — шатен.

весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. (*Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.*) Эту записку ты отдашь кучеру Сидору, чтоб он побежал с ней к купцу Абдулину и принёс оттуда вина. А сам пойди сейчас прибери эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее...

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзоревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка, Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмел. Тебе приличнее всего надеть твоё голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое¹, я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдёт палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдёт?

Марья Антоновна. Нейдёт; я что угодно даю — нейдёт: для этого нужно, чтобы глаза были совсем тёмные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не тёмные? самые тёмные. Какой вздор говорит! как же не тёмные, когда я и гадаю про себя всегда на трёфовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. (*Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.*) Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

¹ Пáлевый — бледно-жёлтый.

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей входит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты горемычное житьё! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это, больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть!

Мишка. Да для вас, дядюшка, ещё ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простого-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесём чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей,

то есть, пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием¹ и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с².

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наизумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложись спать, всё думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность³ и было довольным?..» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

¹ *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

² *Лабардан* — свежепросоленная треска.

³ *Ревность* — здесь: старание.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал¹ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь², тогда как нужно гнуть от трёх углов³... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

¹ *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

² *Забастовать* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

³ *Гнуть от трёх углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, вам после столицы вояжировка¹ показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкли жить, comparez vous², в свете и вдруг очутиться в дороге; грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои прелести, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю: нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент³, с тем только, чтобы сказать: «это вот так, это вот так!», а там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором⁴ сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйста, садитесь!

Вместе: { Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.
Артемию Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

¹ Вояжировка — путешествие.

² Понимаете ли (франц.).

³ Департамент — отдел министерства.

⁴ Коллежский асессор — гражданский чин VIII класса.

Я не люблю церемоний. Напрстив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвахты¹ и сделали ружьём. После уж офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики²... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал³.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»⁴, «Роберт-Дьявол», «Норма»⁵. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса⁶, «Фрегат Надежды»⁷ и «Московский телеграф»⁸... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин⁹ даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»¹⁰ ваше сочинение?

¹ Гауптвахта — помещение для караула.

² Водевиль — небольшая пьеса с пением куплетов.

³ Оригина́л — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.

⁴ «Женитьба Фигаро» — комедия французского драматурга Бомарше.

⁵ «Норма» — опера итальянского композитора Беллини.

⁶ Барон Брамбеус — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.

⁷ «Фрегат „Надежда“» — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

⁸ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

⁹ Смирдин А. Ф. — известный петербургский книгопродавец и издатель.

¹⁰ «Юрий Милославский» — роман М. Н. Загоскина.

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это, точно, Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист¹ свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморился, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стбит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»². Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрёно. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми; после, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту

¹ Вист — карточная игра между четырьмя партнёрами. Хлестаков называет пять игроков.

² Ваше превосходительство — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV классов — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

по улицам курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение — я спрашиваю? «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю, дойдёт до государя; ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение, все дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха,
Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет¹ боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (*Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.*)

Городничий (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (*быстрым отрывистым голосом*). Что такое? Городничий. А ва-ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (*таким же голосом*). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. (*С декламацией.*) Лабардан! лабардан! (*Входит в боковую комнату, за ним городничий.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (*Добчинскому*). Вот это, Пётр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Пётр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

¹ Государственный совет — высший законосовещательный орган в России XIX века.

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подмётки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдём расскажем поскорее Аммосу Фёдоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемиий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто; а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что как проспится да в Петербург махнёт донесение? (*Уходит в задумчивости вместе с зрителем училищ, произнося*) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приёмы и всё это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на неё!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну, что если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу; что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Всё конечно, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлюшки! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай, как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка! позови квартальных, Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Ещё военный всё-таки кажется из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки², что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип; все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет ещё, немного потягивается.

¹ Финтирлюшка (*финтифляшка*) — глупость, пустяк.

² Екиво́к (*экиво́к*) — двусмысленность, намёк.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу*). Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после ещё лучше накормят. (*Вслух*.) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаете. Ну, что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекаль или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы всё было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит?..

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идёт о жизни человека... (*К Осипу*.) Ну, что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодно. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (*принимая деньги*). А покорнейше благодарю, сударь! Дай вам Бог всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!

Городничий. Да постойте, дайте мне! (*К Осипу*.) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть, что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придётся. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе (*махнув рукою*), — Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот ещё сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*Прячет деньги*.) Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса*.) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдём, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоём только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай — и уши потом заткнёшь. (*Обращаясь к Осипу*.) Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косопалые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чёрт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! (*Закрывает ему рот*.) Эх как каркнула ворона! (*Дразнит его*.) Был по приказанию! Как из бочки, так рычит! (*К Осипу*.) Ну, друг, ты ступай, готовь там, что нужно для барина. Всё, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идёт кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*Показывает ногою.*) Слышите? Чш... чш... (*Уходит на цыпочках вслед за квартальными.*)

❧ Вопросы ❧

Побеседуем в антракте

1. Перечитайте явление VI. Чем рассказы Хлестакова о петербургской жизни связаны с его желанием сыграть роль значительного лица (см. явление V второго действия)?

2. Почему слушатели верят Хлестакову?

3. Как реплики и поведение слушателей подогревают Хлестакова и усиливают его ложь и как чиновники, по мере того как ложь становится всё более фантастической, испытывают всё больший страх и даже ужас?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Фёдорович (*строит всех полукругом*). Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь! На военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Пётр Иванович, забежите с этой стороны, а вы, Пётр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Фёдорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Фёдорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну известно что.

Аммос Фёдорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Фёдорович. Опасно, чёрт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представляться нужно поодиночке, да между четырёх глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слышали! Вот как в обществе благоустроенного делается! Ну вот вы, Аммос Фёдорович, первый и начните.

Аммос Фёдорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, господа! Я, признаюсь, так воспитан, что заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык, как в грязь, завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Фёдорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Фёдорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечёшься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении¹... нет, Аммос Фёдорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Фёдорович!

Аммос Фёдорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова.

Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого.

Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой! Пётр Иванович! Пётр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний «ай! ай!», наконец все выпираются, и комната остаётся пуста.

¹ Столпотворение — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, с жителями Вавилона в наказание за то, что они пытались построить башню до неба.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радшие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угрожают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно! так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восьмьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени¹ уже не так.

Аммос Фёдорович (*высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

¹ Анна третьей степени — низшая степень ордена святой Анны. Орден Владимира четвёртой степени был значительно выше ордена Анны третьей степени.

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Ну, всё кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая мать!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Фёдорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности.

Аммос Фёдорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник¹ Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живёте?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон² и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

¹ Надворный советник — гражданский чин VII класса.

² Хороший тон, светская учтивость (от франц. *bon ton*).

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд: обо всём расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. *(Вслух.)* Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смею долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек; по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ титулярный советник¹ Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя, в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого я никак не предполагал. Брать или не брать?

¹ Титулярный советник — гражданский чин IX класса.

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я курил сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя)*. Чёрт поberi всё! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну и сам не знаю, что говорю!

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... *(В сторону.)* Продам проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах, точно, есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет? Есть, есть! *(Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*. Не смею долее беспокоить присутствием...

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (*летит вон почти бегом и говорит в сторону*). Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович,
вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведений.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (*Помолчав.*) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.*) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признаться перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж, и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую

должность: он хуже, чем якобинец¹, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть, не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности... (*Раскланивается, с тем чтобы уйти.*)

Хлестаков (*проводя*). Нет, ничего. Это всё смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас! я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег займы рублей четырёхста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

¹ *Якобинец* — революционер времён Великой французской буржуазной революции XVIII века; здесь: вольнодумец, политически неблагонадёжный человек.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! Не извольте беспокоиться, присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. Взаимы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения¹.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? у меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это всё равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рождён мною ещё до брака...

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть, оно так только говорится, а рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды по-

даёт: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадёт ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постарюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да... (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чём?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам¹ и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпроставляет их.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хо-

¹ Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

¹ Сенатор — член сената — высшего судебно-административного органа царской России.

рошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков. А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровён час: какой-нибудь другой наедет... Ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедem, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее. Ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси только наперёд это письмо, пожалуй, вместе и дорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдгегеря¹, катили! и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков *(пишет)*. Хорошо. Принеси только свечу.

Осип *(выходит и говорит за сценой)*. Эй, послушай, брат! отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину

самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков *(продолжает писать)*. Любопытно знать, где он теперь живёт — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свёртывает и надписывает.)*

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(Дает Осипу письмо.) На, отнеси.

Голос купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип *(глядя в окно)*. Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков *(подходя к окну)*. А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажете, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает:) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьём вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

¹ Фельдгегерь — правительственный или военный курьер.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем¹ совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало. Ей-ей! придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берёт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец² не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несёшь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селёдки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте; я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста, — ну тогда совсем другое дело: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

¹ *Постой* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

² *Сиделец* (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы *(кланяясь)*. Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взятку никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берёте? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюды головы и кулёк! Давай всё, всё пойдёт впрок. Что там? верёвочка! давай и верёвочку! — и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! По-вели, государь, выслушать!

Хлестаков *(в окно)*. Пропустить её.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлёткина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни тёткам его ни в чём никакого прибутку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты¹, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! Да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

¹ *Забрить лоб в солдаты* — сдать в солдаты.

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал; побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тётка есть, то и тётке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это моё дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдёт, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть тёща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпроставивает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подросла, да и схвати меня. Да так отпрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там ещё! (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой¹ шинели, с небритою бородою, раздутую губою и перевязанною щекою; за ней в перспективе показывается несколько других.

¹ Фриз — толстая, грубая ткань.

Пошёл, пошёл! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисует*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисует*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!...»¹ Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (*Придвигая стул.*)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда не знала, что за любовь... (*Отдвигает стул.*)

Хлестаков. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (*отдвигаясь*). Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Хлестаков (*придвигаясь*). Отчего ж далеко: всё равно и близко.

Марья Антоновна (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко: а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует её в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая её*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать её*). Из любви, право из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

¹ Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но пожалуйста, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию¹ насчёт моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»². Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

¹ Декларация — здесь: предложение.

² Карамзин Н. М. (1766—1826) — русский писатель. «Законы осуждают предмет моей любви» — строчки из песни в его повести «Остров Борнгольм».

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за втрениость такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слёзы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове, ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в неё?

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька, право, вперёд не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я её высек, она врёт, ей-богу, врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до неё.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот этакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит к Марье Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! (*Протирает глаза.*) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених. (*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! вона как дело-то пошло.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! *(Целует её ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашей ошибкой, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берёт и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят.
За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекиданной еде?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать: хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковёр самый лучший, что по голубому полю, персидский, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! хорошо! Славно будет! *(Бьёт рукою по коврику.)* Теперь садитесь, ваше благородие.

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залётные!

Колокольчик звенит, занавес опускается.

❧ Вопросы ❧

Побеседуем в антракте

1. Проследите, как возрастает развязность и даже наглость Хлестакова в сценах «приёма» чиновников и других городских жителей, в частности как увеличивается сумма «займа», которую он просит, а в конце требует от посетителей. Чем вы объясните такое поведение Хлестакова?

2. Как характеризуют Хлестакова сцены «объяснения в любви»? А почему мать и дочь готовы принять его объяснения и даже вступают в своеобразную борьбу друг с другом?

3. Что добавляет четвёртое действие к нашим представлениям о порядках, царящих в городе, о городничем и его чиновниках (Аммосе Фёдоровиче, Луке Лукиче, Артемии Филипповиче и других)?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери! Пстой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналей! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Пстойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдаёт дочь свою — не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чёрт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к чёрту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин запибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Ещё бы! конечно, можно.

Городничий. А, чёрт возьми, славно быть генералом! Кавалерию¹ повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж, конечно, голубую лучше.

¹ Кавалерия — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне 1-й степени, голубую — при Андрее Первозванном).

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдгегера и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то, что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечёт, как начнёшь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре¹, чтоб нельзя было войти, и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что? много вязли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

¹ Амбре — благоухание.

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо суёт вперёд: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьёт за то, что не умеешь обманывать. Ещё мальчишка, «Отче наша»¹ не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрёт тебе брюхо да набьёт себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперёд жаловаться. Уж какое хоть удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что моё взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, ещё бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

¹ «Отче наш» — молитва, которую заучивали ещё в детстве.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Фёдорович,
Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Фёдорович (*ещё в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к её ручке.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щёлкает языком с видом удалства.*) Марья Антоновна! Имею честь поздравить. (*Подходит к её ручке и обращается к зрителям с тем же удалством.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря «Анна Андреевна!», потом к Марье Антоновне, говоря «Марья Антоновна!». Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай вам Бог всякого богатства, червонцев и сынка-с этакое маленького, вон этакое-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Всё будет мальчишка кричать уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам,
Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь.

Жена Луки Лукича (*бежит вперёд*). Поздравляю вас, Анна Андреевна! (*Целуются*.) А я так, право, обрадовалась; говорят мне: «Анна Андреевна выдаёт дочку. — «Ах, Боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава Богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...» «Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», — и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уж Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слёзы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульев.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Гости садятся.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Фёдорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего, то есть, дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в своё дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Фёдорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемиий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка, заслуги привели к тому. (*В сторону.*) Этакое свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Фёдорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Фёдорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдёмся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтob ты пропал!

Жена Коробкина. Чёрт тебя поberi!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой: он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чёрт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога всё возможно.

Аммос Фёдорович. Большому кораблю — большое плавание.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Фёдорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого ещё далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор ещё не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, чёрт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудет.

Аммос Фёдорович. И если что случится, например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительства!

Коробкин. В следующем году повезу сына в столицу на пользу государства, так, сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует¹ нас?

Гостья. Да, она такова всегда была, я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой²; но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

¹ *Трактовать* — здесь: оценивать (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

² *Эштафёта* (искажён.), *эстафёта* — здесь: срочная почта.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то: чёрт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да еще чёрт знает чем? Я вас под арест.

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и...» (*Закрывается*.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодай.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, лучше глаза. (*Берёт письмо*.)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину*.) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдаёт письмо*.) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем*.) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И не остроумно! свинья в ермолке! где же свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

¹ Жуировать — развлекаться, вести весёлую жизнь.

Аммос Фёдорович (в сторону). Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (читает). «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на... (Вслух.) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет, уж читайте!

Коробкин (продолжает). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (продолжая читать). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкашиловку. (Переворачивает письмо и читает адрес.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой реприманд² неожиданный!

Городничий. Вот когда резал, так резал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машет рукою.)

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (вздыхает). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович (в недоумении расставляет руки). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (бьёт себя по лбу). Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрабчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. что губернаторов! (махнул рукой) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (в сердцах). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (Выступлений.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (Грозит себе самому кулаком.) Эх, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю; мало того, что пойдёшь в посмешище... найдётся щелкопёр¹, бумагомарак, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, и будет все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? над собой смеётесь!.. Эх, вы!.. (Стучит со злости ногами об пол.) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы² проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. (Сует кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе³ похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

Артемий Филиппович (расставляет руки). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! (Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

¹ Здесь: человек дурного тона (от франц. *mauvais ton*).

² Здесь: неприятность (от франц. *réprimande* — буквально: выговор).

¹ Щелкопёр (устар.) — бумагомаратель, писака, враль.

² Либерал — здесь: свободомыслящий человек.

³ Вертопрах — легкомысленный, ветреный человек.

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...
Артемий Филиппович. Конечно, вы!
Лука Лукич. Разумеется. Прибежали, как сумасшедшие, из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгунны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти

до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким налётом на городничего; за ним, у самого края, Добчинский и Бобчинский, с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

1836—1842

КОГДА ОПУСТИЛСЯ ЗАНАВЕС

Обдумаем прочитанное

1. Гоголь писал: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым». Перечитайте явление I и покажите, что и городничий, и Анна Андреевна недалеко ушли от Хлестакова в своих мечтаниях.

2. Перечитайте явление II. Вспомните, как унижался городничий перед Хлестаковым в начале своего визита в гостиницу (второе действие), как умолял его не верить купцам (явление XV четвёртого действия). Почему и как изменилось теперь его поведение?

3. Покажите, какие качества в характерах чиновников и других городских жителей раскрываются в сценах поздравления городничего и его семьи. Отличается ли в этом отношении от своих гостей Анна Андреевна?

4. Пьеса заканчивается немой сценой. «Здесь уже не шутка, — писал Гоголь, — и положение многих лиц почти трагическое. Положение городничего всех разительней. <...> Обмануться так грубо тому, который умел проводить умных людей и даже искуснейших плутов! Возвещенье о приезде, наконец, настоящего ревизора для него громовой удар. Он окаменел. Распростёртые его руки и закинутая назад голова остались неподвижны, и вокруг него вся действующая группа составляет в одно мгновенье окаменевшую группу в разных положениях: страх оковал всех».

Представьте себе, что может произойти в городе после приезда настоящего ревизора.

КОНФЛИКТ И СЮЖЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перед тем как обобщить наши представления о комедии Гоголя, вспомним два понятия, которые нам встречались в предыдущих классах, — конфликт и сюжет художественного произведения.

Художественный конфликт (от латинского слова *conflictus* — столкновение) — *противоречие, столкновение между героями произведения или между героями и обстоятельствами*, в которых им приходится действовать. Благодаря конфликту развивается действие драматических и эпических произведений, а в действии обнаруживаются особенности характеров героев.

Движущей силой комедии Гоголя «Ревизор» является конфликт между городскими чиновниками и псевдоревизором Хлестаковым, которого они приняли за «важную птицу».

В смешных похождениях Хлестакова, в попытках насмерть перепуганных чиновников предотвратить катастрофу, в их поступках, в *действии* выявляются их характеры, раскрывается отношение драматурга к изображаемой им жизни. По мере того как разворачивается действие, всё отчетливее, резче проступают пустота и легкомыслие Хлестакова, трусость и раболепие чиновников, всё более грозно и беспощадно звучит смех Гоголя. Неожиданно, как удар грома, повергая всех в изумление и ужас, раздаются слова жандарма о том, что приехавший по именному повелению из Петербурга ревизор требует городничего к себе. Эти слова завершают действие, полностью обнажая ничтожество чиновников и комизм их бесплодных усилий.

Связанные между собой и последовательно развивающиеся события, изображаемые в художественном произведении, называются *сюжетом*.

Изображение жизни, предшествующей возникновению конфликта, называется *экспозицией* (от латинского *expositio* — изложение, объяснение). Событие, с которого начинается действие (зарождение конфликта), — *завязка*. Высшая точка развития действия, обострения конфликта — *кульминация*. Событие, завершающее действие и развитие конфликта, — *развязка*. Часть сюжета между завязкой и развязкой называется собственно *развитием действия*.

Сюжет драматических произведений по сравнению с сюжетом эпических более напряжён, как бы спрессован: ведь в короткое время спектакля нужно показать то, что происходило по крайней мере в течение суток, а нередко в течение месяцев и даже нескольких лет, и без видимого вмешательства автора, без его рассуждений и описаний, только в монологах, диалогах, поступках действующих лиц раскрыть их характеры и идею пьесы.

А теперь возвратимся к комедии Гоголя.

1. Попробуйте сформулировать главную тему «Ревизора». Кто, по-вашему, его главные герои?

2. Какое время охватывает действие комедии: сутки, двое суток, а может быть, больше или меньше? Докажите.

3. Какие сцены комедии можно считать экспозицией? Что они дают для понимания комедии?

4. Мнения учёных о завязке комедии разделились. Одни говорят об одной завязке, другие — о двух. Если стать на точку зрения тех и других, какую сцену или какие сцены вы посчитали бы завязками комедии? Почему?

5. Нет единства и в определении кульминационной сцены комедии. Одни литературоведы видят кульминацию в третьем, другие — в четвёртом действии. Какие сцены они имеют в виду? Обоснуйте своё мнение. Что даёт кульминация для понимания характера Хлестакова и других действующих лиц комедии?

6. Полагают, что комедия Гоголя имеет две развязки. Какие, по-вашему? Какова их роль в комедии?

7. «Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе, — писал Гоголь. — Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение её. Это честное, благородное лицо был смех». Как вы понимаете эти слова Гоголя? Какие общественные и личные пороки осмеивает его комедия?

❧ Задания ❧

1. Подготовьте для чтения по ролям (или для постановки на сцене) несколько явлений, например, из четвёртого действия.

2. Из текста комедии выберите несколько слов и выражений, ставших крылатыми. В каких случаях к ним обращаются говорящие?

3. Подготовьте устную (или письменную) характеристику городничего и Хлестакова. Сравните иллюстрации П. Боклевского и М. Добужинского к «Ревизору»: «Городничий» и «Хлестаков» (с. 208, 222). Какие качества героев подчёркивают художники в своих рисунках?

Советы по работе над третьим заданием

Готовя характеристику городничего, прочитайте слова Гоголя о нём (с. 283 учебника) и замечания писателя для актёров (с. 205 хрестоматии). Припомните ответы, которые вы давали на вопросы по каждому действию комедии. Составьте план характеристики городничего, имея в виду его отношение к своим служебным обязанностям, к чиновникам, купцам и другим жителям города, его жизненные цели, представления о том, что хорошо и что дурно, причины его страха перед приездом ревизора. Отметьте, как характеризуют городничего меры, принимаемые им для того, чтобы обмануть многолетнего «благополучное» правление городничего.

Работа над характеристикой Хлестакова потребует обращения к статье В. Г. Белинского (с. 312—313) и замечаниям Гоголя для актёров. В характеристике Хлестакова можно остановиться на таких моментах: его положение в обществе (должность и как усиливается его положение, уровень обязанностей), его мечты и стремления.

Подумайте, почему Хлестаков оказался в роли ревизора: сам ли он хотел обмануть городских чиновников или его, независимо от его воли, приняли за ревизора. Почему лжёт Хлестаков и как усиливается его ложь, когда он начинает догадываться, что его посчитали «важной персоной»? Припомните также свои ответы на вопросы к каждому акту комедии. Покажите, как Гоголь вызывает наш смех над Хлестаковым. Обратите внимание на особенности речи Хлестакова (сравните, например, как он разговаривает с Осипом, с трактирным слугой, с Анной Андреевной и Марьей Антоновной). Почему в речи Хлестакова отсутствуют ремарки «в сторону» (в отличие от городничего)?

Выскажите своё мнение о том, что следует называть хлестаковщиной.

Разъясните слова современного литературоведа Н. Н. Скотова: «Всякий хоть на минуту или на несколько минут становился или станет Иваном Александровичем Хлестаковым. Но останется им только тот, кто этого не подозревает в отношении к себе».

ПРАВДА ЖИЗНИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В КОМЕДИИ. НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ ВО ВРЕМЕНА ГОГОЛЯ

ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА

Не было в помещениях большинства присутственных мест чистоты и порядка <...> на столах канцелярии вместо чернильниц и песочниц¹ стояли помадные банки. Чиновники и канцелярские служители², случалось, сидели вместо стульев на круглых поленьях. С другой стороны, между делами и за ними, помещались полуштофы с приличною закускою. Недавно городничий говорит в «Ревизоре» о заседателе: «От него такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода».

В Петербургский уездный суд заглянул ненароком министр юстиции. Он встретил там человека в исподнем платье, с метлой

¹ *Песочница* — прибор для посыпания песком написанного чернилами (употреблялся вместо промокательной бумаги).

² *Канцелярский служитель* — низший служащий, не имевший чина.

в руках. На вопрос министра, где судья, человек отвечал, что судьи нет, а на вопрос, где заседатель, отвечал: «Я — заседатель». Министр, потрясённый, пробормотал: «Вы... ты...» — и ушёл, не сказав ни слова.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Немощёные улицы Саратова в летнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на пол-аршина, второстепенные улицы зарастали густою травой. Главные улицы имели узенькие деревянные тротуары и изредка стоявшие фонари, тускло освещавшиеся конопляным маслом.

Ревизор, приехавший в Пензу неожиданно вечером, сел на извозчика и велел себя везти на набережную. — На какую набережную? — спросил извозчик. — Как на какую? — отвечал ревизор. — Разве у вас их много? Ведь одна только и есть. — Да никакой нет! — воскликнул извозчик.

Оказалось, что на бумаге набережная строилась уже два года и что на неё истрачено было несколько десятков тысяч рублей, а её и не начинали.

ПРОИЗВОЛ ВЛАСТЕЙ. ПРАВЫ ЧИНОВНИКОВ

Казанский полицмейстер¹ Поль истязал людей совершенно невинных. Полицейским чинам стоило взять совершенно не причастного ни к какому проступку человека и донести на другой день полицмейстеру... Поль, без всякой проверки донесения, тотчас же приказывал его при себе растянуть и высечь. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкие чиновники.

Генерал-губернатор Западной Сибири <...> завёл открытый, систематический грабёж во всём крае. <...> Ни одно письмо не переходило границы нераспечатанное, и горе человеку, который осмелился бы написать что-нибудь о его управлении. Он купцов первой гильдии держал по году в тюрьме, в цепях, он их пытал.

А. И. Герцен². Былое и думы

¹ *Полицмейстер* — начальник полиции в крупном городе.

² Герцен А. И. (1812—1870) — русский писатель, философ.

Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи.

Указание начальника Третьего
отделения императорской
канцелярии Бенкендорфа

[Взятки] брали деньгами и продуктами, брали через жён, секретарей и других подставных лиц: брали губернаторы, председатели губернских правлений, гражданских и уголовных палат¹, профессора при экзамене на звание чиновников.

Всё это узаконилось, вошло в обычай, и проситель никогда не приходил в присутственные места с пустыми руками. Если он был беден, то и тогда приносил полотенце, чашку мёду, большой пряник, а иногда и просто хлеб.

Для ревизий Николай посылал своих уполномоченных, генерал-адъютантов, сенаторов, флигель-адъютантов. <...> Ревизия — тайная во многих случаях и всегда грозная по форме — была рядовым явлением, и городничий Антон Антонович не мог этого не знать. <...> Ошибка его в решении задачи была в значительной мере predetermined тем, что Хлестаков был поражающе непохож на всех тех чрезвычайных уполномоченных и ревизоров, с которыми имел дело, о которых слышал городничий. <...>

Необычный, небывалый вид Хлестакова убедил городничего в том, что он и есть инкогнито.

М. Гус². Гоголь и николаевская Россия

По воспоминаниям Вяземского, в одной из губерний, и не отдалённой, был действительно случай, подобный описанному в «Ревизоре». По сходству фамилии приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Всё городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку являться. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы займодавцы.

¹ Губернское правление — учреждение, осуществлявшее полицейский надзор в губернии. Гражданская и уголовная палаты — судебные учреждения в царской России.

² Гус М. С. (1900—1984) — русский литературовед.

Несколько подобных случаев знал Пушкин. Самого поэта, отправившегося собирать сведения о Пугачёве, в Нижнем Новгороде приняли за тайно путешествующего ревизора. Вероятно, об этих фактах Пушкин рассказал Гоголю.

❧ Вопросы ❧

1. Какой вывод о связи комедии Гоголя с жизнью можно сделать на основании приведённых выше исторических материалов?

2. Николай I заявил после первого представления «Ревизора»: «Ну и пьеса! Всем досталось, а мне более всех!» В Перми полиция потребовала прекратить спектакль, а городничий в Ростове-на-Дону грозил упрятать актёров в тюрьму. Гоголь писал о постановке комедии: «Действие, произведённое ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня...» Почему возмущались и чего так испугались царь, чиновники и купцы? Ведь действие комедии происходит в уездном городе, от которого, как говорит городничий, «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь».

3. Как вы понимаете эпиграф к пьесе?

4. Какую роль в воссоздании правдивой картины жизни сыграл художественный вымысел? Можно ли образы героев комедии Гоголя рассматривать как точное воспроизведение характеров действительно живших людей, а сюжет комедии — как верное во всех деталях изображение двух-трёх жизненных случаев?

5. Более 160 лет комедия «Ревизор» не сходит со сцены. Её ставили и ставят крупнейшие театры страны — Московский Малый, Московский Художественный. Она идёт на многочисленных любительских самодеятельных сценах. Она экранизирована, издаётся большими тиражами. Почему, по-вашему, и в наши дни комедия пользуется неизменным успехом? (В своём ответе используйте высказывания писателей, помещённые ниже.)

Н. В. ГОГОЛЬ О ГОРОДНИЧЕМ

Одна из главных ролей есть городничий, человек, больше всего озабоченный тем, чтобы не пропускать, что плывёт в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть постройке на жизнь или осмотреться на себя. Из-за этой заботы он, может быть, и сам не чувствуя как, сделался и сам притеснителем, потому что злобного желания притеснять в нём нет. В нём есть только желание прибирать в руки всё, что ни видят глаза. Он позабыл, что от этого трещит спина у ближнего. Временами он, однако ж, чувствует, что грешен, молится, ходит в церковь, думает даже, что в вере твёрд, и думает даже когда-нибудь покаяться. Но велик соблазн того, что плывёт в руки, и велика набившаяся привычка. Его поразила распространявшийся слух о ревизоре, ещё более поразило его то, что

этот ревизор — *incognito*, неизвестно когда будет, с которой стороны подступит. Он находится от начала до конца пьесы в положении выше тех, в которых ему случалось бывать в другие дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя от страха к надежде и радости, взгляд его несколько распалён от того, и он стал податливее на обман. <...> Увидевши, что ревизор в его руках, не страшен и даже с ним вступил в родню, он предаётся буйной радости при одной мысли о том, как понесётся отныне его жизнь среди пирований, попоек, как будет он раздавать места, требовать на станциях лошадей и заставлять ждать в передних городничих, важничать, задавать тон. Поэтому-то внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для других, громовой удар, и положение становится истинно трагическим.

Н. В. Гоголь. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» <черновой текст>

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О ХЛЕСТАКОВЕ

<...> Этот барин (Хлестаков. — *Сост.*) — один из тех людей, которых в канцеляриях называют *пустейшими*. Он франт и щёголь, потому что дурак и столичный житель: глупцы скорее всего перенимают внешние стороны высшей их жизни. Отец содержит его прилично, но он мотает батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславию, а затем спускает платье на рынке, до новой присылки денег... Он денди¹ не по одному модному платью, но и по манерам, денди трактирный, одна из тех фигур, которые красуются на вывесках московских трактиров, цирюлен и портных. В Пензе его обыграл начистую пехотный капитан; он за это досадует на случай и несчастье, но не на капитана, к которому он благоговеет как дилетант² к художнику, потому что, «что ни говори, а удивительно бестия штосы срезывает: всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал — славно играет!» Великое достоинство в его глазах!

Посмотрите, как робко и какими косвенными вопросами хочет он узнать от Осипа, есть ли у них табак: о, он боится его нравочений и его грубости! Посмотрите, как он подличает перед трактирным прислужником... и как ласково просит его

¹ Денди (англ.) — щёголь, франт.

² Дилетант (итал.) — человек, занимающийся искусством или наукой без специальной подготовки: любитель.

поторопиться принести ему обедать! Какая сцена, какие положения, какой язык!..

Многим характер Хлестакова кажется резок, *утрирован*¹, если можно так выразиться, его болтовня, напоминающая не *любо*, не *слушай* — *врать не мешай*, — изысканно неправдоподобно. Но это потому, что всякий хочет видеть и, следовательно, видит в Хлестакове своё понятие о нём, а не то, которое существенно заключается в нём. Хлестаков является к городничему в дом после внезапной перемены его судьбы: не забудьте, что он готовился идти в тюрьму, а между тем нашёл деньги, почёт, угощение, что он после невольного и мучительного голода наелся досыта, отчего и без вина можно прийти в какое-то полупьяное расслабление, а он ещё и подпил. Как и отчего произошла эта внезапная перемена в его положении, отчего перед ним стоят все навывтяжку — ему до этого нет дела; чтобы понять это, надо подумать, а он не умеет думать, он влечётся, куда и как толкают его обстоятельства. В его полупьяной голове при обременённом желудке всё перевернулось, всё переменилось — и Смирдин с Брамбеусом, и «Библиотека» с «Сумбекою», и Маврушка с посланником. Слова вылетают у него вдохновенно; оканчивая последнее слово фразы, он не помнит её первого слова. Когда он говорил о своей значительности, о связях с посланниками, — он не знал, что врёт, и несколько не думал обманывать: сказав первую фразу, он продолжал как бы против воли, как камень, толкнутый с горы, катится уже не посредством силы, а собственной тяжести. «Меня даже хотели сделать вице-канцлером (*зевает во всю глотку*). О чём, бишь, я говорил?»² Если бы ему сказали, что он говорил о том, как отец секал его розгами, он, наверное, уцепился бы за эту мысль и начал бы не говорить, а как будто продолжать, что это очень больно, что он всегда кричал, но что «при нынешнем образовании этим ничего не возьмёшь»...

В «Ревизоре» нет сцен лучших, потому что нет худших, но все превосходны, как необходимые части, художественно образующие собою единое целое, округлённое внутренним содержанием, а не внешнею формою, и потому представляющие собою особый и замкнутый в самом себе мир...

Из статьи «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах.
Сочинение А. С. Грибоедова»

¹ Утрировать (франц.) — преувеличивать.

² В окончательном варианте комедии это место Гоголь изменил.

Гоголю было дано то, чем не обладали другие сатирики, — он полностью умел подчинить сатире не только сарказм¹, но и целую гамму чувств и настроений, и вот его Хлестаков и глуповат и жалок одновременно, и лукав и наивен одновременно, и, может быть, это и есть самое главное — он одновременно гиперболичен и реален, даже — повседневен. И воспринимаешь его и как действительного, конкретного человека, и в то же самое время — как символ, как обозначение вполне определённой психологической группы человечества.

С. П. Залыгин²

Гоголь! Вечный спутник отрока, юноши, мужчины и женщины, школьника, недавно овладевшего грамотой, и старца, умудрённого знанием жизни. <...>

Ни один другой писатель не закрепил после себя навечно такого числа ходячих героев, как Гоголь.

И что за разнообразие! От широчайшей натуры богатыря и неустрашимого патриота Тараса до прижимистой Коробочки. От простодушного Хомя Брута³ <...> до Хлестакова, который решительно не нуждается ни в каком эпитете, потому что сам сделался непревзойдённым эпитетом для всяческих свистунов, бахвальщиков, пустозвонов, не брезгающих и смошенничать и словчить...

Мы одарили Гоголя нашей жаркой, нашей страстной любовью к нему, к его потрясающим творениям. Он живёт с нами, он среди нас. И мы не разлучаемся с ним никогда.

К. А. Федин⁴

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

«Право, такое затруднение — выбор! Если бы ещё один, два человека, а то четыре. Как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурён, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурён. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже, хоть и толст, а ведь очень видный мужчина. Прошу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарович опять мужчина с достоинствами. Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно! Если бы губы Никанора Ивановича

¹ Сарказм — едкая, язвительная насмешка.

² Залыгин С. П. (1913—2000) — русский писатель.

³ Коробочка — одно из действующих лиц поэмы Гоголя «Мёртвые души». Хомя Брут — герой повести Гоголя «Вий».

⁴ Федин К. А. (1892—1977) — русский писатель.

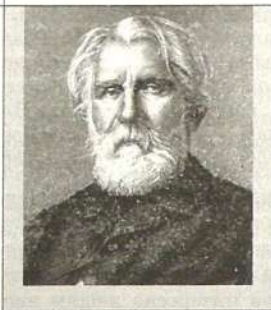
да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди подумай! Просто голова даже стала болеть...» Это монолог невесты из комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». Читая комедию, вы узнаете, как разворачивалась и чем завершилась история сватовства Подколёсина, собравшегося жениться на купеческой дочери Агафье Тихоновне.

«Женитьба» — сатирическая пьеса, близкая «Ревизору» по взгляду писателя на жизнь. Это, как говорил В. Г. Белинский, «исполненная истины и художественно воспроизведённая картина нравов петербургского общества средней руки».

Читая комедию, подумайте, чем она интересна людям нашего времени.

Советуем также прочитать так называемые «Петербургские повести» Гоголя («Нос», «Портрет», «Невский проспект», «Шинель», «Записки сумасшедшего»)¹.

¹ Интересные сведения о постановках «Ревизора» на сценах театров содержатся в книге: «Читаем вместе... Дополнительные учебные материалы по литературе», 8-й кл.

Иван
Сергеевич
ТУРГЕНЕВ
(1818–1883)

ПОБОРНИК ИДЕЙ ДОБРОТЫ И ГУМАННОСТИ

В числе тех, кто в печати откликнулся на смерть Н. В. Гоголя в 1852 году, был молодой писатель И. С. Тургенев: «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова?.. Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших!»

Петербургская цензура, косо смотревшая на Гоголя, обличителя российских беспорядков, в угоду правящим кругам статью Тургенева запретила. Писателю удалось опубликовать её в московской газете. Тогда «за слушание и нарушение цензурных правил» он был посажен на месяц под арест, а потом отправлен на жительство в деревню.

Так в истории русской литературы переплелись имена двух великих писателей.

Тургенев, в отличие от Гоголя, не был сатириком, он творил в совершенно иной манере. Но впечатления от личных встреч с Гоголем (об одной из них на чтении «Ревизора» рассказано выше), восхищение его произведениями он пронёс через всю жизнь.

В сущности, и Гоголь, и Тургенев, как бы ни были различны их взгляды и художнические особенности, посвятили своё творчество возвышению человека, утверждали идеи благодетельства, гуманности, доброты. Вот что говорил о Тургеневе известный русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин:

«Тургенев был человек высокоразвитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неопределимую заслугу перед русским обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает. Так что ежели Пушкин имел полное основание сказать о себе, что он пробуждал «добрые чувства», то то же самое мог сказать о себе и Тургенев. Это были не какие-нибудь условные «добрые чувства», но те простые, всем доступные общечеловеческие «добрые чувства», в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты».

М. Е. Салтыков-Щедрин. И. С. Тургенев

❧ Вопрос ❧

С какими произведениями Тургенева вы знакомы? Подтвердите примерами правильность мнения М. Е. Салтыкова-Щедрина о существе творчества писателя.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ «АСЯ»

...Я читал недавно кое-что из твоих повестей... Тон их удивителен — какой-то страстной, глубокой грусти. Я вот что подумал: ты поэт более, чем все русские писатели после Пушкина, взятые вместе. И ты один из новых владеешь формой — другие дают читателю сырой материал, где надо уметь брать поэзию... Но прошу тебя — перечти «Три встречи»¹, — уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределённые и прекрасные по своему безумию порывы юности, в эту тоску без тоски — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившего — как твоё — любовью, страданием и всякой идеальностью.

Н. А. Некрасов — И. С. Тургеневу, 7 апреля 1857 г.

Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. Вечер был прелестный. Ни об чём не думая, лежал я в лодке, дышал тёплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной

¹ Повесть И. С. Тургенева.

домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так, тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула¹ рассказа.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников.
М., 1969, т. II, с. 68

...Я писал ее («Асю») очень горячо, чуть не со слезами...

И. С. Тургенев — Л. Н. Толстому, 8 апреля 1858 г.

...Она (повесть) прелесть как хороша. От неё веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлось эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте.

Н. А. Некрасов — И. С. Тургеневу, 25 декабря 1857 г.

АСЯ

I

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлеба наприсишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея² возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть

¹ *Фабула* — здесь: содержание событий в их последовательности.

² *Лонлакэй* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

с ума не сошёл в дрезденском «Грюне Гевёлбе»¹. Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал наблюдать людей... да я и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения; я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»² — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие камения мостовой чётко рисовались в её неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncy речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно вы-

¹ «Грюне Гевёлбе» («Зелёный свод» — нем.) — название коллекции ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

² «Добрый вечер!» (нем.).

совывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трёхугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен!» — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове,

просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытащенной на берег и опрокинутой насмолённым брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мунштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

¹ Гретхен — героиня трагедии Гёте «Фауст», символ молодости и красоты.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки¹, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, Landesvater², Gaudeamus³, курят, бранят филистеров⁴; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

— Подождём ещё, — отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка. Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

¹ Венгёрка — куртка особого покроя.

² Landesvater — старинная немецкая песня («Отец подданных»).

³ Gaudeamus (лат. — «будем веселиться») — старинная студенческая песня.

⁴ Филистер (нем.) — обыватель, мещанин.

— Я никак не ожидал... в таком захолюстье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот утороплённый взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она несколько не походила на своего брата.

— Хотите вы пойти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Чрез низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто

вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и повёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика с косыми чёрными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!..¹ Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственно имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её черные волосы, стриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжится! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели

¹ Добрый вечер, мадам!.. (нем.)

прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна¹, мы её рóспили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие плошки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. Словно на прощание

примчались звуки старинного ланнеровского¹ вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуду...

Я поспешил отворить ему дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненько потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил по-пустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вдохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

¹ Рейнвейн — сорт виноградного вина (букв. — рейнское вино).

¹ Ланнер И. (1801—1843) — венский композитор.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картоны¹. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распушенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом; землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас ослабеешь и устаёшь.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, собравши картоны в охапку, бросил их на диван.

— Коли хватит терпения, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдёмте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто рассечённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырёхугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смыслённости здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду¹. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприятным чувством поглядывал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Слово угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, с стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестевших на солнце. Её движенья были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

Наконец, Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза.

«Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса.

Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подсела к нам, как виноватая. Я тут

¹ Зельтерская (сэльтерская) вода — минеральная вода (по названию источника *Selters* в Германии).

¹ Карто́н — здесь: первоначальный набросок картины, этюд.

в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уже всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновение; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отвеживала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен¹ и, надевая шляпу, спросила Гагина: должно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: господин Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

¹ Книксен (нем.) — поклон с приседанием.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я обязан быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменял разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станет, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоём, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася всё ещё не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернём к фрау Луизе; я спрошу, там ли она? Крюк не велик.

Мы спустились в город и, свернувши в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. Второй этаж выступал на улицу больше первого, третий и четвёртый ещё больше второго; весь дом с своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Освещённое окошко в третьем этаже стукнуло и отворилось, и мы увидели тёмную головку Аси. Из-за неё выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил её в карман, дошёл до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине¹, — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и, странное

¹ Фреска Рафаэля (1483—1520) «Триумф Галатеи» в вилле Фарнезина в Риме.

дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, да, простою девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно поглядывала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку». Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу à la Van Dyck¹, блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, попросил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое собственно значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чём-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какую я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложил.

¹ В стиле Ван Дейка, фламандского живописца (1599—1641).

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким, полужизненным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, об её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Bravo! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»¹. Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, прикинула ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертою. Не долго думавши добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносившей следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя рукой по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я восторженно вскрикнул. «Подойти к ним?... Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться!

¹ «Герман и Доротея» — поэма Гёте.

Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VII

Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объяснив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытные в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоёв; но мне было не до геологических наблюдений. Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видиться с Гагиными. Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? Впрочем, я старался о них не думать; бродил не спеша по горам и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, как плыли облака, благо погода стояла удивительная. В таких занятиях я провёл три дня, и не без удовольствия, — хотя на сердце у меня щемило по временам. Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям; неторопливо сменяясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквями и деревьями, аисты в лугах, уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадами, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...

Даже и теперь мне приятно вспоминать мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир!

Я пришёл домой к самому концу третьего дня. Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить в себе образ жестокосердой вдовы; но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девочку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазёнками. Она так детски-простоудшно смотрела на меня... Мне стало стыдно её чистого зора, я не хотел лгать в её присутствии и тотчас же окончательно и навсегда расклялся с моим прежним предметом.

Домой я нашёл записку от Гагина. Он удивлялся неожиданности моего решения, пенял мне, зачем я не взял его с собою, и просил прийти к ним, как только я вернусь. Я с неудовольствием прочёл эту записку, но на другой же день отправился в Л.

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил, наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась

за вольтеровское кресло¹ его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму: об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привёл её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живю помню я эту Татьяну, помню её высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки, Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видел Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе,

¹ Вольтеровское кресло — глубокое кресло с высокой спинкой (по имени французского писателя Вольтера).

возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину, она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она так же скоро поняла своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить *целый мир* забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполнину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионов¹. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла.

¹ *Пансион* — закрытое учебное заведение с постоянным проживанием.

Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказывать её нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подружек она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видела же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце, точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её, теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своём отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее¹? Ведь это её скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась вниз по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

¹ Народная легенда о Лорелее.

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в её светлые глаза и только промолвил:

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил её здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради Бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы, наконец, перестаёте дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и лёгким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»...

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей

Над бедной матерью моей!¹—

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

¹ Строки из «Евгения Онегина». У Пушкина: «...Над бедной нянею моей!»

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал. Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями.

X

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла — и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормом меня раздражали, и свежее дыхание волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слёзы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы бес-

предметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё неслась, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния¹ стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно поглядывая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художественного жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинулся на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

¹ Обаяние — здесь: притягательная сила, очарование.

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной должно быть очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне.

Я не тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновенье Гагин, — не тёмный этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась.

XII

Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило с ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперёд всегда верьте тому, что я вам говорю буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеётесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните, вы вчера говорили о крыльях?.. Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмурив брови.

— Я? дурного мнения? о вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гагин, — хотите, я, по-вчерашнему, сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она, бледнея.

«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему тёмные волны.

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось; у неё голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради Бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

XIV

Мальчик убежал.

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь отворилась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я.

Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах; голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуждость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увёз её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передёржкам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится... Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы всё скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... и когда это она успела написать? Чего ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чём мы остановились, наконец: во избежание беды я должен был идти на свидание и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подавать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала.

Я не мог понять, что заставило её всё высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её правом, как это можно!» — сказал я, вставая.

XV

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был самый тот мальчик, который приходил ко мне поутру. Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шёпотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом к фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж.

— Опять: да? — спросил меня мальчик.

— Да, — повторил я и пошёл по берегу Рейна.

Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам. За городской стеною находился маленький сад с навесом для кеглей и столами для любителей пива. Я вошёл туда. Несколько уже пожилых немцев играли в кегли; со стуком катились деревянные шары, изредка раздавались одобрительные восклицания. Хорошенькая служанка с заплаканными глазами принесла мне кружку пива: я взглянул в её лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвил тут же сидевший толстый и краснощёкий гражданин, — Ганхен наша сегодня очень огорчена: жених её пошёл в солдаты.

Я посмотрел на неё; она прижалась в уголок и подперла рукою щёку; слёзы капали одна за другой по её пальцам. Кто-то спросил пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на своё место. Её горе подействовало на меня; я начал думать об ожидавшем меня свидании, но мои думы были заботливые, невесёлые думы. Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; мне предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя» — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвертого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она

меня пугала. Долго боролись во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я, наконец, — она не узнает, что и я полюбил её».

Я встал — и, положив талер в руку бедной Ганхен (она даже не поблагодарила меня), направился к дому фрау Луизе. Вечерние тени уже разливались в воздухе, и узкая полоса неба, над тёмной улицей, алела отблеском зари. Я слабо стукнул в дверь; она тотчас отворилась. Я переступил порог и очутился в совершенной темноте.

— Сюда! — послышался старушечий голос. — Вас ждут.

Я шагнул раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе? — спросил я.

— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек.

Старуха повела меня опять вверх, по крутой лестнице, и остановилась на площадке третьего этажа. При слабом свете, падавшем из крошечного окошка, я увидел морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно-лукавая улыбка растягивала её ввалившиеся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мне на маленькую дверь. Судорожным движением руки отворил я её и захлопнул за собою.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её. Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала, как мёртвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом

и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накупавшие слёзы... Я глядел на неё; было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности; точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, всё её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатила с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы.

— Ваша... — прошептала она едва слышно. Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вжусь с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради Бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она просто душно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро краснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созреть, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожа-

луйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я всё ещё стоял по самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотой доли не сказал того, что хотел, что должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно могло разрешиться...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон.

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило прийти к этой старухе, как я не удержал её! Наедине с ней в той глухой, едва освещённой комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть её от себя, даже упрекать её... А теперь её образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне её шёпот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться её? «Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XVIII

Гагин вышел ко мне навстречу.

— Видели вы сестру? — закричал он мне ещё издали.

— Разве её нет дома? — спросил я.

— Нет.

— Она не возвращалась?

— Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне; там её не было; стало быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы её не видели?

Я должен был сознаться, что я её видел.

— Где?

— У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад, — прибавил я, — я был уверен, что она домой вернулась.

— Подождём, — сказал Гагин.

Мы вошли в дом и сели друг подле друга. Мы молчали. Нам очень неловко было обоим. Мы беспрестанно оглядывались, по-матривали на дверь, прислушивались. Наконец Гагин встал.

— Это ни на что не похоже! — воскликнул он, — у меня сердце не на месте. Она меня уморит, ей-богу... Пойдёмте искать её. Мы вышли. На дворе уже совсем стемнело.

— О чём же вы с ней говорили? — спросил меня Гагин, надвигая шляпу на глаза.

— Я виделся с ней всего минут пять, — отвечал я, — я говорил с ней, как было условлено.

— Знаете ли что? — возразил он, — лучше нам разойтись; этак мы скорее на неё наткнуться можем. Во всяком случае приходите сюда через час.

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошёл я все улицы, заглянул всюду, даже в окна фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... и я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидеть, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила.

«Куда могла она пойти, что она с собою сделала?» — восклицал я в тоске бессильного отчаяния... Что-то белое мелькнуло вдруг на самом берегу реки. Я знал это место; там, над

могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест с старинной надписью. Сердце во мне замерло... Я подбежал к кресту: белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой испугал меня самого — но никто не отозвался...

Я решил пойти узнать, не нашёл ли её Гагин.

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом, — она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава Богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава Богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастливым...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновенье.

Я не помню, как дошёл я до 3. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда на другой день утром я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены и дверь тоже была раскрыта; какие-то бу-
мажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Постойте, ведь вы, кажется, господин Н.

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я. Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторённым, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такою развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас уложиться и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе... Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она мне крикнула вслед, что у неё есть что-то для меня. Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая мне маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы; я этого не понял. Недобрый мой гений¹ остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, — выскользнула из рук моих.

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был позабыть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял с ней рядом и, смеясь, рассказывал ей что-то; а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядела из тёмной зелени старого ясеня.

¹ Гений — здесь: дух-покровитель человека (по римской мифологии).

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться, наконец, от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал её в лучшую пору моей жизни, какую я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслью, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. Разве не может повториться то, что было, думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знал других женщин, — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что стало со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1857

Обдумав прочитанное

1. Почему, по-вашему, Некрасов (см. его письмо на с. 318) писал о чистом золоте поэзии, о поэтической атмосфере повести? Какое впечатление произвела на вас повесть?

2. Рассказчик говорит о лице героини: «...самое изменчивое лицо, какое я только видел». Покажите, что он прав в своём утверждении (на примере одной из глав, хотя бы IV). Как в деталях портрета Аси проявляются особенности её характера?

3. Приведите примеры экстравагантного¹ поведения Аси. Как эту экстравагантность объясняют Гагин и сам рассказчик?

4. Что говорит Ася о своих стремлениях, как оценивает себя? Какие выводы о её характере можно сделать на основе её поведения, отзывов о ней других героев повести и её самооценок? Какие мысли и чувства вызывает Ася у вас?

5. Вчитайтесь в зарисовки природы в главе II. Обратите внимание на детали пейзажа. Покажите, что рассказчик (господин Н. Н.) обладал чутким сердцем и острым зрением, воспринимая красоту природы, что он был прав, говоря о себе: «Природа действовала на меня чрезвычайно».

6. Литературоведы отмечали, что в повести «Ася» есть места, близкие к стихотворной речи: в них при внимательном чтении «прослушивается» ритм, например:

С обеих сторон, на уступах, рос виноград;
Солнце только что село, и алый
Тонкий свет лежал на зелёных лозах,
На высоких тычинках.

Или:

На дне её бежал ручей
И шумно прыдал через камни.

Найдите другие подобные примеры в тексте повести. Как вы думаете, почему в этих местах проза писателя становится ритмичной?

7. В чём рассказчик обвиняет себя, в чём видит причину своей неудавшейся любви? А что роднит его с Гагиным?

8. Подтвердите или опровергните следующие высказывания русских критиков о героях повести:

Ася является в повести Тургенева восемнадцатилетней девушкой; в ней кипят молодые силы, и кровь играет, и мысль бежит; она на всё смотрит с любопытством, но ни во что не вглядывается; посмотрит, и отвернётся, и опять взглянет на что-нибудь новое; она с жадностью ловит впечатления и делает это без всякой цели и совершенно бессознательно; сил много, но силы эти бродят. На чём они сосредоточатся и что из этого выйдет, вот вопрос, который начинает занимать читателя тотчас после первого знакомства с этой своеобразной и прелестной фигурой...

...Что же касается до тестообразного г. Н., то он поступил так замысловато и вследствие этого так глупо, как может поступить только существо, лишённое плоти и крови или одарённое весьма

¹ Экстравагантный — причудливый, необычный, из ряда вон выходящий.

жалкою дозой крови плохого достоинства... У него всё перепутано: чувство врывается в процессе мысли, мысль парализует чувство... Это — ходячая теория, человеческая голова на куриных ножках, выжатый лимон без соку, без вкуса и без остроты.

Д. И. Писарев¹. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова

Все лица повести — люди из лучших между нами, очень образованные, чрезвычайно гуманные, проникнутые благороднейшим образом мыслей...

...Вот человек (господин Н.), сердце которого открыто всем высоким чувствам, честность которого непоколебима, мысль которого приняла в себя всё, за что наш век называется веком благородных стремлений. И что же делает этот человек? Он делает сцену, какой устыдился бы последний взяточник. Он чувствует самую сильную и чистую симпатию к девушке, которая любит его; он часа может не прожить, не видя этой девушки... Мы видим Ромео, мы видим Джульетту, счастью которых ничто не мешает, и приближается минута, когда навеки решится их судьба, — для этого Ромео должен только сказать: «Я люблю тебя, любишь ли ты меня? И Джульетта прошепчет: «Да...» И что же делает наш Ромео (так мы будем называть героя повести, фамилия которого не сообщена нам автором рассказа), явившись на свидание с Джульеттой?.. <...> Он ей делает выговоры за то, что она его компрометирует! Что это за нелепая жестокость? Что это за низкая грубость? И этот человек, поступающий так подло, выставлялся благородным до сих пор... Таково было впечатление, произведённое на многих совершенно неожиданным оборотом отношений нашего Ромео к его Джульетте...

[Но] вы вините человека, — всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его... Из того, что жестокая неприятность, которой подвергается Ася, приносит ему самому не пользу или удовольствие, а стыд перед самим собой... мы видим, что он попал не в вину, а в беду... Он не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь... Он робеет, он бесильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск, опять-таки потому, что жизнь приучила его

¹ Писарев Д. И. (1840—1868) — русский критик, публицист, философ.

только к бледной мелочности во всём... Чем он хуже других? Чем он хуже нас всех?..

Н. Г. Чернышевский¹. Русский человек на rendez-vous²

Подумайте, можно ли безоговорочно осудить господина Н. Н.? Не забудьте, что поэтическая атмосфера повести, сложная психология героини воссозданы в рассказе, ведущемся от его имени.

Господин Н. Н. говорит: «...я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслью, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой». А может быть, он прав? Ваше мнение?

9. Повесть Тургенева построена как рассказ-воспоминание. В ней как бы два времени: рассказчик, уже пожилой человек, вспоминает и судит себя, молодого. Какие произведения Л. Толстого, М. Горького (а может быть, и знакомые вам произведения других писателей) построены на таком переплетении времён — давно прошедшего с настоящим?

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

В повести «Андрей Колосов» (первой своей повести) Тургенев рисует рядом с главным героем сложную фигуру рассказчика. В превратностях их любви к героине, простой и искренней девушке, раскрываются их характеры. Как живые предстают перед читателем окружающие их люди.

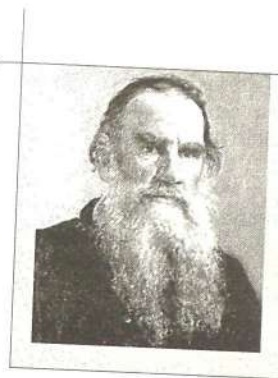
Среди произведений Тургенева 50-х годов Некрасов выделил повесть «Три встречи». До последних страниц повести читатель напряжённо следит за сюжетом, ждёт разгадки таинственной незнакомки. История, рассказанная автором, исполнена высокой поэзии, лиризма, так свойственных Тургеневу как писателю.

Пятнадцатилетнему мальчику на именины подарили серебряные часы. О том, какие необычайные, нередко трагические происшествия последовали за этим, писатель повествует в одном из своих поздних произведений — «Часы».

Внимание читателей привлекает яркая и сильная фигура Давыда — одного из двух братьев-подростков, нарисованных в повести. Сын сосланного за «вольнодумство», он остаётся верен отцу и может постоять за себя, оберегая собственное достоинство и пробудившееся чувство к девушке.

¹ Чернышевский Н. Г. (1828—1889) — философ, критик, писатель.

² *Rendez-vous* (франц.) — randevu (свидание).

Лев
Николаевич
ТОЛСТОЙ
(1828—1910)

Сложные отношения связывали И. С. Тургенева с его младшим современником Л. Н. Толстым. Тяга друг к другу, горячая дружба сменялись годами охлаждения и даже разрыва.

В 1857 году, в год создания «Аси», Тургенев вместе с Толстым и Некрасовым был в Париже. Это с Толстым он позднее в письме поделился раздумьями о повести «Ася». Уже будучи глубоким стариком, Л. Н. Толстой написал рассказ «После бала», где тоже поведал историю несчастной любви молодого человека. Конечно, произведение Толстого совершенно оригинально и создано отнюдь не под влиянием повести Тургенева. Но, вчитавшись, мы неожиданно обнаруживаем общие черты в биографии героев и даже в построении произведений. Видимо, писателей привлекали некоторые сходные характеры и жизненные проблемы.

ХУДОЖНИК, МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Лев Толстой прожил долгую жизнь, он скончался на семьдесят третьем году.

Многое испытал Толстой в своей жизни. Он был и студентом Казанского университета, и военным, причём подвергался смертельной опасности и на Кавказе и в Севастополе, и писателем-художником, и путешественником, и сельским хозяином, и педагогом, и семьянином, и общественным деятелем, и философом, и проповедником, и обличителем неправды существующего насильнического строя.

Чуткость к поэзии начала проявляться у Толстого с раннего детства. Не было ему ещё восьми лет, когда однажды отец

застал его за декламированием стихов Пушкина «Наполеон» и «К морю». Отца поразили тот пафос¹, с каким маленький Лев произносил эти стихи, и он заставил его продекламировать их ещё раз.

Писать Толстой начал в двадцать два года. В 1851 году, живя в Москве, он написал первую редакцию повести «Детство», повинаясь исключительно пробудившейся в нём потребности художественного творчества. Когда же в следующем году повесть, после троекратной авторской переделки, была напечатана в журнале знаменитого поэта Некрасова «Современник» и вызвала самые лестные отзывы критики, Толстой почувствовал, что настоящее призвание его — литература, и по окончании Восточной войны вышел в отставку.

В возрасте тридцати четырёх лет Толстой женился на дочери московского врача, Софье Андреевне Берс, и почти безвыездно поселился в своём имении Ясная Поляна. Его занятия — литературный труд, сельское хозяйство и воспитание детей.

В занятиях сельским хозяйством Толстого привлекала также поэтическая сторона — общение с природой. Он любил разводить домашних животных... наблюдать созревание хлебных растений, любил насаждать сады и леса. Всего Толстой насадил в своём имении сто восемьдесят гектаров леса.

Толстой любил сам принимать участие в крестьянском труде...

Он смолоду любил физические упражнения и занимался гимнастикой до последнего года своей жизни. Шестидесяти семи лет от роду Толстой выучился кататься на велосипеде. Есть фотография, где Лев Николаевич снят на коньках в саду московского дома Толстых, причём снимок этот был сделан в 1898 году, когда Толстому было уже семьдесят лет. Толстой был неутомимый ходок в далёких и продолжительных прогулках, превосходно ездил верхом, отлично плавал и любил купаться.

Когда Толстому было уже около пятидесяти лет, произошёл резкий перелом в его мирозерцании... Его мучили основные проблемы бытия: о смысле жизни, о смерти, добре и зле². Кроме того, у него появилось сознание нравственной незаконности своего положения помещика среди нищеты окружающих его бедняков, крестьян...

¹ *Пафос* — здесь: глубокое, торжественное чувство.

² *Зло* — здесь: всё дурное, вредное, греховное (в противоположность добру).

На свой талант он смотрит не как на средство достижения личных целей, а как на орудие, данное ему свыше для служения человечеству. Теперь Толстой в своих многочисленных статьях и художественных произведениях борется с существующим злом и неправдой, обличает насилие и деспотизм власти, угнетение трудового народа... протестует против готовящихся и совершающихся войн, называя войну «самым ужасным злодеянием, какое только может совершить человек...» Вместе с тем Толстой призывал каждого человека к нравственному обновлению, к борьбе со своими недостатками, к сознанию своей нравственной ответственности за все свои поступки...

...Известно, что Толстой умер не в Ясной Поляне. За десять дней до кончины он навсегда покинул свой дом, чтобы остаток своей жизни провести где-нибудь в глуши, в простой крестьянской избе...

В таком возрасте, когда люди обычно ищут одного только покоя, вырваться из привычных условий обеспеченного существования и попытаться начать новую жизнь в совершенно новых, неизведанных условиях, — это ли не доказательство громадной силы воли у этого уже физически ослабевшего старца?

Лев Толстой был велик не только как гениальный творец, но и как человек, как личность.

В истории человечества такие люди, как Лев Толстой, появляются только веками.

*Н. Н. Гусев*¹. Лев Толстой — человек

Я отрёкся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живём, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей.

Л. Н. Толстой. Исповедь

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и всё.

Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век, и книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением...

¹ Гусев Н. Н. (1862—1967) — литературовед, в 1907—1909 гг. личный секретарь Л. Н. Толстого.

Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

М. Горький. История русской литературы

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более, что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у неё уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцать лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость,

¹ Грациозная — изящная.

какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец¹ лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный² портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера³. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном пюсовом⁴ платье, в бриллиантовой фероньерке⁵ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны⁶. Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами⁷, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью,

¹ Иноходец — лошадь, которая бежит иноходью — сначала выносит обе правые, затем обе левые ноги.

² Дагерротипный — от дагерротип — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

³ Камергёр — почётное придворное звание.

⁴ Пюсовый (устар.) — тёмно-коричневый.

⁵ Фероньерка — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

⁶ Елизавета (старинное произношение Елисавета) Петровна (1709—1761) — русская царица.

⁷ Хоры — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных¹ башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её; только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества², она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «encore»³. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела...

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием устало-сти, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаша и мамаша, ожидая ужина, лакеи чаще забежали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

¹ Атласный — сделанный из атласа — шелковой гладкой блестящей ткани.

² Качество — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый своё. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

³ Ещё (франц.).

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папá просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру её отца полковника с серебряными эполетами¹, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в бриллиантовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

¹ Эполеты — парадные офицерские погоны.

— Уговорите, *ma chère*¹, отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *à la Nicolas I*² подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи³, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигурка Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких, белых, атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁴, — хорошие опойковые⁵ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал

¹ Дорогая (франц.).

² Как у Николая I.

³ *Портупея* — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения оружия.

⁴ *Штрипка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁵ *Опойковые сапоги* — сапоги из опойка — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдите теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садились в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядыва-

ет на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умирительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а другом — девичий институт². Я прошёл наш пустынный переулочек и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые³ с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевиными дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

¹ Кандидатский экзамен — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждавшуюся выпускникам университета.

² Девичий институт — Институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

³ Ломовые — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полшубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ногам, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтчик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я слышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул его по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где

я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О, Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутен¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходящая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидал опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть,

¹ Шпицрутены — прутья или палки, которыми били наказываемых.

они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Ясная Поляна. 20 августа 1903 г.

Обдумаем прочитанное

1. Рассмотрите рисунок к рассказу. Какие иллюстрации, по-вашему, можно было бы ещё создать?

2. Почему рассказ, большая часть которого посвящена изображению бала, называется «После бала»?

3. Сравните поведение и внешность полковника на балу и после бала. Почему полковник, как будто любящий, внимательный отец, оказался жестоким по отношению к солдатам? Был ли он двуличным человеком, лицемером?

4. Какими эпитетами и с помощью каких деталей рисует рассказчик зал, губернского предводителя, его жену, Вареньку в первой части рассказа и какими — солдат и наказываемого татарина во второй части? Какими словами передаёт свои чувства на балу и какими — во время и после истязания солдата?

Набрасывая портрет Вареньки, рассказчик говорит о её царственном виде, о «ласковой, всегда весёлой улыбке и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа». Как вы понимаете эту метафору?

5. Как бы вы определили основной конфликт рассказа? Почему Толстой противопоставляет друг другу две части рассказа и в описаниях употребляет контрастные краски?

6. Восстановите историю жизни Ивана Васильевича. Сравните её с историей жизни господина Н. Н. из повести Тургенева «Ася». В чём сходство? В чём различие? Почему потерпела крушение любовь

Ивана Васильевича к Вареньке и почему — любовь господина Н. Н. к Асе? Почему Иван Васильевич отказался от государственной службы? Прав ли он был, по-вашему?

7. Напишите сочинение на одну из тем: «Полковник на балу и после бала», «Утро, изменившее жизнь».

ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ РАССКАЗА «ПОСЛЕ БАЛА»

Варвара Андреевна Корейш <...> была дочерью воинского начальника в Казани Андрея Петровича Корейша. Лев Николаевич знал и её, и её отца. Чувство Сергея Николаевича [брата Л. Н. Толстого] к этой девушке угасло после того, как он, весело танцевавший с ней на бале мазурку, на другое утро увидел, как её отец распоряжался прогнанием сквозь строй бежавшего из казармы солдата. Случай этот, без сомнения, тогда же стал известен Льву Николаевичу, который через пятьдесят с лишним лет (в 1903 году) воспользовался им для своего рассказа «После бала»...

Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой

В 1866 году недалеко от Ясной Поляны, имения Л. Н. Толстого, был казнён солдат, ударивший офицера, постоянно издевавшегося над ним. Л. Н. Толстой взял на себя защиту солдата перед судом, но ничего не смог добиться. Суд над солдатом и казнь произвели на писателя тяжелейшее впечатление.

«Случай этот, — писал впоследствии Л. Н. Толстой, — имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей».

Мы ночевали у 95-летнего солдата. Он служил при Александре I и Николае.

— Что, умереть хочешь?

— Умереть? Ещё как хочу. Прежде боялся, а теперь об одном Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привёл Бог. А то грехов много.

— Какие же грехи?

— Как какие? Ведь я когда служил? При Николае; тогда разве такая, как нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, так ужас берёт. Я ещё Александра застал. Александр того хвалили солдаты, говорили — милостив был.

Я вспоминал последние времена царствования Александра, когда из 100 — 20 человек забивали насмерть. Хорош же был Николай, когда в сравнении с ним Александр казался милостивым.

— А мне довелось при Николае служить, — сказал старик. И тотчас же оживился и стал рассказывать.

— Тогда что было, — заговорил он. — Тогда на 50 палок и порток не снимали; а 150, 200, 300... насмерть запарывали...

— А уж палками — недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка. Нынче уж и не знают, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У нас и солдаты Николая Палкиным прозвали. Николай Павлыч, а они говорят Николай Палкин. Так и пошло ему прозвище... Унтер-офицера до смерти убивали солдат молодых. Прикладом или кулаком свиснет в какое место нужно: в грудь или в голову, он и помрёт. И никогда взыску не было. Помрёт от убога, а начальство пишет: «Властию Божиею помре». И крышка...

Он рассказал о том, как водят несчастного взад и вперёд между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровавые рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступают и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала ещё кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли ещё бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживёт, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему...

Мы говорим: зачем поминать?.. те страшные дела: палки, сквозь строй и другие — прошли уже; зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше. Был Николай Палкин. Зачем это вспоминать?.. Палки и сквозь строй — всё это уже прошло...

Прошло? Изменило форму, но не прошло...

Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят, запертые в тесные, вонючие помещения, и умирают медленной телесной и нравственной смертью. Жёны и дети их брошены без пропитания... Тысячи сидят по крепостям или убиваются тайно начальниками тюрем, или сводятся с ума одиночными заключениями. Миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов... Царь русский не может выехать никуда без того, чтобы вокруг него не была цепь явная сотен тысяч солдат, на 50 шагов друг от друга расставленная по дороге, и тайная цепь, следящая за ним повсюду. Король собирает подати и строит

башни, и на башне делает пруд, и в пруду, выкрашенном синей краской, и с машинами, представляющими бурю, катается на лодке. А народ мрёт на фабриках: и в Ирландии, и во Франции, и в Бельгии.

Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время всё то же и что наше время полно теми же ужасами, теми же пытками, которые для следующих поколений будут так же удивительны по своей жестокости и неслепоте.

Л. Н. Толстой. Николай Палкин

❧ Вопросы ❧

1. В какое время происходит действие рассказа «После бала»? Что вы знаете об этом времени из других, ранее прочитанных и изученных произведений?

2. Почему, по-вашему, в 1900-е годы Толстой вспомнил случай, происшедший в далёкие годы юности, и положил его в основу рассказа «После бала»?

КОМПОЗИЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Создавая художественное произведение, писатель стремится не только выразить нахлынувшие на него мысли и чувства, но выразить их так, чтобы, обретя изящную форму, они с наибольшей силой воздействовали на читателя.

Художественное произведение не хаотическое собрание эпизодов, описаний, монологов и диалогов. Каждая часть, каждый эпизод произведения, их расположение, их связь друг с другом способствуют раскрытию идеи писателя и помогают воспринять произведение как единое целое.

Обратимся к рассказу Л. Н. Толстого «После бала».

Его сюжет несложен: молодой человек охладил к любимой девушке после того, как увидел её отца, полковника, распоряжающимся жестоким наказанием солдата. Но как построен рассказ?

Повествование ведётся от лица Ивана Васильевича, пожилого человека, вспоминающего прошлое. Из короткого вступления мы узнаём, что этот человек уважаем всеми, что «рассказывал он очень искренно и правдиво», что он, очевидно, обладает богатым жизненным опытом, — благодаря этим замечаниям у читателя возникает особое доверие к герою. А обещание Ивана Васильевича поведать об одном утре, от которого переменялась вся его жизнь, заставляет читателя с интересом и напряжённым вниманием следить за дальнейшим повествованием.

В центре произведения, на первом плане, — событие, сыгравшее решающую роль в судьбе Ивана Васильевича. Рассказ строится как последовательное и контрастное изображение двух эпизодов: бала у губернского предводителя и наказания солдата. Противопоставленные друг другу, эти эпизоды органически друг с другом связаны, так как развивают единую художественную идею. Легко представить себе, что без эпизода истязания солдата картина бала, хотя и блестяще нарисованная писателем, потеряла бы всякий смысл. Точно так же сцена наказания солдата не выглядела бы столь ужасной, а отчаяние молодого студента не было бы так глубоко объяснено, если бы этой сцене не предшествовала картина бала. Контрастно противопоставляя две сцены, Толстой как бы срывает маску с внешне благополучной и даже нарядной действительности. Чем более праздничным, роскошным представлял себе окружающий мир студент вначале, тем неожиданнее, трагичнее, горше оказалось его прозрение. Писатель вскрывает противоречия жизни в царской России и в то же время показывает силу переживаний Ивана Васильевича, увидевшего мир с неожиданной стороны.

Так отдельные эпизоды, зарисовки, штрихи сливаются в единое художественное целое.

Каждое произведение, в зависимости от его идеи, темы, задач, которые ставит перед собой писатель, строится по-своему. В основе эпических произведений («Метель» Пушкина), лиро-эпических («Мороз, Красный нос» Некрасова), драматических («Ревизор» Гоголя) обычно лежит сюжет. Причём элементы сюжета (завязка, развитие действия, кульминация, развязка) могут сочетаться самыми разнообразными способами: например, последовательность хода событий в поэме «Мороз, Красный нос» нарушается воспоминаниями и снами героини; «Детство» Л. Толстого не имеет кульминации. Лирические произведения не имеют развёрнутого сюжета. Но каждое истинно художественное произведение создаётся по определённым законам композиции. Его можно уподобить живому организму: все его части сочленены, все события, герои, образы взаимосвязаны.

Напомним, что композиция (от латинского *compositio* — «составление, соединение, связь») — это *построение произведения, расположение и взаимосвязь его частей, порядок изложения событий*. Контрастное построение — один из видов композиции, обусловленный идеей данного, конкретного произведения.

1. Припомните композицию «Капитанской дочки» Пушкина. Почему рассказ о жизни Гринёва в Белогорской крепости до её падения, охватывающему период около года (главы III—V), Пушкин уделяет столько же места, как и эпизодам встреч Гринёва с Пугачёвым после покорения крепости восставшими, хотя эти встречи происходят всего на протяжении суток?

2. Как построена поэма Лермонтова «Мцыри»? Какую роль в ней играют 1-я и 2-я главы?

3. Назовите знакомые вам произведения, построенные по принципу контраста.

Л. Н. ТОЛСТОЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Любовные отношения ко всему живущему — прежде всего, разумеется, к человеку, к ближайшим из них... есть признак участия в общем деле; возбуждение в себе и в других вражды, ненависти есть признак противодействия общему делу.

Чувствуя чужие страдания, как свои, ...можно и должно найти тот путь, при котором будет легко. И это будет тогда, когда я сделал всё зависящее от меня для облегчения страданий других.

Как следит атлет за увеличением мускулов, так следит за увеличением любви или хоть, по крайней мере, за уменьшением злобы и лжи, и будет полная, радостная жизнь.

❧ Приглашаем в библиотеку ❧

«Он собрал последние силы, поднялся из-за завала и выстрелил из пистолета в подбежавшего человека и попал в него. Человек упал. Потом он совсем вылез из ямы и с кинжалом пошёл прямо, тяжело хромя, навстречу врагам. Раздалось несколько выстрелов, он зашатался и упал. Несколько человек милиционеров (так в прошлом веке называли военнотружущих-добровольцев. — *Сост.*) с торжествующим визгом бросились к упавшему телу. Но то, что казалось им мёртвым телом, вдруг зашевелилось. Сначала поднялась окровавленная, без папахи, бритая голова, потом поднялось туловище, и, ухватившись за дерево, он поднялся весь. Он так казался страшен, что подбегавшие остановились...» Это строки из заключительной сцены повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» — об одном из предводителей горцев, перешедшем на сторону русских. Писателю был чужд внутренний мир Хаджи-Мурата, но его восхищала сила жизни героя.

Бессердечно-жестоким и коварным предстаёт перед читателем Николай I. Вот как он приказывает расправиться с одним провинившимся студентом: «Заслуживает смертной казни. Но, славу Богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить её. Провести 12 раз сквозь тысячу человек. Николай».

О сложностях войны на Кавказе в XIX веке рассказывает в своей повести Л. Н. Толстой.

СОДЕРЖАНИЕ

К юным читателям.....	3
Искусство слова	5

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Народные песни.....	14
Исторические песни	17
Лирические песни	20
<i>Константин Георгиевич Паустовский. Колотый сахар</i>	23
Из сборников авторских песен	29

РУССКАЯ СТАРИНА

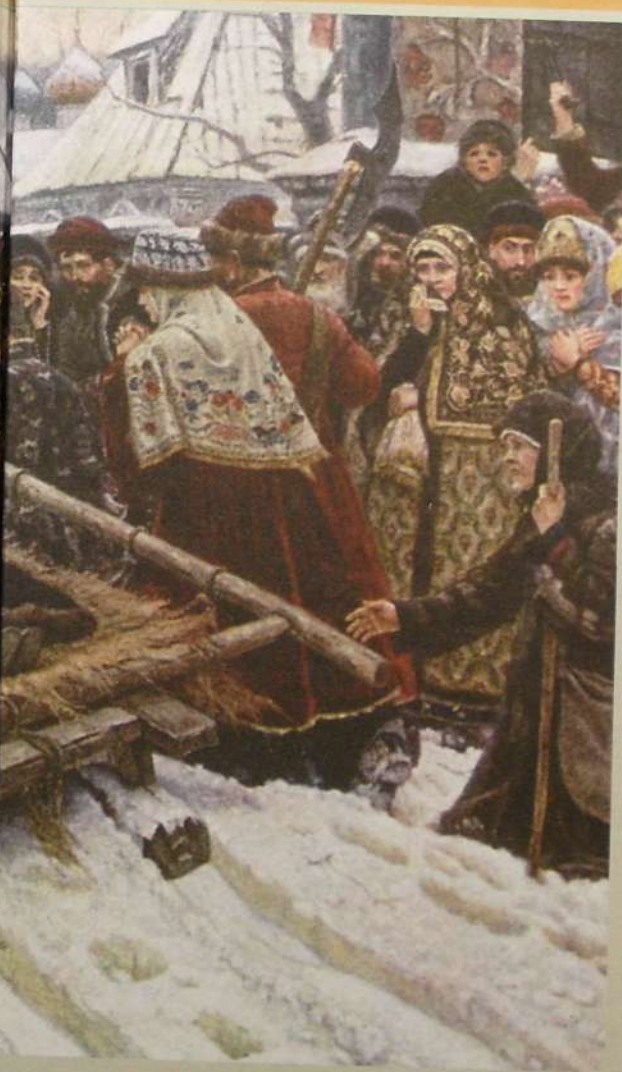
<i>Алексей Николаевич Толстой. Земля «оттич и дедич»</i>	33
Люди Древней Руси	35
<i>Житие преподобного Сергия Радонежского (фрагменты)</i>	36
Детские годы.....	36
Основатель монастыря.....	39
Искушения	40
В монастыре.....	42
Против Мамаю	45
Кончина	47
Языком живописи	48
<i>Житие Аввакума, им самим написанное (фрагменты)</i>	50
Начало жизни	50
На церковном поприще.....	51
В сибирской ссылке.....	52
Возвращение из ссылки	55
Из челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу.....	55
Из письма боярыне Морозовой.....	56
Из послания ко всем исповедующим старую веру.....	56
Из книги бесед.....	57
Русские писатели о сочинениях протопопа Аввакума	57

ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

<i>Александр Сергеевич ПУШКИН.....</i>	62
Наш вечный спутник	63
А. С. Пушкин в работе над материалами о Пугачёвском восстании	64

Капитанская дочка	66
Глава I. Сержант гвардии	66
Глава II. Вожатый	74
Глава III. Крепость	81
Глава IV. Поединок	87
Глава V. Любовь	95
Глава VI. Пугачёвщина	101
Глава VII. Приступ	109
Глава VIII. Незванный гость	115
Глава IX. Разлука	121
Глава X. Осада города	125
Глава XI. Мятежная слобода	132
Глава XII. Сирота	141
Глава XIII. Арест	146
Глава XIV. Суд	151
Образ — характер	160
Точность и краткость пушкинской прозы	161
Историческая правда и художественный вымысел в повести ..	168
Русские писатели о повести А. С. Пушкина	169
Другие страницы прозы А. С. Пушкина	170
Метель	171
<i>Марина Ивановна Цветаева.</i>	
Генералам двенадцатого года	182
Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ	185
Певец родины и свободы	185
Лирика	188
Кавказ	188
Сосед	190
В. Г. Белинский о стихотворении «Сосед»	190
Пленный рыцарь	191
Завещание	191
Литературоведческий комментарий	192
В. Г. Белинский о стихотворении «Завещание»	193
Художественный образ в лирике	193
Мцыри	195
В. Г. Белинский о поэме «Мцыри»	215
«Мцыри» и устное творчество грузинского народа	216
Наши современники о произведениях Лермонтова	218
Тема и идея художественного произведения	219
Николай Васильевич ГОГОЛЬ	221
Великий сатирик о себе	221
Н. В. Гоголь о театре	223

Н. В. Гоголь читает «Ревизора»	223
Прочитаем комедию «Ревизор» вместе	224
Ревизор	225
Когда опустился занавес	305
Конфликт и сюжет художественного произведения	305
Правда жизни и художественный вымысел в комедии.	
Николаевская Россия во времена Гоголя	308
Н. В. Гоголь о городничем	311
В. Г. Белинский о Хлестакове	312
Русские писатели о творчестве Гоголя	314
Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ	316
Поборник идей доброты и гуманности	316
Из истории создания повести «Ася»	317
Ася	318
Лев Николаевич ТОЛСТОЙ	363
Художник, мыслитель, человек	363
После бала	366
Жизненные источники рассказа «После бала»	376
Композиция художественного произведения	378
Л. Н. Толстой о смысле жизни	380

В. И. Суриков
«Боярыня
Морозова»